

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ
(РПА Минюста России)»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

ПРАВО. ОБЩЕСТВО.
ГОСУДАРСТВО

*Сборник научных
трудов студентов и аспирантов*

Том 9

Санкт-Петербург
2019

УДК 34
ББК 67

Редакционная коллегия:

*Д. В. Рыбин (председатель),
Е. В. Трофимов (ответственный редактор),
Д. В. Волков, А. Н. Несмиянов, Т. И. Свиридонова,
Я. А. Сексте, А. А. Сергеева, Н. Н. Штыкова*

П 68 Право. Общество. Государство: сборник научных трудов студентов и аспирантов. Т. 9. / редкол.: Д. В. Рыбин (пред.), Е. В. Трофимов (отв. ред.) [и др.]. — СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. — 198 с.

В настоящий сборник включены научные статьи студентов и аспирантов, подготовленные по материалам конкурсных работ, а также научных докладов и сообщений на конференциях Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).

Издание предназначено для научно-педагогических работников, студентов, аспирантов и всех интересующихся правовыми и гуманитарными исследованиями.

ISBN 978-5-6042626-5-8 (т. 9)

ISBN 978-5-6042626-5-8

9 785604 262658

ISBN 978-5-9908298-6-2

ISBN 978-5-9908298-6-2

9 785990 829862

© Составление, оформление.
ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019

Содержание

<i>Мальцева П. С.</i> Разбой: проблемы квалификации с незаконным проникновением в жилище.....	6
<i>Самсонова В. Р.</i> Уголовно-правовые проблемы регламентации этнаназии в законодательстве зарубежных стран	8
<i>Гасанов Э. В. о.</i> Общественный контроль над деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы	11
<i>Михайлова И. М.</i> Вопросы профилактики неуплаты средств на содержание детей	13
<i>Нерсисян Н. Д.</i> Проблемные аспекты гармонизации и унификации норм национального законодательства по таможенным правонарушениям государств — членов ЕАЭС.....	15
<i>Гаврилов А. В.</i> Организация Объединенных Наций как инструмент международной безопасности в мире современных вызовов для человечества.....	18
<i>Зиятдинов И. Р.</i> Некоторые проблемы, связанные с применением положений статьи 164.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации	20
<i>Сидорук Е. В.</i> К вопросу сущности понятия «суверенитет права»	23
<i>Иванова П. А.</i> Региональный государственный жилищный надзор.....	26
<i>Иванова Д. А.</i> Основания прекращения права пользования жилым помещением.....	29
<i>Яндукова М. В.</i> Применение процедуры медиации в трансграничных спорах о детях	31
<i>Савельев В. Е.</i> Проблемы несовершенства законодательства в области фактического владения вещью во взаимосвязи со сроками приобретательской давности	35
<i>Захарова М. В.</i> Социально-психологические факторы: как одна из причин развития преступности несовершеннолетних	38
<i>Абибова С. С.</i> Понятие мониторинга правоприменения: основные подходы.....	40
<i>Севастьянов В. М.</i> Проблема определения и применения санкций в международном публичном праве.....	44
<i>Шевченко Д. И.</i> Разновидности и формы коррупционных проявлений.....	48
<i>Зейналов И. Ш. о.</i> Проблемы имущественной ответственности индивидуального предпринимателя, являющегося собственником объекта строительства, расположенного на земельном участке с особым юридическим статусом.....	51
<i>Янакова К. Х.</i> Сравнительный анализ порядка розыска должников и их имущества в российском и иностранном законодательстве.....	54

Кириленко К. В. Административно-правовое регулирование потребительского рынка.....	58
Капков А. Н. Административно-правовое регулирование функционирования комиссий по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов	62
Кутиль М. В. Правовое воспитание как элемент правовой культуры общества.....	66
Журкин Д. А. Административная ответственность за правонарушения в области налогов и сборов	70
Ершова А. А. Зарубежный опыт уголовной ответственности за неуплату средств на содержание ребенка или нетрудоспособных родителей.....	74
Орлов В. И. К вопросу об отражении в законе новой гражданско-правовой категории «электронная вещь»	77
Безденежных Г. Н. Мусор как проблема социальной политики в России	80
Перепонова И. А. Значение института конфликта интересов для противодействия коррупции на государственной гражданской службе.....	84
Зарипова Д. Р. О некоторых проблемах исполнения государствами — членами ООН требований международных документов о защите объектов культурного наследия, внесенных в список ЮНЕСКО.....	88
Сергеева Е. Е. Конституционные проблемы защиты персональных данных граждан	91
Геец К. В. Особенности правовой охраны произведений в цифровой форме в Российской Федерации	95
Исхакова Д. Р. Особенности международных дистрибьюторских соглашений.....	99
Лесников А. Д. Конституционная гарантия права на жилище: проблемы законодательного регулирования очереди на жилье в Санкт-Петербурге.....	102
Зейналов И. Ш. о. Проблема общедоступности квалифицированной юридической помощи	105
Королева Ю. Д. К вопросу о соотношении административных правонарушений и преступлений.....	108
Зейналов И. Ш. о. Проблемы реализации родительских прав в условиях лишения свободы.....	112
Савосин Н. А. Проблемы принятия федерального конституционного закона «О Конституционном собрании»	116
Лугманов Р. Р. Принцип добросовестности как политико-правовой метод	120
Гомонова Н. Д. Гражданское партнерство (правовой аспект)....	125

Журавский Д. А. К вопросу об открытом доступе в научных знаниях	128
Рыженков И. В. Административно-правовой статус Федеральной службы судебных приставов России	134
Плющенко А. А. Проблемы определения оснований административного иска	136
Кругликов В. В. К вопросу об обеспечении общественного порядка в Российской Федерации	140
Золотарева Е. П. Проблемы установления признаков организованной группы	143
Гришин А. Е. Государственное управление как «административный» и «исполнительный» процесс	146
Ленюский А. А. Некоторые проблемы формирования единообразной судебной практики через призму деятельности Пленума Верховного Суда РФ	149
Рандожский В. А. Исполнение уголовного наказания в виде обязательных работ	153
Шевчук Д. М. Административно-правовое регулирование деятельности участкового уполномоченного полиции	155
Черных Е. А. Административно-правовое регулирование оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции	158
Чизухина О. Н. Международная трудовая миграция в Европе	161
Чантурая Д. З. Незаконное вознаграждение от имени юридического лица: характеристика правонарушения	165
Сулягин С. Д. Особенности определения правового статуса гражданина (подданного) в странах Европы	169
Щербаков Н. А. Влияние международных договоров ЕАЭС на законодательство его участников	172
Сеидов Р. Ю. Устав ООН и глобальные вопросы современности	176
Шубина Ю. В. О некоторых исключениях из конкурсного порядка замещения должностей государственной гражданской службы	180
Рыбина М. Ф. Правовое регулирование семейных отношений, осложненных иностранным элементом	183
Ревункова К. М. Предупреждение рецидива преступлений женщин, отбывших наказание в виде лишения свободы	187
Шагина И. И. Личность преступника как объект изучения криминологии	191
Бибина А. В. К вопросу о юридических лицах публичного права	194

Мальцева Полина Сергеевна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции»
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
polly.mal94@gmail.com

Разбой: проблемы квалификации с незаконным проникновением в жилище

В соответствии со ст. 162 УК РФ разбоем является хищение чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни и здоровья человека, либо с угрозой применения такого насилия. Объектами данного преступления являются отношения собственности, а также жизнь и здоровье человека. Объективная сторона — нападение с использованием насилия, опасного для жизни и здоровья человека. Нападение может иметь неожиданный (тайный) или открытый характер. Субъективная сторона — прямой умысел. Мотив — корыстный, цель — завладение чужим имуществом. Субъект — лицо, достигшее возраста 14 лет [2, с. 55]. В научной литературе состав разбоя получил осмысление с различных позиций, основанных на особенностях квалификации общественно опасных посягательств [1, с. 64–67; 3, с. 45–50].

В рамках статьи остановимся на особенностях квалификации разбоя, совершенного группой лиц по предварительному сговору или с применением оружия (ч. 2 ст. 162 УК РФ) либо с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище (ч. 3 ст. 162 УК РФ).

При квалификации таких преступлений в правоприменительной практике возникает ряд проблем.

1. В случаях, когда при совершении преступления применяется оружие или предметы, используемые в качестве оружия, возникает необходимость разграничения грабежа и разбоя.

Так, судом вынесен приговор в отношении К., который совместно с Е. из корыстных побуждений, в целях завладения чужим имуществом требовал от Г. передать им деньги, не указывая сумму, а также сумку с содержимым. Не получив требуемого, К. и Е. применили в отношении Г. насилие, не опасное для его жизни и здоровья. Органами предварительного расследования действия К. были квалифицированы по ч. 2 ст. 162 УК РФ как разбой, т. е. нападение в целях хищения

чужого имущества группой лиц по предварительному сговору, с применением предметов, используемых в качестве оружия. В прениях сторон государственный обвинитель переqualificировал действия К. на грабеж, т. е. открытое хищение чужого имущества группой лиц по предварительному сговору, с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, мотивировав свою позицию тем, что в действиях Е., связанные с нанесением колото-резаного ранения потерпевшему и использованием предмета в качестве оружия, не охватывалось умыслом К. Доказательства того, что подсудимый К. заранее знал, что у Е. имеется нож и он может его применить при совершении преступления в отношении потерпевшего Г., в ходе судебного следствия исследованы не были. С учетом изложенного суд квалифицировал действия подсудимого как грабеж, совершенный группой лиц по предварительному сговору, с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья.

2. В случаях, когда субъект изначально имел умысел на совершение кражи из жилища, хранилища или помещения, но в дальнейшем его действия приобрели характер разбойного нападения, появляются некоторые особенности квалификации.

Так, судом вынесен приговор в отношении Д., который из корыстных побуждений, в целях завладения чужим имуществом неустановленным способом незаконно проник в жилое помещение, напал на проживавшего там потерпевшего, применив в отношении него насилие, опасное для здоровья. Д. нанес потерпевшему не менее восьми ударов руками и ногами по голове и туловищу, причинив легкий вред его здоровью, и завладел имуществом. Подсудимый признал вину частично, указав, что имел умысел на кражу. Квалифицируя содеянное как разбой, суд основывался на п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29, в соответствии с которым, если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются собственником или другими лицами, однако виновный, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание, содеянное следует квалифицировать как грабеж, а в случае применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия — как разбой. Судом установлено, что преступник действовал умышленно, незаконно проник в квартиру потерпевшего, где совершил хищение чужого имущества, с целью удержания которого совершил применение насилия, опасного для здоровья потерпевшего.

Разбой может быть совершен как одним лицом, так и организованной группой лиц по предварительному сговору. Данное преступление может быть совершено как с применением насилия в целях завладения чужим имуществом, так и с угрозой его применения. Оно может быть совершено с применением оружия или предмета, используемого

в качестве оружия. Таким образом, разбой — одно из наиболее опасных преступлений, поскольку в процессе его совершения опасности подвергается широкий спектр нематериальных и материальных благ: жизнь и здоровье лица, а также его имущество.

Список литературы

1. *Казаренков В. Ю.* К вопросу о разбое, совершенном с незаконным проникновением в жилище // Юридическая практика. — 2013. — № 6. — С. 64–67.

2. *Русанов Г. А.* Квалификация убийства, сопряженного с разбоем // Законность. — 2013. — №. 11. — С. 50–51.

3. *Яни П. С.* Вопросы квалификации разбоя // Законность. — 2015. — №. 9. — С. 45–50.

УДК 343.8

Самсонова Валерия Романовна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
Valery_Samsonova@mail.ru

Уголовно-правовые проблемы регламентации эвтаназии в законодательстве зарубежных стран

Одной из актуальных проблем медико-правового и нравственно-этического характера является предоставление человеку права прекратить биологическое существование, прибегнув к медицинскому вмешательству специального вида — эвтаназии. Оформление такого права в современном каталоге прав человека затруднено в связи с рядом оснований.

Во-первых, естественные права (или права человека первого поколения [1, с. 41–57]) сформировались в полном объеме несколько столетий назад, и если право на жизнь было включено в их каталог и впоследствии получило регламентацию в общепризнанных прин-

ципах и нормах международного права, то логически вытекающее из него право на ее завершение отражения в них не нашло.

Во-вторых, эвтаназия не тождественна суициду и предполагает содействие в уходе из жизни со стороны профессионального медицинского работника, для которого это может стать непосильной нравственной ношей. Поскольку современный тип правопонимания основывается на сбалансированном характере взаимоотношений между субъектами на основе универсального принципа юридического равенства, включение в сегмент профессиональных обязанностей врачей манипуляций, направленных на прекращение биологического существования пациента, неприемлемо [2, с. 96–106].

В-третьих, вероятное отнесение к субъектам правоотношений, возникающих в связи с эвтаназией, не только медицинских работников, но и иных лиц (например, родственников неизлечимо больных людей, облегчающих им уход из жизни по обоюдному согласию) ставит под удар абсолютное право на жизнь (в тех правовых системах, где провозглашен отказ от применения смертной казни, право на жизнь не подлежит никаким ограничениям) или «монополию» государства на лишение жизни (в тех юрисдикциях, где смертная казнь сохранилась).

В этой связи в большинстве зарубежных стран уголовно-правовая проблематика эвтаназии остается весьма актуальной. В российском законодательстве подход к ее решению неоригинален: по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 УК РФ такие действия квалифицируются как убийство с учетом привилегированного сострадательного мотива, указанного в системе обстоятельств, смягчающих наказание. В этой связи обращение к зарубежному опыту представляет значительный исследовательский интерес.

В целом законодательство зарубежных государств может быть классифицировано в этой части следующим образом: классификационным признаком будет выступать наличие привилегированного состава убийства, включающего эвтаназию, либо ее легализация в отраслевом законодательстве.

Соответственно, в первую классификационную группу необходимо отнести те юрисдикции, в которых эвтаназия разрешена, а ее осуществление является частью медицинской деятельности. Например, такой подход реализован в Бельгии, Нидерландах, Польше, Швейцарии. Более того, в некоторых из этих стран эвтаназия доступна лицам, не имеющим их гражданства (Швейцария), и даже детям (Бельгия). При совершении убийства по мотиву сострадания, специальный состав которого известен законодательству Нидерландов и Польши, виновный подвергается более мягкому наказанию, нежели в отсутствие такого мотива [3, с. 256–259].

Вторая классификационная группа представлена юрисдикциями, в которых медицинская деятельность, направленная на прекращение биологического существования пациента, не разрешена, однако мотив сострадания и цель прекращения страданий установлены в уголовном законе как составообразующие признаки привилегированного состава убийства (так построен уголовный закон Греции, Грузии, Коста-Рики, Перу) [4, с. 71–78].

В уголовных кодексах некоторых государств предусмотрены нормы, в соответствии с которыми квалифицируется убийство, совершенное «по настойчивому требованию» (§ 77 УК Австрии) либо «по настоянию человека или с его согласия» (ст. 202 УК Японии). При этом мера наказания за такие действия эквивалентна санкции за склонение к самоубийству и составляет пять лет лишения свободы.

Третья классификационная группа представлена юрисдикциями постсоветских государств, в большинстве которых привилегированный мотив сострадания указан в положениях общей части уголовного кодекса. При этом наличие такого мотива не связывается с обязательным смягчением наказания за убийство. Этот подход, существующий и в России, представляется весьма жестким, но соответствующим отношению большинства людей к проблеме эвтаназии.

Следует отметить, что в законодательстве многих стран уголовно-правовая регламентация эвтаназии не сформировалась до настоящего времени (страны англосаксонской правовой семьи, в которых доминирует судебный прецедент, вследствие чего формальные правовые предписания не требуются). Эта практика представляется в достаточной мере индивидуализированной, однако на российской почве совершенно неприемлемой, поскольку прецедентное право в национальной правовой системе отсутствует.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1) с учетом общемировых тенденций перспектива легализации эвтаназии в данный момент в России отсутствует;

2) зарубежный опыт в этой части весьма противоречив, и единая модель уголовно-правового регулирования не сформирована;

3) на сегодняшний день нравственно-этическая проблематика, сопутствующая эвтаназии, доминирует над правовыми аспектами ее возможной легализации, и пути достижения социального консенсуса в этой сфере не разработаны.

Список литературы

1. *Богданова Н. А.* Современный каталог основных прав человека: международный и национальный пути наполнения // Вестник МГУ. Сер. 11: «Право». — 2010. — № 1. — С. 41–57.

2. *Капинус О. С.* Конструкция состава эвтаназии по УК зарубежных стран // Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: сб. ст. — М.: Буквовед, 2008. — С. 96–106.

3. *Мирецкая Е. Б.* Проблемные вопросы легализации эвтаназии в России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2014. — № 4. — С. 256–259.

4. *Хрусталева Ю. М.* Эвтаназия: сущность и проблемы, взгляд в будущее // Философские науки. — 2003. — № 7. — С. 71–78.

УДК 343.8

Гасанов Эмиль Вахид оглы,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
metr991@mail.ru

Общественный контроль над деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы

Гражданское общество — базовая составляющая любого демократического государства, дающая возможность достигать компромисса общественных интересов при их большом разнообразии и противоречивости [1].

Сущность такого общества состоит в том, что активная деятельность определенных групп граждан позволяет претворять в жизнь контроль над государственными органами и их должностными лицами. Только при таком контроле возможно уважение прав и свобод человека и гражданина со стороны государственных органов и их должностных лиц, только в этом случае можно говорить о возможности достижения диалога и консенсуса между обществом и государством.

Одной из сфер, где на сегодняшний день реализуется общественный контроль, является деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

В федеральном законе «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» четко закреплено, что данный вид общественного контроля осуществляют только общественные наблюдательные комиссии, которые образуются в субъектах Российской Федерации, и их члены.

Главными формами осуществления полномочий общественными наблюдательными комиссиями становятся:

- посещение мест лишения свободы;
- рассмотрение обращений, поступивших от лиц, которые находятся в местах лишения свободы;
- направление результатов проверок в компетентные органы государственной власти.

Однако те решения, которые принимает общественная наблюдательная комиссия по итогам своих проверок, носят исключительно рекомендательный характер. Отдельно стоит отметить, что мнение общественных наблюдательных комиссий учитывается при решении о смене условий содержания осужденных [2].

При исполнении своих полномочий члены общественных наблюдательных комиссий должны соблюдать положения нормативных правовых актов, которые регулируют работу уголовно-исправительного учреждения, и выполнять все законные требования руководства данного учреждения.

Стоит также отметить, что, в случае если член общественной наблюдательной комиссии имеет родственника, который содержится в уголовно-исправительном учреждении, или член общественной наблюдательной комиссии проходит фигурантом по делу, к которому причастно лицо, содержащееся в уголовно-исправительном учреждении, данный член общественной наблюдательной комиссии не может проверять такое уголовно-исправительное учреждение.

В целях обеспечения безопасности членов общественной наблюдательной комиссии они осуществляют свои полномочия только в сопровождении сотрудников уголовно-исправительного учреждения.

Список литературы

1. *Лелюх В. Ф.* Современные виды (формы) контроля за деятельностью исправительных учреждений в период реформирования уголовно-исполнительной системы России // Вестник КемГУ. — 2012. — № 3 (51). — С. 317–324.

2. *Селиверстов В. И., Борисова С. В.* Общественный контроль за исполнением уголовных наказаний (современное состояние и перспективы развития) // Вестник МГЛУ. — 2011. — № 23 (629). — С. 81–92.

Михайлова Ирина Михайловна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
Mikhailova-Irina-Mikhailovna@yandex.ru

Вопросы профилактики неуплаты средств на содержание детей

Проблема своевременного и полного исполнения российскими гражданами своих алиментных обязательств актуальна для нашего общества и государства. Статистические данные свидетельствуют о неуклонном росте уголовных дел, возбуждаемых сотрудниками ФССП России в отношении лиц, уклоняющихся от уплаты средств на содержание несовершеннолетних детей или нетрудоспособных родителей [1, с. 41].

В ряде случаев привлечение должника к уголовной ответственности приводит к положительному результату, когда в результате принимаемых принудительных мер неплательщик изыскивает сумму образовавшегося долга и выплачивает алименты в полном объеме. Так, 46-летний житель г. Казани по решению суда должен был выплачивать на содержание своих несовершеннолетних детей алименты в размере 1/3 части дохода ежемесячно. Однако с момента принятия судебного решения обязательства он не исполнял, накопив долг в размере 870 тыс. руб. Привлечение должника к административной ответственности и назначение ему административного наказания в виде обязательных работ сроком на 90 суток не подтолкнули должника к добровольному исполнению обязательств по уплате алиментов. Более того, мужчина начал скрываться, вследствие чего был объявлен в розыск. После установления местонахождения мужчина был привлечен к уголовной ответственности в соответствии со ст. 157 УК РФ. Это должным образом воздействовало на должника, и накопившийся долг перед детьми был им полностью погашен [1, с. 43].

В то же время в юридической литературе справедливо отмечается, что многие проблемы в области обеспечения и соблюдения законных прав получателей алиментов остаются нерешенными [2, с. 55]. В этой связи правоведы высказывают предложения о необходимости усиления ответственности в отношении лиц, имеющих задолженность по уплате средств на содержание несовершеннолетних детей и нетрудоспособных

родителей [3, с. 142]. В числе эффективных способов решения указанной проблемы называется введение в практику таких мер воздействия на должника, как запрет выезда за пределы Российской Федерации, размещение фотографий должника в общественных местах и др. [4, с. 89].

Ответственность в сфере алиментных правоотношений касается не только лиц, обязанных уплачивать алименты, но и иных субъектов, на которых законом возложена обязанность в конкретной форме содействовать взысканию алиментов (организация-работодатель, банки и иные кредитные организации, размещающие на своих счетах денежные средства алиментнообязанных).

Эффективность мер наказания за неуплату алиментов в настоящее время представляется неудовлетворительной.

На основании теоретического обоснования темы приведем пример из судебной практики, касающейся неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей.

На основании решения Василеостровского районного суда Санкт-Петербурга от 13 марта 2015 г. Любимова С. А. обязана уплачивать алименты на содержание несовершеннолетней Любимовой К. С. в размере $\frac{1}{4}$ части всех видов заработка и иного дохода ежемесячно начиная с 24 ноября 2014 г. и до совершеннолетия ребенка. Однако от уплаты алиментов она уклоняется, имеет задолженность, в службу занятости для трудоустройства не обращается, мер к погашению задолженности не предпринимает. Несовершеннолетний ребенок находится в детском доме-интернате. Уголовное дело по ст. 157 УК РФ не возбуждалось [1, с. 43].

Относительно неуплаты средств на содержание детей можно выделить круг существующих проблем:

- отсутствие точных данных о личности алиментнообязанного лица;

- определение минимального размера алиментного обязательства;

- вопрос о введении четких параметров и оснований, необходимых для лишения различного рода прав.

В отношении неплательщиков должны быть приняты меры для решения проблемы неуплаты средств на содержание детей:

- создание дактилоскопической базы данных населения;

- создание и функционирование отдельного социального института семьи и прав человека;

- ограничение возможностей выезда за границу;

- взыскание денежных средств в принудительном порядке;

- лишение свободы до 5 лет.

Таким образом, одним из вариантов решения рассматриваемой проблемы может быть система функционального контроля над лицами, обязанными к уплате алиментов, и их образом жизни.

Список литературы

1. Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2018 году. — М.: ФССП России, 2019. — 55 с.
2. *Авдеев Д. О.* Уголовное право России. — М.: Юстицинформ, 2016. — 392 с.
3. *Гагина Е. А.* Уголовная ответственность за неуплату алиментов: моногр. — М.: Проспект, 2017. — 156 с.
4. *Парышев А. И.* Злостное уклонение от уплаты алиментов: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. <...> канд. юр. наук. — Киров, 2006. — 165 с.

УДК 341

Нерсесян Натела Давидовна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
nata0911@bk.ru

Проблемные аспекты гармонизации и унификации норм национального законодательства по таможенным правонарушениям государств — членов ЕАЭС

Процесс создания и формирования интеграционного объединения требует сближения национальных законодательств [1, с. 67].

Принятие государствами — членами Таможенного союза Таможенного кодекса Таможенного союза стало отправной точкой создания наднационального унифицированного законодательства в области таможенного дела. Данным таможенным законодательством установлены пространственные пределы юрисдикции Таможенного союза (единая таможенная территория), а также установлены единые таможенные операции и процедуры, единые запреты и ограничения.

Следует отметить, что принятие и действие единого таможенного законодательства на едином таможенном пространстве для государств — членов Таможенного союза обязывает принять единые

меры защиты такого законодательства от противоправных посягательств. Именно в этих целях была проведена работа по унификации охранительного законодательства. В частности, подписаны Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения Таможенного кодекса Таможенного союза от 5 июля 2010 г. и Соглашение о правовой помощи и взаимодействии таможенных органов государств — членов Таможенного союза по уголовным и административным делам от 8 мая 2015 г.

Следует акцентировать внимание на том, что Договор от 5 июля 2010 г. имеет бланкетный характер и отсылает к национальному закону по вопросам, связанным с видами преступлений и административных правонарушений, а также с порядком привлечения к ответственности виновных лиц.

Однако вышеуказанный договор имеет ряд особенностей: виновное лицо, совершившее административное правонарушение на едином таможенном пространстве, привлекается к административной ответственности по национальному законодательству того государства, на территории которого было выявлено административное правонарушение.

На сегодняшний день острой проблемой остается вопрос унификации и гармонизации национального законодательства государств — членов ЕАЭС, в частности административного законодательства, связанного с таможенными правонарушениями [2, с. 7].

Интеграционное объединение ЕАЭС основано на Договоре о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Данный договор предусматривает гармонизацию и унификацию законодательства государств — членов ЕАЭС в целом и последующую реализацию политики сближения юрисдикционных систем.

Под гармонизацией понимается сближение законодательства государств — членов ЕАЭС, имеющее идентичное нормативно-правовое регулирование в отдельных сферах общественных отношений.

Под унификацией подразумевается сближение законодательства государств — членов ЕАЭС, имеющее сходные механизмы правового регулирования в отдельных сферах общественных отношений.

Несмотря на правовое предписание вышеуказанного договора от 29 мая 2014 г. о сближении национальных законодательств, на практике выявляются несоответствия.

Несоответствие законодательств государств — членов ЕАЭС, в частности административного законодательства, заключается в видах административных правонарушений таможенных правил и количестве соответствующих статей (КоАП Республики Армения — 17 статей, КоАП Республики Беларусь — 19 статей, КоАП Российской Федерации — 24 статьи, КоАП Республики Казахстан — 40 статей, КоАП Кыргызской Республики — 46 статей).

Нестыковка наблюдается и по срокам давности привлечения к административной ответственности (Республика Армения — 2 месяца со дня совершения правонарушения, Республика Казахстан — 2 месяца со дня совершения правонарушения, Кыргызская Республика — 6 месяцев со дня совершения правонарушения, Российская Федерация — 2 года со дня совершения правонарушения, Республика Беларусь — 3 года со дня совершения правонарушения).

Кодексы об административных правонарушениях государств — членов ЕАЭС, в частности нормы, касающиеся нарушений таможенных правил, разнятся по составам таможенных правонарушений. Имеются также различия в видах административных наказаний, в суммах налагаемых штрафов, зависящие от статуса субъекта правонарушения.

Отличительная особенность состоит в том, что в КоАП Республики Беларусь и КоАП Республики Казахстан по некоторым составам таможенных правонарушений индивидуальные предприниматели выделены как самостоятельные субъекты правонарушения, в то время как в КоАП РФ индивидуальные предприниматели привлекаются к ответственности как юридические лица.

Анализ административных законодательств пяти государств — членов ЕАЭС позволяет прийти к выводу, что в некоторых государствах не предусмотрена ответственность за правонарушения, совершенные за пределами данного государства (например, в Казахстане), а в Российской Федерации (ч. 2 ст. 1.8 КоАП РФ) и в Республике Беларусь (ч. 5 ст. 1.4 КоАП РБ) предусмотрена.

Таким образом, следует отметить, что в современных условиях основным направлением нормотворческой деятельности государств — членов ЕАЭС должна стать максимально возможная унификация и гармонизация национальных законодательств, в частности связанная с таможенными правонарушениями. Безусловно, данная деятельность — задача не на ближайшую перспективу, ибо отсутствие единых составов таможенных правонарушений и ответственность за них являются преградой для взаимного доступа участников ВЭД на рынок государств — членов ЕАЭС, что, в свою очередь, влияет на интеграционный процесс.

Помимо этого дифференциация административного законодательства пяти государств ЕАЭС приводит к снижению эффективности правоохранительной деятельности таможенных органов.

Для разрешения данной проблемы представляется целесообразным предложить государствам — членам ЕАЭС выработать единые концептуальные подходы к унификации единых составов таможенных правонарушений и санкций за них и на основании таких подходов принять и подписать договор, который даст возможность внести изменения в соответствующие главы КоАП государств — членов ЕАЭС.

Список литературы

1. Буваева Н. Э. Сближение правовых систем в области таможенного дела как приоритетное направление деятельности ЕАЭС // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 2007. — № 1 (38). — С. 65–73.

2. Нарышкин С. Е. Евразийский экономический союз: проблемы и перспективы развития // Проблемы современной экономики. — 2015. — № 3 (55). — С. 7–8.

УДК 341.12

Гаврилов Андрей Витальевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
nalovest38@gmail.com

Организация Объединенных Наций как инструмент международной безопасности в мире современных вызовов для человечества

Реалии современного мира в том виде, в каком он существует на сегодняшний день, таковы, что, несмотря на всю мощь некоторых отдельно взятых стран и ведущих государств, таких как Россия, США и Китай, ни одна страна планеты не может в одиночку справиться с огромным количеством глобальных проблем и вызовов, стоящих перед человечеством в целом. Охарактеризовать глобальные проблемы достаточно лишь тем, что они касаются либо могут коснуться каждого из нас (отдельно взятого человека или всего мира в целом). Закрывать глаза на наличие таких проблем невозможно: это может привести как к краху экономических систем, так и к вымиранию человечества в целом [1, с. 732]. Поэтому существует необходимость в создании партнерских отношений, в поиске компромиссов для достижения общих целей.

Практически единственным инструментом, способным наладить отношения и найти различные подходы к решению глобальных проблем, является Организация Объединенных Наций (ООН), обладающая уникальной легитимностью. Данная организация служит механизмом международного сотрудничества, прочную основу которого составляет международное право. Эта организация охватывает множество вопросов из практически всех сфер деятельности человека: урегулирование конфликтов, безопасность, развитие гуманитарного сотрудничества, решение глобальных экономических и экологических проблем. Помимо этого ООН выполняет еще одну очень важную функцию: изменяет и дорабатывает международное право. Исторически ООН создавалась как организация, деятельность которой основана на тезисе о недопущении повторения событий, происходивших в мире во времена Второй мировой войны. Однако со временем ООН превратилась в организацию для решения многих других проблем. Например, лишь одной из ее задач является поддержание стран, выходящих из конфликтов, т. е. выполнение миротворческих функций для скорейшего восстановления экономической, политической и социальной ситуации. Отдельно стоит Совет Безопасности ООН (СБ ООН), поскольку он является именно тем ключевым элементом, который не допускает начала международных конфликтов, способных повлечь за собой угрозу международной безопасности [3, с. 244]. СБ — один из главных органов ООН, играющий ведущую роль в поддержании мира и безопасности на международной арене. В СБ ООН входят 15 членов: 5 постоянных (в числе которых и Россия) и 10 непостоянных, избираемых в соответствии с Уставом ООН. К полномочиям этого органа следует отнести возможность расследования любого спора или столкновения интересов, которые могут привести к международным конфликтам. В частности, Совет Безопасности выносит рекомендации по процедурам и методам урегулирования данных вопросов [2, с. 10–11]. СБ ООН также уполномочен предпринимать меры, не связанные с использованием вооруженных сил, для выполнения решения и требовать от входящих в организацию государств реализации этих мер, например таких, как полное или частичное прерывание экономических отношений, каких либо способов сообщения (ж/д, авиа и т. д.), а также полный разрыв дипломатических отношений. В случае недейственности этих мер СБ ООН вправе воспользоваться силами, необходимыми для решения или предотвращения конфликта. Члены организации, в свою очередь, обязуются предоставить в распоряжение СБ такие силы. Следует также учитывать, что Устав ООН ни в коем случае не затрагивает право отдельных государств на индивидуальную или коллективную самооборону, которая необходима при вооруженном нападении на члена ООН.

Список литературы

1. *Кварацхелия Т. Т.* Основные причины и проблемы в реформировании ООН // Молодой ученый. — 2016. — № 12. — С. 732–734. — <https://moluch.ru/archive/116/31666/> (дата обращения: 20.10.2019).

2. *Щербак И. Н.* О деятельности Совета Безопасности ООН на современном этапе // Вестник МГИМО. — 2013. — № 6 (33). — С. 9–14.

3. *Кононова К. О.* Проблемы эффективности реализации санкций Совета Безопасности ООН в правовой системе государства // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2009. — № 97. — С. 244–249.

УДК 343.132

Зиятдинов Ильдар Рафисович,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
levol225@gmail.com

Некоторые проблемы, связанные с применением положений статьи 164.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

С каждым днем информационные технологии (далее: ИТ) все больше и больше внедряются в повседневную жизнь. Продукты ИТ становятся доступнее и производительнее. Почти каждый человек имеет мобильный телефон, «умный» телевизор, компьютер и прочие продукты ИТ. Сегодня, чтобы поговорить с другим человеком, не нужно приезжать к нему домой либо звонить на домашний телефон: с ним можно связаться по мобильному телефону или написать ему в Интернете.

Статья 164.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее: УПК РФ), которая регулирует особенности изъятия электронных носителей информации (далее: ЭНИ) и копирования с них информации при про-

изводстве следственных действий, вступила в силу 8 января 2019 г. Она не является новой для уголовно-процессуального законодательства. Ранее данная статья находилась в гл. 25 УПК РФ и применялась только при производстве обыска или выемки. В настоящее время статья помещена в гл. 22 УПК РФ, что означает, что теперь изъятие ЭНИ возможно производить при производстве любого следственного действия. В результате изъятие ЭНИ и копирование информации с них будут применяться чаще.

К сожалению, в новую редакцию данная статья была перенесена без изменений, поэтому и на сегодняшний день остается нерешенным ряд проблемных вопросов, связанных с отсутствием в УПК РФ определения понятия и перечня ЭНИ. Споры в литературе и на практике ведутся по вопросу об обязательном привлечении специалиста при необходимости изъятия ЭНИ.

В соответствии с п 3.1.15 ГОСТ 2.051-2006 электронный носитель — материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники.

Рассмотрим это определение с технической стороны. Информация, находясь на конкретном носителе, занимает определенную память устройства. Значит, данное определение, которым должен пользоваться правоприменитель, является всеобъемлющим, поскольку любой продукт ИТ обладает памятью для вычислительных операций. Соответственно, почти все электронные устройства, которыми люди пользуются ежедневно, в частности мобильные телефоны, компьютеры и подобные продукты ИТ, могут быть квалифицированы как ЭНИ. Такой точки зрения придерживается и Б. В. Вехов, иронично приводя в качестве примеров микроволновую печь, электронный ключ от автомобиля, электронный полис обязательного медицинского страхования и т. д. [3, с. 169].

Согласно п. 2 ст. 164.1 УПК РФ, электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста. Данное требование законодателя значительно усложняет работу следователя, в то время как задача специалиста состоит в сокращении временных затрат следователя на поиск информации в какой-либо узкой области знаний.

Согласно п. 3 ст. 164.1 УПК РФ, следователь в ходе производства следственного действия вправе осуществить копирование информации, содержащейся на электронном носителе. Это означает, что следователь вправе единолично осуществить по своей инициативе копирование информации.

Таким образом, возникает коллизия: изъятие ЭНИ происходит с обязательным участием специалиста, а копирование информации с носителя может осуществляться без него, в то время как все должно

быть наоборот: при изъятии ЭНИ следователь должен обладать правом привлечения специалиста, а при копировании информации с ЭНИ следователь обязан привлекать специалиста в обязательном порядке. Существуют программы, с помощью которых можно уничтожать информацию с ЭНИ, и именно в этом случае специалист поможет сохранить и изучить имеющиеся на носителе данные.

Ю. В. Гаврилов указывает, что требование об обязательном участии специалиста содержит предпосылки для признания соответствующих протоколов следственных действий недопустимыми доказательствами, а также создает «питательную среду» для злоупотребления стороной защиты своими процессуальными правами [1, с. 48].

Н. В. Филиппова, Е. П. Пашкова, А. Е. Самарцева считают, что при изъятии ЭНИ специалиста следует привлекать только в определенных случаях, например если обыску подвергается сам сервер с информацией или изъятие сопровождается отключением локальной сети от технических устройств [2, с. 72].

В целях решения рассмотренных выше проблем целесообразно реализовать ряд мер.

1. Внести в УПК РФ не определение ЭНИ, а перечень таких носителей, которые могут выступать в качестве вещественных доказательств. Существует три группы накопителей информации: 1) оптические диски (CD-ROM, DVD-ROM, BR); 2) полупроводниковая память (флэш-память, SSD-диски); 3) магнитные носители (магнитные ленты, дискеты, жесткие диски).

Однако получить такой носитель в «чистом» виде возможно не всегда. Иногда они являются единым целым с другими элементами устройства. Например, телефон и планшет включают в себя память. Поэтому необходимо выделить их в отдельную группу и внести в перечень ЭНИ.

Если законодательно ввести этот перечень, следователь будет точно знать, что можно изымать у подозреваемого (обвиняемого) при производстве следственных действий, а что нет. Также лицо, в отношении которого производятся следственные действия, будет защищено от неправомерного, необоснованного изъятия следователем электронных устройств, которые сами по себе, а также информация, находящаяся на них, не имеют отношения к делу.

2. Исключить из ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ указание на обязательное привлечение специалиста при изъятии ЭНИ. Необходимость участия специалиста появляется только при изучении информации на носителе. В этом случае специалист выступает источником безопасности для следствия, сохраняя будущие вещественные доказательства.

В заключение следует отметить, что вопрос определения термина и места ЭНИ в уголовно-процессуальном праве остается дискуссии-

онным по сей день. Прогресс не стоит на месте, появляются новые устройства, технологии, и законодатель должен учитывать современные реалии. Реализация озвученных предложений будет способствовать защите подозреваемого (обвиняемого) от неправомерного изъятия ЭНИ, пониманию следователя, что можно изымать, а что нет, а также повышению эффективности следствия, благодаря экономии времени и сил следователя при привлечении специалиста.

Список литературы

1. *Гаврилин Ю. В.* Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Тр. Академии управления МВД России. — 2017. — № 4 (44). — С. 45–50.
2. *Филиппова Н. В., Пащикова Е. П., Самарцева А. Е.* К вопросу об изъятии электронных носителей в процессе производства следственных действий // Вопросы науки и образования. — 2018. — № 27 (39). — С. 70–72.
3. Электронные носители информации в криминалистике: моногр. / под ред. О. С. Кучина. — М.: Юрлитинформ. — 2017. — 304 с.

УДК 340.1

Сидорук Евгений Валерьевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
zhenyasidoruk@yandex.ru

К вопросу сущности понятия «суверенитет права»

Вопросы правового государства стали неотъемлемым элементом этатистского дискурса современности [1, с. 13], что обусловлено тенденцией к построению государства «всеобщего благоденствия», главной задачей которого будет благополучие граждан и их объединений. Как известно из всевозможных доктринальных изысканий, в услови-

ях правового государства это последнее «сковывается» правовыми средствами и механизмами «по рукам и ногам». Такая необходимость продиктована осмыслением прошедших исторических этапов развития государственности и нацеленностью на государственное воздействие в русле общечеловеческих интересов и приоритетов развития гражданского общества. В свете указанных положений общественно-политической мысли разумно рассмотреть и проанализировать понятие «суверенитет права», его роль в правовом государстве, исходя из современных реалий.

Впервые научно определяемое понятие суверенитета дал французский политический философ и юрист XVI в. Жан Боден. Он подразумевал под суверенитетом возведенную в закон волю монарха — суверена и выступал за сакрализацию власти последнего [4, р. 88]. В настоящее время мы имеем значительно видоизмененное, но обусловленное первоначальной (боденовской) трактовкой термина определение. Современное понятие суверенитета подразумевает верховенство и независимость государственной власти как в пределах своей территории (внутренний суверенитет), так и в международных отношениях с иными публично-правовыми образованиями (внешний суверенитет). В такой трактовке упор делается на главенствующую роль государства как носителя суверенитета.

Представляется интересным проанализировать альтернативную точку зрения на суверенитет, приписывающую принадлежность суверенитета не столько государству, сколько праву. Свое понятийно-категориальное отражение такая альтернатива находит в понятии «суверенитет права».

Являясь воплощением абстрактной правовой идеи, формируемое правосознанием граждан право выступает связующим звеном между членами общества и публично-правовыми образованиями, ведь именно оно определяет их правовое положение и закрепляет юридически значимое содержание их взаимодействия [3, с. 78]. Именно право легализует публичную власть и тем самым выступает единственным источником государственной власти. Исходя из такой постановки приоритетов, можно говорить о суверенитете только права как такового. Из научных трудов известно о суверенитете государства и суверенитете народа, которые находят свое закрепление в конституции любого развитого современного государства. Однако, анализируя соотношение понятий «суверенитет государства», «суверенитет народа» и «суверенитет права», логично выделить именно правовой суверенитет как важнейший и единственный объективно существующий суверенитет. Безусловно, и государство и народ обладают определенной долей суверенитета, который находит выражение в их суверенных полномочиях. Так, для государства наиболее важным суверенным полномочием является возможность осуществлять пуб-

личное управление, т. е. принимать властные решения и реализовать их посредством государственного аппарата, находящегося в распоряжении государства. Суверенные полномочия народа выражаются в важнейших политических правах граждан: праве на участие в выборах основных государственных органов и лиц, замещающих государственные должности, а также право на участие в референдумах по острым вопросам стратегического государственного порядка. Однако необходимо отметить, что закрепление обозначенных суверенных полномочий происходит именно посредством правовых средств и механизмов. Именно право должно аккумулировать «все суверенные права личности (в основе которых естественные, неотчуждаемые права человека), народа, нации и государства, а также других субъектов, обладающих ими» [2, с. 153]. Следовательно, исходя из вышеназванного, суверенитет права является высшим суверенитетом и необходимым источником функционирования суверенных полномочий других носителей суверенности.

Таким образом, становление правового государства подразумевает необходимость признать за правом как объективным отражением правовой идеи и правосознания граждан государства суверенное господство. Право закрепляет содержательную сторону взаимоотношений граждан с государством и опосредует абстрактное понятие суверенитета в объективную реальность. Суверенитет права представляется неотъемлемым элементом формирования правового государства и выступает ключевым элементом в построении такой модели государственности.

Список литературы

1. *Грохальски С. М.* Государства в решении современных глобальных проблем (международно-правовые аспекты): автореф. дис. <...> докт. юр. наук. — М., 1998.
2. *Несмиянов А. Н.* Суверенитет права как основа развития правового государства // Актуальные вопросы развития российской государственности и публичного права: мат. III всерос. научн.-практ. конф. 19 мая 2017 г. / отв. ред. Е. В. Трофимов. — СПб.: СПб ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. — 212 с.
3. *Осипова С. А.* Суверенитет права как основа понятия «правовое государство» // Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы: мат. междунар. научн.-теор. конф. Санкт-Петербург, 11–12 дек. 2009 г. — СПб.: Астерион, 2009. — Ч. 1. — 388 с.
4. *Bodin J.* Six livres de la république. — Lyon, 1578. — 88 p.

Иванова Полина Александровна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
polia.linka@yandex.ru

Региональный государственный жилищный надзор

Особенность использования законодателем терминов «контроль» и «надзор» жилищной сфере предопределяют актуальность их научно-практического исследования. Жилищный надзор используется в нормативных правовых актах как федерального уровня, так и регионального уровня. В последнем случае он употребляется как «государственный жилищный надзор», который осуществляется органами государственной власти субъектов. В Санкт-Петербурге и Ленинградской области функцию регионального государственного жилищного надзора реализуют Государственная жилищная инспекция Санкт-Петербурга, осуществляющая свою деятельность в соответствии с постановлением правительства Санкт-Петербурга от 23 ноября 2004 г. № 1849 «О Государственной жилищной инспекции Санкт-Петербурга», и Комитет государственного жилищного надзора и контроля в соответствии с постановлением правительства Ленинградской области от 10 января 2014 г. № 1 «О реорганизации государственной жилищной инспекции Ленинградской области, утверждении Положения о комитете государственного жилищного надзора и контроля Ленинградской области и признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства Ленинградской области». Следует отметить, что отдельную задачу в сфере государственного жилищного надзора осуществляет правительство Санкт-Петербурга. Оно обеспечивает условия для осуществления гражданами права на жилище, в том числе обеспечивает контроль за использованием и сохранностью жилищного фонда Санкт-Петербурга, соответствием жилых помещений жилищного фонда Санкт-Петербурга установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства. Муниципальный жилищный контроль, в свою очередь, осуществляется только органами местного самоуправления.

С целью эффективной реализации функций и полномочий в сфере осуществления государственного жилищного надзора принимаются подзаконные акты, устанавливающие порядок осуществления отдель-

ных административных процедур, например требования к процедуре исполнения государственной функции (график работы, порядок получения информации лицами, участвующими в осуществлении функции); перечень административных действий, проводящихся в процессе реализации государственной функции; перечень лиц, принимающих решение о проведении контрольных и надзорных мероприятий (должностные лица и государственные органы), упорядочение их проведения и длительность исполнения; регламент контроля над исполнением государственной функции; порядок обжалования действий органа исполнительной власти, уполномоченного осуществлять государственную функцию по контролю и надзору в жилищной сфере [2, с. 2].

Анализ исполнительных функций, задач и полномочий в сфере реализации регионального государственного жилищного надзора позволяет сделать вывод о различных подходах к реализации контрольных и надзорных функций в нормативных правовых актах федерального и регионального уровня. В Санкт-Петербурге функция регионального государственного жилищного надзора является общей и в дальнейшем подразделяется на ряд задач: осуществление регионального государственного жилищного надзора, координация деятельности исполнительных органов государственной власти регионов в сфере осуществления регионального государственного жилищного надзора, осуществление контроля над соответствием жилых помещений жилищного фонда регионов установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства. Задачи, в свою очередь, делятся на полномочия: осуществлять контроль за соответствием жилых помещений жилищного фонда Санкт-Петербурга установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства; осуществлять контроль над соответствием жилых помещений жилищного фонда Санкт-Петербурга установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства; осуществлять региональный государственный жилищный надзор; осуществлять контроль над соблюдением порядка и правил признания жилых помещений непригодными для проживания и перевода их в нежилые.

Несколько иная ситуация наблюдается в Ленинградской области, где полномочия делятся на региональный государственный жилищный надзор, контроль над соответствием жилых помещений санитарным и техническим требованиям и нормам, а также лицензирование предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами. Для исполнения регионального государственного жилищного надзора Комитет государственного жилищного надзора и контроля осуществляет функцию контроля над соблюдением требований законодательства [1, с. 3].

Иной вариант нормативного воплощения функций регионального государственного жилищного надзора наблюдается, например, в Москве: функции и полномочия определены вместе, что затрудняет их разделение. Следует отметить, что к полномочиям Мосжилинспекции относится муниципальный жилищный контроль. Это противоречит норме, установленной в пп.9 п.1 ст.14 Жилищного Кодекса РФ: муниципальный жилищный контроль отнесен к полномочиям местного самоуправления. В такой ситуации в соответствии с ч. 6 ст. 76 Конституции РФ положения закона субъекта в этой части не подлежат применению. Как положительный следует отметить опыт нормативного закрепления разделения полномочий между региональными и местными властями Ленинградской области, где действует областной закон Ленинградской области от 2 июля 2013 г. № 49-оз «О муниципальном жилищном контроле на территории Ленинградской области и взаимодействии органов муниципального жилищного контроля с органом государственного жилищного надзора Ленинградской области».

С целью минимизации различных рисков, включая юридический риск, при осуществлении государственного контроля (надзора) используется риск ориентированный подход. В жилищной сфере такой подход уже реализуется при осуществлении контроля и надзора над соблюдением лицензионных требований к деятельности в сфере управления многоквартирными домами в Санкт-Петербурге в соответствии с постановлением правительства РФ от 17 августа 2016 г № 806 «О применении риск ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»: проводимые проверки юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и используемых ими производственных объектов относят к определенному классу или категории опасности (соответствующей классу). В процессе проведения проверки учитывается тяжесть негативных последствий при возможном несоблюдении юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями требований, установленных в российском законодательстве. Представляется, что анализ и учет рисков при осуществлении управления на всех уровнях, включая муниципальный, позволит более эффективно достичь конечного результата управления и обеспечить законность и правопорядок.

Список литературы

1. Долгополов П. С. Жилищная инспекция // СПС «Консультант Плюс». — 2017. — № 47 (64).
2. Нифонтов Д. Ю. Государственный жилищный надзор: понятие и структура // СПС «Консультант Плюс». — 2017. — № 47 (64).

Иванова Дарья Александровна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
dasha.ivanoy@mail.ru

Основания прекращения права пользования жилым помещением

Актуальность темы представленной статьи опосредствуется различием позиций законодателя, правоприменителя и ученых-юристов относительно употребления двух сходных понятий: «право пользования» и «право проживания». В Жилищном кодексе РФ (ЖК РФ) не устанавливается и не употребляется термин «право проживания». Проживание употребляется в контексте обозначения действия, реализуемого в рамках права пользования: наряду с использованием жилого помещения в коммерческих целях проживающими в нем на законных основаниях гражданами и для осуществления профессиональной деятельности, например адвокатской.

Анализируя судебную практику, можно прийти к выводу, что отсутствие точной терминологии в жилищном законодательстве, касающейся понятий «право пользования» и «право проживания», затрудняет реализацию позиций законодателя. Несмотря на корректное использование указанной терминологии Верховным Судом РФ, в некоторых решениях судов общей юрисдикции можно наблюдать самостоятельное употребление термина «прекращение права проживания» и его отождествление с термином «право пользования». Не способствует разрешению ситуации и доктрина, которая использует данные понятия как тождественные [2]. В подтверждение позиции законодателя реализуются положения подзаконных актов. Так, в п. 5 Общих положений постановления правительства РФ от 21 января 2006 г. № 25 «Об утверждении Правил пользования жилыми помещениями» установлен перечень лиц и основания приобретения права пользования жилым помещением: право собственности, договор социального найма, договор найма жилого помещения государственного и муниципального жилищных фондов коммерческого использования, договор найма специализированного жилого помещения, членство в жилищном или жилищно-строительном кооперативе [1].

Конституционное право на жилище является одним из важнейших для обеспечения жизнедеятельности человека в нашем государстве. В связи с этим особого внимания заслуживает вопрос об основаниях и порядке прекращения права пользования жилым помещением, которое влечет за собой добровольное освобождение жилья, а при необходимости и выселение как меру принудительного характера. Основания прекращения права пользования можно разделить на три группы: прекращение в добровольном порядке, в добровольном и принудительном и в принудительном. В качестве примера добровольного прекращения права пользования можно привести сделки, направленные на отчуждение имущества: купля-продажа, дарение, мена и др. К основаниям прекращения права пользования в добровольном и принудительном порядке можно отнести расторжение договоров найма жилого помещения, поскольку данные договоры могут быть расторгнуты как со стороны нанимателя, так и со стороны наймодателя. Прекращение права пользования жилым помещением в принудительном порядке происходит, например, при изъятии (выкупе) жилья в связи с изъятием земельного участка, на котором расположено такое жилое помещение, для государственных или муниципальных нужд.

Фактическим воплощением прекращения права пользования как нематериального блага является выселение, исключаящее административный (внесудебный) порядок его реализации. Жилищное законодательство не содержит точной терминологии и о выселении. При этом анализ статей ЖК РФ, предусматривающих данную процедуру, позволяет дать понятию «выселение» следующее определение: это правовое последствие освобождения гражданином жилого помещения, если у данного гражданина прекращено право пользования им и он обязан его освободить.

Процессуальный порядок выселения реализуется в соответствии с п. 2 ст. 107 федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» и подразумевает освобождение жилого помещения от лица, прекратившего право пользования, его имущества, домашних животных и запрещение данному лицу пользоваться освобожденным помещением.

Таким образом, основания прекращения права пользования опосредуют основания выселения, но отсутствие законодательно установленной терминологии не позволяет их разграничить. Кроме того, реализуя прекращение права пользования и выселение, правоприменитель вынужден обращаться к источникам различной юридической силы (например, Земельный кодекс РФ, постановление правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и

жилого дома садовым домом»), что предопределяет необходимость дальнейшего комплексного исследования оснований и порядка выселения граждан из занимаемых ими жилых помещений.

Список литературы

1. *Алексеев С. С., Богатырев Ф. О., Булаевский Б. А.* [и др.]. Гражданское право и современность: сб. ст., посв. памяти М. И. Брагинского / под ред. В. Н. Литовкина, К. Б. Ярошенко; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ. — М.: Статут, 2013. — 766 с.

2. *Городов О. А., Губаева А. К., Долгополый М. Н.* [и др.]. Комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. О. А. Городова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2012. — 640 с.

УДК 347.91/95

Яндукова Мария Владимировна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
yandukova@gmail.com

Применение процедуры медиации в трансграничных спорах о детях

В 1980 г. в Гааге была принята Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей. В настоящее время ее ратифицировали 99 стран мира. Российская Федерация присоединилась к ней в 2011 г. [3, с. 30]. Данная Конвенция имеет своими целями, во-первых, обеспечить возвращение детей, которые были незаконно вывезены в любое из государств-участников, во-вторых, обеспечить права опеки и доступа, предусматриваемые законами одного государства-участника, и, в-третьих, обеспечить соблюдение этих прав в полной мере в другом государстве-участнике.

Гагская конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей [1, с. 7452] нигде не упоминает о возможности использования процедур медиации для разрешения спора родителей (опекунов) о месте постоянного проживания ребенка, однако прямое указание на такие примирительные процедуры имеет Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей 1996 г. В п. «b». ст. 31 Конвенции 1996 г. указано, что центральные органы договаривающихся государств лично либо через представителей должны принимать необходимые меры для организации посредничества, процедур медиации и других средств для формирования взвешенных позиций по защите личности и имущества ребенка [2, с. 4297].

Конвенция 1980 г. в ст. 11 закрепляет положение о том, что соответствующий судебный или административный орган должен вынести решение в срок, не превышающий 6 недель со дня начала процедур, в противном случае заявитель или центральный орган имеет право требовать от уполномоченного органа объяснения причин задержки. Данная статья Гагской конвенции свидетельствуют о том, что следует разработать такую модель медиации, которая может быть реализована в столь короткий (шестинедельный) срок. Затягивание процедуры медиации непозволительно, когда разрешается спор о детях, точнее, о трансграничном похищении детей [3, с. 9].

Вырабатывая эффективную и мобильную модель процедуры альтернативного разрешения споров, регулируемых положениями Гагской конвенции 1980 г., необходимо обратиться к теоретическим аспектам моделей проведения процедуры медиации. Эффективной будет такая модель, которая включит в себя положительные черты оценочной, классической и терапевтической моделей примирения через посредников.

Во-первых, медиация при разрешении споров о детях должна быть оперативной, т. е. оптимальное для сторон решение необходимо найти в очень короткий срок.

Во-вторых, такую медиацию следует проводить профессиональным медиатором (как в классической модели), который к тому же должен обладать обширными знаниями в области семейного и международного права (как в оценочной модели). Поэтому необходимо организовать обучение медиаторов, которые будут специализироваться на спорах такого характера.

В-третьих, в данной процедуре особое внимание нужно уделить психологии данного конфликта, ибо между родителями и между родителями и ребенком необходимо сохранить близкие семейные отношения. Такой аспект следует позаимствовать из терапевтической модели.

Совмещение данных характеристик, создает оптимальную модель для урегулирования споров между родителями (опекунами) о месте постоянного проживания ребенка с последующим незамедлительным возвращением его в это место.

Стоит отметить, что остро стоит проблема признания медиативных соглашений, заключенных сторонами, проживающими на территории разных государств, в зарубежных странах. Каждая страна — участница Гаагской конвенции 1980 г. имеет свои национально-правовые особенности, которые влияют на придание медиативным соглашениям обязательного характера, что позволит сторонам исполнять его в любом из договаривающихся государств. Обязательный характер такого соглашения может быть создан путем удостоверения или одобрения такого соглашения судом.

Повышение уровня сотрудничества между странами — участницами Конвенции 1980 г. в сфере альтернативного регулирования споров о месте постоянного проживания ребенка должно сократить время, затрачиваемое на проведение медиативных процедур, что в соответствии с данной Конвенцией имеет колоссальное значение. Установление активного сотрудничества посредников (медиаторов) с властными органами договаривающихся государств положительно скажется на нахождении решения (соглашения), приемлемого для противоборствующих сторон [4, с. 27–28].

Изучение теоретических и практических аспектов проведения процедуры медиации приводит к выводу, что российское законодательство в этой сфере требует определенных доработок.

Во-первых, нужно определить, что споры, вытекающие из семейных отношений, могут рассматривать исключительно профессиональные медиаторы (посредники). Такие медиаторы должны пройти специальную подготовку, которая будет включать в себя изучение не только правил и техник проведения процедуры медиации, но и правовых норм, регулирующих такие правоотношения, психологию семьи и детскую психологию. Такие знания необходимы для более быстрого нахождения способа выведения сторон на контакт. Необходимо создать отдельное направление подготовки таких медиаторов в связи со специфичностью данных споров.

Споры бывших супругов, осложненные межгосударственной составляющей, должны рассматривать профессиональные медиаторы. К таким медиаторам законом должны быть установлены следующие требования: лица, достигшие возраста двадцати пяти лет, имеющие высшее профессиональное образование, прошедшие специальную подготовку по программе обучения медиаторов, ведущие процессы, связанные с разрешением споров, вытекающих из семейных отношений, а также в совершенстве знающие иностранные языки [2, с. 5–6].

Во-вторых, для того чтобы медиативное соглашение могли исполнять супруги в обеих странах, ему нужно придать официальность. Чтобы подпадать под действие Гаагской конвенции 1980 г., медиативные соглашения должны утверждаться либо административными органами, либо судом, поскольку в тексте Конвенции сказано, что исполнению подлежат решения административного или судебного органа договаривающихся государств.

В-третьих, в Российской Федерации медиация при разрешении семейных споров не пользуется популярностью в силу того, что многие люди просто не знают о существовании таких процедур. Такое незнание обусловлено тем, что население должным образом не проинформировано о том, куда нужно обратиться, если стороны готовы решать спор в альтернативном порядке. Поэтому представляется возможным, чтобы суд по собственной инициативе или по ходатайству одной из сторон мог направить стороны на пробную встречу с посредником (медиатором), который в процессе встречи должен рассказать сторонам о преимуществах данной процедуры. Такая практика используется в США, что значительно снижает нагрузку на суды общей юрисдикции.

Все вышеперечисленные меры будут способствовать популяризации медиации (эта цель прямо закреплена в ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ), снижению нагрузки на суды, и тем самым помогут сократить время рассмотрения дел. Стороны, прибегшие к процедуре медиации, получают возможность мирного урегулирования спора, что позволит сохранить близкие семейные отношения.

Список литературы

1. *Кабанов В. Л.* Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей как компонент российского права // Семейное и жилищное право. — 2014. — № 1. — С. 28–32.

2. *Семина Т. А.* Применение в Российской Федерации Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, заключенной в г. Гааге 25 октября 1980 г.: Реформа законодательства. Механизмы медиации // Семейное и жилищное право. — 2014. — № 2. — С. 3–6.

3. *Тригубович Н. В., Семина Т. А., Чернов А. В.* Применение медиации при разрешении споров о детях, в том числе в рамках реализации положений Гаагской конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. // Семейное и жилищное право. — 2013. — № 1. — С. 8–11.

4. *Трофимец И. А.* Роль адвоката и медиатора в бракоразводном процессе // Семейное и жилищное право. — 2015. — № 1. — С. 26–30.

Савельев Владимир Евгеньевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
ruslawsav@gmail.com

**Проблемы несовершенства законодательства
в области фактического владения вещью во взаимосвязи
со сроками приобретательской давности**

Согласно ст. 234 ГК РФ, лицо — гражданин или юридическое лицо, не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее как своим собственным недвижимым имуществом в течение пятнадцати лет либо иным имуществом в течение пяти лет, приобретает право собственности на это имущество.

Помимо таких критериев, как открытость и добросовестность, закон определяет обязательным условием непрерывность. В этой связи актуальность тематики исследования, связанная с защитой владения, не утрачивает научного и практического значения. Традиционно юрис-тами разделяется защита владения и фактического владения [3].

Гражданский кодекс РФ (ГК РФ) предусматривает соответствующие меры юридической защиты в отношении добросовестного владельца. Однако такое владение имеет непрерывную связь с фактическим владением вещью [1]. Институт правовой защиты для данных категорий не идентичен [4]. В свою очередь, возникает проблема, связанная с обеспечением надлежащего уровня защиты для фактического владельца, если это имеет правовое значение для приобретательской давности.

Выбытие вещи из фактического владения предусматривает прекращение непрерывного течения срока владения. Без реальной возможности осуществлять господство над вещью само владение теряет свой практический юридический смысл [2].

Однако в тексте закона усеченно отражены вопросы, связанные с посессорной защитой. Добросовестный владелец вещи, претендующий на получение права собственности по основанию сроков давности, не имеет реальных гарантий и защиты своих юридических интересов, если вещь выбывает из его фактического владения и переходит к иному лицу. Более ярко это проявляется в ситуации, когда первый

фактический владелец испытывает затруднения в доказывании своего права на вещь.

Владение подразумевает правомочия, а фактическое владение рассматривается в литературе как физическое состояние [7]. Сегодня законом защищается именно владение, в то время как вопросы защиты возможности фактически воздействовать на вещь не отражаются в правовом регулировании надлежащим образом [5].

В такой ситуации титульному владельцу затруднительно стать собственником вещи по основанию сроков приобретательской давности. Стороны не лишаются возможности вести самозащиту гражданских прав, однако без наличия институтов посессорной защиты подобные мероприятия представляются малоэффективными [8].

В гражданском процессе незаконный владелец в определенных случаях имеет надежную защиту даже против титульного владельца. Когда собственник самоуправными действиями лишает добросовестного приобретателя владения имуществом и ссылается на титул своего владения, владелец в процессе посессорной защиты не получит в том объеме, в котором бы учитывалось фактическое владение вещью [6]. При этом судьба сроков приобретательской давности остается также неизвестной.

Юристы неоднократно подчеркивали, что настоящее время необходимо ввести посессорную защиту в гражданском праве в целях обеспечения надлежащего уровня защищенности лиц, владеющих вещами на добросовестных началах [9]. При этом следует уделить больше внимания обеспечению юридической защищенности фактическим владельцам вещи. Без наличия соответствующих норм в тексте закона правовая судьба подобных отношений может иметь неперспективный характер [10].

Также будет иметь место нарушение права на приобретение права собственности по основанию сроков приобретательской давности в части непрерывного владения. Игнорирование подобных проблем делает непрактичными нормы ст. 234 ГК РФ, поскольку непрерывность напрямую зависит от наличия факта владения вещью.

Таким образом, закон предоставляет право по истечении сроков приобретательской давности вступить в права собственности в отношении какой-либо вещи. Однако без надлежащего уровня защиты фактического владения вещью реализовать данные права затруднительно.

При отсутствии возможности защищать права владения в порядке процессорного иска приобретательская давность теряет свой практический смысл, поскольку непрерывность может прерваться выбытием вещи из состояния господства над ней.

Для более эффективной защиты интересов участников гражданских правоотношений отечественному гражданскому праву действи-

тельно необходима специальная владельческая защита. Установление такой защиты в законодательстве наряду с определением понятия владения, его видов, условий приобретения и прекращения позволит создать целостный самостоятельный правовой институт владения и его защиты

С учетом сказанного следует ввести в гражданское законодательство возможность подачи посессорного иска и обеспечить его эффективными мерами юридической защиты в гражданском судопроизводстве. Это позволит искоренить некоторые проблемы, связанные с препятствиями во вступлении в права собственности на основании истечения непрерывного срока приобретательской давности.

Список литературы

1. *Василевская Л. Ю.* Реформирование законодательства о вещных правах и их защите: противоречия, проблемы и тенденции развития // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 9 (94). — С. 110–117.

2. *Иванов С. А.* Способы защиты владения // Общество и право. — 2011. — № 5 (37). — С. 96–99.

3. *Ковтонюк С. И.* Доказательства и доказывание по делам, связанным с приобретением права собственности в силу давностного владения // Отечественная юриспруденция. — 2018. — № 3 (28). — С. 109–111.

4. *Маланина Е. Н., Бутина В. В.* Сравнительно-правовой анализ института владельческой защиты в российском и зарубежном гражданском праве // Вестн. Омск. юр. акад. — 2018. — Том 15, № 2. — С. 173–180.

5. *Мальбин Д. А.* Соотношение норм о владельческой защите и виндикации // Учен. зап. Орловск. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. — 2013. — № 1. — С. 347–350.

6. *Мельник С. В., Мальбин Д. А.* Иск о вступлении во владение в проекте Гражданского кодекса Российской Федерации // Юристъ-Правоведь. — 2017. — № 2 (81). — С. 102–106.

7. *Мельник Е. А., Мальбин Д. А.* Материально-правовые формы защиты владения в проекте Гражданского кодекса Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. — 2014. — № 1 (31). — С. 122–126.

8. *Попов И. В., Бутина В. В.* Значение дискуссии о юридической природе владения // Вестн. Омск. юр. акад. — 2016. — № 4 (33). — С. 11–21.

9. *Сайфутдинов И. К.* К вопросу о современной реформе правового регулирования владения и владельческой защиты // Вестн. экономики, права и социологии. — 2011. — № 3. — С. 120–123.

10. Удод Д. Д. Правовая конструкция владельческого иска // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 11. — С. 138–143.

УДК 343.9

Захарова Маргарита Владиславовна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
maragret_zakh@mail.ru

Социально-психологические факторы: как одна из причин развития преступности несовершеннолетних

На развитие ребенка и то, кем он станет в будущем, во многом оказывают влияние первые процессы социализации, незримо предопределяя его становление как личности. И зачастую именно само общество является не только главным «конструктором» социального облика человека, но и «соучастником» в развитии прежде всего детской преступности. Многие внешние факторы, влияющие на становление мироощущения ребенка, могут повлечь непоправимые последствия.

Основываясь на исследованной литературе, можно выделить несколько основных уровней социально-психологических факторов, которые способны влиять на несовершеннолетнего, в том числе подталкивать его к незаконным действиям: микроуровень, средний уровень и макроуровень [1, с. 55]. Каждый из них опосредован определенным институтом социализации. Так, одно из главных мест в социализации несовершеннолетнего занимает семья, относящаяся к микроуровню. Взаимоотношения в семье, «воспитательная компетентность» родителей, сами личности родителей оказывают непосредственное влияние на психоэмоциональное состояние несовершеннолетнего. К социально-психологическим факторам микроуровня (семьи), определяющим развитие отклоняющегося (противоправного) поведения подрастающего человека, можно отнести следующие: а) отсутствие должного ответственного контроля за ребенком (ребенок часто остается без присмотра со стороны кого-либо из взрослых); б) отсутствие в воспитании ребенка родительской тактики (непоследовательность,

постоянное принижающее сравнение с другими детьми, в том числе братьями и (или) сестрами); в) жесткое обращение с ребенком (неприемлемые наказания, отчуждение, безразличие со стороны родителей); г) алкогольная или наркотическая зависимость членов семьи (особенно родителей) [2, с. 181]; д) криминальность родителей и (или) членов семьи (обращение детей к тюремным «понятиям», непосредственное вовлечение несовершеннолетних в криминальную деятельность); е) серьезные эмоциональные травмы в семье (ранний уход из жизни одного из родителей, раздельное проживание с кем-либо из родителей) [5, с. 22].

Факторы «среднего» уровня выражены в условиях существования несовершеннолетнего, которые выполняют также роль института социализации. К ним относятся: школа, окружение, контакты, район, квартал. В свою очередь, социально-психологическими факторами данного уровня, оказывающими значительное влияние на развитие противоправного поведения, являются: а) проблемы в школе (низкий уровень успеваемости и посещаемости, проблемы в взаимоотношениях с учителями и одноклассниками); б) делинквентность сверстников (употребление алкоголя и наркотиков, драки, совершение мелких краж и т. д.); в) недостаток понимания и поддержки со стороны взрослых и сверстников (отказ от общения с несовершеннолетним); г) регулярные конфликты с окружающими (оскорбления или действия, направленные на унижение чести и достоинства несовершеннолетнего) [4, с. 103–104].

Факторы макроуровня представляют собой совокупность элементов социального фона, которые наиболее опосредованно влияют на совершение правонарушений и наименее подвержены корректировке со стороны общества. Макроуровень не является институтом социализации ребенка, но непосредственно относится к социально-психологическим факторам, влияющим на формирование конфликта несовершеннолетнего с законом и обществом, поэтому он важен для рассмотрения как самостоятельное звено социально-психологических факторов. К макроуровню можно отнести такие характерные черты: а) бедность как отсутствие ресурсов для поддержания приемлемого уровня жизни; б) неравенство возможностей (более обеспеченные сверстники); в) социально-экономическая депривация (ребенок относит себя к классу «обездоленных») [3, с. 79].

Безусловно, для предупреждения и профилактики преступности несовершеннолетних важно внимание общества. Своевременное выявление всех рассмотренных факторов позволит предотвратить попадание ребенка в криминальную среду. Стоит помнить о том, что финансовые, жилищные, эмоциональные проблемы в семье напрямую не связаны с формированием антисоциальной либо криминальной направленности несовершеннолетнего, но в совокупности с другими

элементами, например с его личностными качествами, такими как гиперреактивность, агрессивность и ряд других, могут повышать вероятность конфликта несовершеннолетнего с законом.

Список литературы

1. Демидова-Петрова Е. В. О преступности несовершеннолетних и ее особенностях // Вестн. Казанск. юр. ин-та МВД России. — 2013. — № 14. — С. 52–57.

2. Жадан В. Н. Проблемы криминологической характеристики преступности несовершеннолетних в России / В. Н. Жадан // Балтийский гуманитарный журнал. — 2017. — Т. 6. — № 1 (18). — С. 179–182.

3. Косорукова Е. В. Преступность несовершеннолетних как один из видов преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2013. — №1(57). — С. 79–80.

4. Рязова Г. Н. О типичных свойствах личности вовлекаемого в совершение преступления несовершеннолетнего // Вестн. СПб ун-та МВД России. — 2012. — № 4. — С. 102–106.

5. Скрипченко Н. Ю., Симонова Н. Н., Корнеева Я. А. Проблемы правосознания несовершеннолетнего преступника: психолого-криминологические аспекты // Всероссийский криминологический журнал. — 2014. — № 3. — С. 18–25.

УДК 342.9

Абибова Сабина Сулеймановна,
студентка Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
Shihverdieva90@mail.ru

Понятие мониторинга правоприменения: основные подходы

Принятие в 1993 г. Конституции РФ обусловило курс на построение правового государства. В правовом государстве, главным принци-

пом которого является верховенство закона, проблеме эффективности правового регулирования должно уделяться самое пристальное внимание. В связи с этим в число приоритетных целей внутриполитической активности государства входят модернизация законодательного и иного нормотворческого процесса на всех уровнях и обеспечение единства правового пространства.

Институт мониторинга правоприменения представляет собой эффективное средство для достижения указанных целей и в перспективе способен в значительной степени обеспечить должное качество принимаемых нормативных правовых актов. Мониторинг правоприменения — направление государственной деятельности, преследующее прежде всего публичные интересы. Все население Российской Федерации заинтересовано в единстве правового пространства, в понятном и эффективном законодательном и подзаконном нормативно-правовом регулировании. При этом пределы правового мониторинга весьма значительны: его следует осуществлять перманентно и во всех областях правового регулирования, а на его результаты реагировать системно и комплексно.

В настоящее время правовой основой реализации мониторинга правоприменения в Российской Федерации является указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации», а также постановление правительства РФ от 19 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации». На уровне законодательства мониторингу правоприменения внимание не уделялось, а в указанных выше нормативных правовых актах отсутствует дефиниция, раскрывающая содержание такой категории, как мониторинг правоприменения.

Первые шаги на пути институализации анализируемой категории на федеральном уровне были сделаны Советом Федерации, который в рамках своей ежедневной работы совместно с понятием «мониторинг правового пространства» стал активно применять термин «мониторинг законодательства».

Тем не менее, поскольку категории «мониторинг законодательства» и «мониторинг правовых актов», используемые по отдельности, не включают в себя или этап нормотворчества, или этап правоприменения, позиция Совета Федерации шла вразрез с позицией большей части теоретиков. Последние полагали, что, учитывая значимость легализации дефиниции «мониторинг правоприменения» на законодательном уровне, она должна включать в себя такие виды правовой деятельности, как правотворческий процесс, оценка качества действующих нормативных правовых актов, процесс правоприменения [4, с. 7].

Несмотря на это, законодательный акт, определяющий основные положения по организации и реализации мониторинга правоприменения, на сегодняшний день по-прежнему не принят. Более того, в проектах федеральных законов, посвященных правовому регулированию правового мониторинга, данная дефиниция также не раскрывается. Например, проект федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации», разработанный Министерством юстиции РФ в 2014 г., содержит гл. 12 «Мониторинг нормативных правовых актов (правовой мониторинг)», однако понятие самого мониторинга авторами законопроекта предложено не было.

В доктринальной юридической литературе можно обнаружить разнообразные подходы к характеристике такой дефиниции, как «мониторинг». Одни специалисты предпочитают использовать понятие «мониторинг правового пространства» [5, с. 10]. Другим ученым ближе категория «мониторинг правоприменительной практики» [3, с. 81]. Встречаются также следующие подходы:

- мониторинг нормативных правовых актов [1, с. 32];
- правовой мониторинг [6, с. 8];
- коллизионный мониторинг [7, с. 42] и др.

При этом большинство авторов рассмотренных позиций указывают на то, что использование разных дефиниций, определяющих понятие мониторинга, либо раскрывает в узком смысле, либо, напротив, существенно увеличивает объем данного вида юридической деятельности. В связи с этим с целью единого подхода к терминологии целесообразно применять термин «мониторинг правоприменения». Данный термин охватывает оценку качества и эффективности правотворческой деятельности, актуальных нормативных правовых актов и практики их применения [8, с. 125].

Как представляется, последняя дефиниция в противовес другим, приведенным выше, более всеобъемлюща и способствует не только единообразию при толковании мониторинговой деятельности различными субъектами, но и использованию единообразной терминологии в нормативных правовых актах, устанавливающих правовую базу и порядок организации и реализации мониторинга правоприменения.

Таким образом, категория «мониторинг правоприменения» объединяет различные действия, направленные на сбор и систематизацию юридической информации, наблюдение, анализ и оценку состояния правовой реальности, и включает в себя всю совокупность ключевых видов правовых процессов: правотворческого, правоинтерпретационного, правоприменительного, контрольно-надзорного, а равно деятельность по обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина, правосудия, обучения [2, с. 80].

Подводя итог, отметим, что в отечественной юридической науке наблюдаются существенные различия в определении различными авторами объема и содержания категории «мониторинг правоприменения». С целью единого подхода к терминологии предлагаем применять термин «мониторинг правоприменения», под которым следует понимать деятельность уполномоченных субъектов, направленную на оценку качества и эффективности правотворческой деятельности, актуальных нормативных правовых актов и практики их применения посредством сбора и систематизации юридической информации, наблюдения и анализа состояния правовой реальности. Представляется, что данная дефиниция должна обрести легальную форму и ее следует закрепить на законодательном уровне.

Список литературы

1. *Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е.* Роль мониторинга нормативных актов для систематизации российского законодательства // Юридическая техника. — 2008. — № 2. — С. 31–35.
2. *Баранов В. М., Мушинский М. А.* Мониторинг дефектности нормативных правовых актов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской акад. МВД России. — 2011. — № 1. — С. 79–88.
3. *Берг Л. Н.* Мониторинг правоприменительной практики // Бизнес, менеджмент и право. — 2009. — № 1 (18). — С. 78–82.
4. *Горохов Д. Б., Спектор Е. И., Глазкова М. Е.* Правовой мониторинг: концепция и организация // Журнал российского права. — 2007. — № 5. — С. 7–11.
5. *Жужгов И. В.* Мониторинг правового пространства Российской Федерации: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — Ставрополь, 2006. — 22 с.
6. *Невеселов А. А.* Правовой мониторинг и государственная политика: Теоретико-правовые основы взаимодействия: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — Ростов н/Д., 2009. — 24 с.
7. *Стародубцева И. А.* Коллизионный мониторинг в механизме выявления юридических коллизий // Государственная власть и местное самоуправление. — 2013. — № 11. — С. 41–44.
8. *Черепанова Е. В.* Формирование модели отраслевого правового мониторинга // Ж-л российского права. — 2011. — № 3 (71). — С. 124–129.

Севастьянов Вячеслав Михайлович,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
slava.sevastyanov@mail.ru

Проблема определения и применения санкций в международном публичном праве

В доктрине международного права в качестве санкций рассматриваются ответные действия принудительной направленности, целью которых является привлечение к международно-правовой ответственности субъекта-правонарушителя.

Но стоит сказать, что единое мнение у теоретиков и практиков в области международного права по поводу того, что считать международно-правовыми санкциями и что понимать под этим термином, отсутствует. Относительно данного вопроса бытует множество гипотез, суждений и точек зрения. Проанализировав их, можно условно выделить две крупные категории.

Первая категория идей и гипотез ученых-международников характеризуется тем, что они рассматривают международно-правовые санкции как одну из форм международно-правовой ответственности субъектов международного права.

Вторая категория выражается в том, что понятие санкций является комплексным, или, можно сказать, обобщающим, и таким образом включает в себя как формы ответственности, так и принудительные меры.

Указанное разделение в теории международного права обусловлено тем, что формы международно-правовой ответственности и меры принуждения сливаются, поскольку и те и другие являются обязательными и безусловными последствиями совершения международного противоправного деяния. Иными словами, происходит отождествление понятий международно-правовой ответственности и мер принуждения [1, с. 128].

В результате возникает неверное толкование термина «санкции», в связи с чем им определяют два разных понятия.

Анализ теории данной области позволяет выделить три главных подхода.

Первый подход базируется на идеях о том, что санкции являются предусмотренной международно-правовыми нормами обязанностью субъекта, совершившего международное правонарушение, возместить нанесенный ущерб.

Второй подход рассматривает санкции как форму централизованного принуждения. Данный подход используется преимущественно в рамках таких субъектов международного права, как международные организации, и здесь он трактуется шире, чем просто возмещение вреда.

Третий подход, по сути, объединяет первый и второй, и в итоге само понятие санкций становится слишком объемным, включая в себя такие составляющие, как негативные последствия для субъекта-правонарушителя, форму его ответственности, а также меру принуждения. Таким образом, в данном случае понятие санкций консолидирует в себе все возможные средства, с помощью которых обеспечивается соблюдение международно-правовых норм.

Профессор Д. Б. Левин определил санкции как «принудительные меры, принимаемые международными организациями или государствами в отношении государств, совершивших наиболее тяжелые международные деликты (<...> санкциями могут быть также названные меры невоенного принуждения, односторонне принимаемые пострадавшим государством в отношении государства-делинквента, отказывающегося восстановить нарушенные права или предоставить удовлетворение» [2, с. 56].

Другой ученый-международник, Э. И. Скакунов, разделяет это понятие на три отдельные категории: принудительные меры самопомощи в отношении государств-правонарушителей; те же меры, но уже принимаемые коллективно в рамках международных организаций; одна из форм политической ответственности государств [5, с. 110].

Таким образом, как уже отмечалось, во многом происходит сращивание понятий международно-правовой ответственности и международных санкций. Тем не менее между ними есть ряд серьезных отличий.

Международно-правовая ответственность выражается в действиях правонарушителя, являет собой обязанность по возмещению причиненного вреда посредством волевого действия субъекта, совершившего международное правонарушение.

В отличие от ответственности международно-правовые санкции являются действием субъекта, которому был нанесен вред, и правомочием этого субъекта. Применяются санкции принудительно, т. е. вопреки воле субъекта-правонарушителя.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что по своей юридической природе международно-правовая ответственность и

санкции не идентичны, хотя нельзя отрицать, что они, безусловно, связаны. Обычно отмечается, что международно-правовые санкции делятся на экономические и политические. Эти формы никак не перекликаются с формами международно-правовой ответственности, которые, исходя из их природы, не являются санкциями.

Санкции можно классифицировать по ряду признаков.

1. По юридической природе. Экономические санкции характеризуются финансовыми ограничениями (например, блокировка активов за границей) или коммерческими ограничениями (например, введение торгового эмбарго). Политические санкции, характеризуются дипломатическими (например, отзыв своих дипломатов), культурными, спортивными ограничениями либо индивидуальными, персонифицированными, т. е. вводимыми для конкретных физических лиц.

2. По субъектам: групповые, т. е. налагаемые большинством членов определенной международной организации, или индивидуальные, т. е. вводимые одним субъектом против другого.

3. По уровню: глобальные или межгосударственные [3, с. 35].

Если говорить не только о теории, но и о практике, стоит отметить, что разграничение двух данных понятий позволит сделать ряд выводов. В первую очередь о том, что кроме прекращения международного правонарушения и возвращения состояния, имевшего место до совершения противоправного деяния, санкции влекут за собой определенные негативные последствия и для самого субъекта-правонарушителя. Это, по сути, и является главным предназначением санкций.

Тем не менее есть и другая точка зрения на данный вопрос. Основывается она на следующем. Ряд ученых подразделяют институт репрессалий на две отрасли: контрмеры и санкции. Главная их задача не наказание субъекта-правонарушителя, а заверение выполнения им обязанности возместить нанесенный вред. При выполнении данных обязательств контрмеры и санкции должны быть сняты с субъекта-правонарушителя.

В соответствии с гл. 7 Устава Организации Объединенных Наций (ООН) санкции должны вводиться Советом Безопасности ООН в отношении государств, совершивших международное противоправное деяние, которое посягнуло на мировую безопасность и правопорядок. Тем не менее на практике санкции зачастую вводятся не уполномоченными на то международными организациями, а отдельными государствами.

Например, на 2014 г. Совет Безопасности ООН ввел в действие санкции 19 раз. Со стороны одной только Великобритании на сегодняшний день действуют санкции в отношении более чем 30 го-

сударств. В данном случае правильнее называть их не санкциями, а контрмерами [4, с. 90].

Применение государствами санкций будет означать презумпцию их законности, что исключает международно-правовую ответственность за их установление, а это в корне неверно.

Из инструмента института международно-правовой ответственности санкции трансформировались в инструмент влияния и преследования внешнеполитических интересов отдельных государств.

Таким образом, в доктрине международного права появилось новое направление, характеризующее международно-правовые санкции как меры коллективного воздействия уполномоченных на то международных организаций на государство, совершившее международное правонарушение [4, с. 91].

Если государство, в отношении которого было совершено международное правонарушение, применяет различного рода принудительные меры к государству-правонарушителю, его действия будут квалифицироваться как контрмеры.

Одним из важных критериев контрмер будет являться их соразмерность совершенному международному противоправному деянию.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что условиями правомерности введения контрмер будет являться наличие трех составляющих: совершение правонарушения, наличие требования о прекращении совершенного правонарушения и возмещении вреда, а также пропорциональность вводимых контрмер международному правонарушению.

В заключение стоит сказать, что введение контрмер до попытки мирного разрешения спора является неприемлемым и противоправным, а потому может быть обжаловано в международном суде.

Список литературы

1. *Василенко В. А.* Международно-правовые санкции. — Киев: Вища шк., 1982. — 230 с.
2. *Левин Д. Б.* Ответственность государств в современном международном праве. — М.: Междунар. отн-я, 1966. — 152 с.
3. *Пронин А. В.* О правовой природе санкций ЕС в отношении Российской Федерации // ИСОМ. — 2014. — № 2. — С. 33–36.
4. *Саргасян А. М.* Европейские санкции: от национальных до коллективных // Современная Европа. — 2014. — № 3. — С. 90–105.
5. *Скакунов Э. И.* Самооборона и вопрос о санкциях в международном праве // Правоведение. — 1970. — № 3. — С. 107–114.

Шевченко Диана Игоревна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
dianka_shevchenko_2001@mail.ru

Разновидности и формы коррупционных проявлений

Актуальность исследования коррупции как социально-экономического явления объясняется тем, что коррупционные проявления разрушают механизмы прогрессивного развития, основанные на принципах равенства, уважения человеческого достоинства, справедливости. Единый подход к определению такого сложного социально-экономического явления, как «коррупция», отсутствует. Остановимся на анализе отдельных теоретических подходов к дефиниции понятия «коррупция».

В п. 1 ст. 1 федерального закона «О противодействии коррупции» № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г. приводится нормативное определение «коррупции». В это понятие включается «злоупотребление служебным положением, получение взятки, дача взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами».

Вместе с тем в юридическом сообществе продолжают теоретические дискуссии и детализация дефиниции «коррупция». Так, например, И. М. Даукаев дает следующее определение данного понятия: «Коррупция — это поведение людей, решающих государственные и частные задачи, которые нарушают свой долг, чтобы получить неоправданные выгоды какого-либо рода. Кроме того, под коррупцией понимают поведение, нарушающее и подрывающее те нормы политической системы, которые считаются необходимыми для ее сохранения» [4, с. 88].

В Большом юридическом словаре коррупция определяется как процесс «умышленного использования своего служебного статуса

представителями власти для противоправного получения неимущественных и имущественных благ, а также других преимуществ в любой форме» [2, с. 288].

По мнению Л. Д. Гаухмана, «коррупция является социально и общественно опасным явлением, которое угрожает как экономической, так и политической безопасности страны. Это явление, которое составляет совокупность преступлений, совершаемых должностными лицами для личного обогащения за счет коммерческих и иных организаций, граждан и государства» [3, с. 6].

Таким образом, исходя из краткого анализа различных теоретических подходов к определению сущности коррупции, можно сделать определенные обобщения:

— появление и существование коррупции как явления возможно только с момента выделения управленческих функций;

— коррупции способствует наличие у должностного лица возможности принимать решения (распоряжаться ресурсами), исходя из собственных корыстных побуждений, а не из публичного интереса (общества, страны, фирмы и т. д.).

В настоящее время существуют различные подходы и к определению видов коррупции. Критериями классификации выступают либо типы взаимодействующих субъектов, либо типы выгод, либо направленность коррупции. Многообразие подходов к данной проблеме обусловлено тем, что ее исследование проводят не только в юриспруденции, но и в других научных направлениях, в первую очередь в экономике, социологии и др.

Данное положение было отмечено Н. А. Ахметовой: «...большинство существующих классификационных схем имеют одномерный характер, т. е. не претендуют на исчерпывающее всестороннее отражение видов и форм проявления коррупции, а ограничиваются только одним или максимум двумя признаками рассматриваемого явления» [1, с. 45].

По уровням функционирования выделяют низовую коррупцию, верхушечную и деловую [5]. Индивидуальная (низовая) коррупция распространена в основном на низших и средних уровнях муниципальной и государственной службы. Она охватывает деятельность юридических лиц и повседневную жизнь большинства граждан, которые взаимодействуют с чиновниками вышесказанных уровней (например, при регистрации, оплате штрафов, лицензировании и получении различных разрешений). Данный вид коррупции в литературе часто называют бытовым.

Верхушечная коррупция охватывает политиков, которые работают в органах власти, и высшее чиновничество. Этот тип коррупции связан с принятием каких-либо решений, имеющих весомое значение (лоббирование интересов в государственных органах, распре-

деление государственных заказов, изменение форм собственности и др.).

Деловая коррупция появляется при взаимодействии власти и бизнеса и характеризуется передачей предпринимателями материальных ценностей или денежных средств муниципальным или государственным служащим в качестве платы за урегулирование вопросов, связанных с их бизнесом.

Рассмотрение различных форм коррупции позволяет выделить их характерные признаки. Как правило, независимо от формы коррупции ее проявления подразумевают наличие субъекта, который имеет возможность принятия конкретных решений по распоряжению чужими ресурсами. Если в качестве такого субъекта выступает государственный служащий, будет иметь место проявление государственной коррупции, если субъектом является работник коммерческой организации, данные проявления характеризуются как коррупция в негосударственном секторе.

Таким образом, к коррупционным проявлениям можно отнести разного рода обстоятельства, когда должностное лицо принимает решение, в результате которого выгоду получает некая вторая сторона, а должностное лицо за принятое решение «получает незаконное вознаграждение от этой стороны». Характерными признаками коррупционной ситуации являются: принятие решения, противоречащего закону (либо общественным нормам), взаимное согласие сторон, участвующих в данном действии, а также получение выгоды или преимущества в личных корыстных интересах. Необходимо отметить, что масштабность всех коррупционных проявлений непосредственно зависит от многих социально-экономических условий, а также от уровня правовой культуры общества.

Выступая 1 марта 2018 г. с Посланием Федеральному собранию, Президент РФ В. В. Путин значительное внимание уделил продолжению «системной борьбы с коррупцией», отметив, что суверенная страна «не может себе позволить держать в органах власти действующих или потенциальных коррупционеров» и «борьба продолжится вне зависимости от политической и экономической конъюнктуры». В частности, было заявлено об адаптации российской системы политического управления к новым антикоррупционным реалиям.

Список литературы

1. *Ахметова Н. А.* Социальный механизм воспроизводства коррупции в условиях современного российского общества: моногр. / под ред. Е. Г. Васильевой. — Волгоград: ВолГУ, 2008. — 169 с.

2. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. — М. Инфра-М, 2000. — 703 с.

3. Гаухман Л. Д. Коррупция и коррупционные преступления / Л. Д. Гаухман // Законность. — 2000. — № 6. — С. 2–6.
4. Даукаев И. М. Современные представления о сущности коррупции / И. М. Даукаев // Евразийская адвокатура. — 2013. — № 2 (3) — С. 87–89.
5. Цоколов И. Коррупция: явление и система // Юридическая газета. — 2011. — № 5. — URL: <http://center-bereg.ru/m1515.html> (дата обращения 01.03.2019).

УДК 347.421

Зейналов Ильгам Шахин оглы,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
ilgam_zeynalov@mail.ru

**Проблемы имущественной ответственности
индивидуального предпринимателя, являющегося
собственником объекта строительства, расположенного
на земельном участке с особым юридическим статусом**

В ст. 309 Гражданского кодекса РФ (далее: ГК РФ) сторонам отношений предписывается надлежащее исполнение обязательств [3]. При невыполнении данного требования контрагенты несут имущественную ответственность. Отметим, что предметная область исследования ограничивается теми обязательственными отношениями, участниками которых выступают индивидуальные предприниматели (далее: ИП).

ИП отвечают по долгам, возникающим в связи с ведением предпринимательской деятельности, всем принадлежащим им как гражданам и (или) предпринимателям имуществом [2]. Они могут добровольно выполнять требования кредитора, основанные на законодательстве или договоре [5]. Если от должника поступает односторонний отказ от исполнения обязательств, применяются меры принудительного характера.

Однако, несмотря на то что гражданским законодательством и позициями высших судов закрепляется полная имущественная ответственность должника, отдельные нормы закона не позволяют применить данное правило [1]. Проблема заключается в том, что особый юридический статус земельного участка может создавать препятствия для принудительного исполнения гражданских обязательств за счет объектов строительства, расположенных в пределах его границ.

Положение п. 4 ст. 35 Земельного кодекса РФ (далее: ЗК РФ) гласит, что отчуждение объекта строительства происходит одновременно с передачей прав на землю [4]. Причем правообладатель обязан передать тот же объем прав, который имел до правопреемства. Однако единая судьба участка земли и постройки может препятствовать осуществлению процедуры взыскания.

Существуют особые категории прав на землю, которые невозможно передать. В ряде ситуаций сам взыскатель не может обладать теми правами, которыми обладает должник по обязательствам. Согласно положению ст. 3 ФЗ № 137-ФЗ, граждане сохраняют право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком.

Обладателем такого права может выступать ИП. Это дает ему преимущество перед всеми кредиторами, не являющимися физическими лицами. Например, юридическое лицо не может обладать таким правом на землю. В данной ситуации здание или сооружение не может быть передано организации в порядке взыскания, поскольку правом постоянного (бессрочного) пользования она обладать не может.

Таким образом, единство судьбы земли и расположенной на ней недвижимости создает препятствия для понуждения должника к исполнению имущественных обязательств. При этом нормы ГК РФ, ЗК РФ, а также закона № 229-ФЗ обязывают гражданина переоформлять право на землю при указанных обстоятельствах. Соответствующими полномочиями представитель ФССП не наделяется.

На практике суды защищают данное право и не обязывают должника его переоформлять, но только при условии, что первоначальным правообладателем выступает физическое лицо. В 2017 г. Верховный Суд РФ взыскал долг с ИП, обладающего правом постоянного (бессрочного) пользования на земельный участок, на котором расположено здание. Предприниматель был привлечен к имущественной ответственности за необоснованное обогащение ввиду пользования землей.

Причиной такого решения послужило то, что участком земли и производственным зданием ранее обладало юридическое лицо. Право постоянного (бессрочного) пользования не было переоформлено на аренду в надлежащий срок. ИП получил права на данные землю и здание. Однако к нему также перешла и обязанность юридического лица по переоформлению права. Необходимые действия предприниматель

не совершил и поэтому был привлечен к имущественной ответственности.

Таким образом, ИП, обладающий данным правом, может быть привлечен к имущественной ответственности, если он выкупил землю у субъекта, который не исполнил обязанность по переоформлению права. При этом должник привлекается к ответственности только по основанию необоснованного обогащения, что не всегда удовлетворяет требования кредитора, поскольку взыскание может производиться не в его пользу.

Имеет место более сложная ситуация, когда ИП как физическое лицо обладает правом на землю, которое не отражено в законе. Земельное законодательство сохраняет права на землю, которые существовали до вступления в силу ЗК РФ. Однако права коллективно-совместной и коллективно-долевой собственности на землю не отражены в законе. Их невозможно включить в кадастровый реестр. В российском законодательстве они не отражены, но сохраняются фактически.

Юридическое отсутствие права на землю не позволяет обратиться за взысканием на него по долгам ИП. На таком участке земли создается имущественный иммунитет зданий и сооружений. Невозможно передать то право, которого не существует, даже используя меры принудительного характера.

Подводя итоги исследования, можно сформулировать ряд основополагающих выводов. ИП является физическим лицом, что расширяет его возможности в части правообладателя земли. Он может иметь земельный участок на праве постоянного (бессрочного) пользования, который не передается кредиторам, не являющимся физическими лицами. Здания и сооружения на таких участках обладают юридическим иммунитетом от процедуры обращения взыскания.

Должника можно привлечь к имущественной ответственности, если он обладает данным правом на землю, но не исполняет обязанности правопреемника по переоформлению. Однако выгодоприобретателем не всегда выступает основной кредитор.

Права на землю, предусмотренные ЗК РСФСР, сохраняются, но не отражаются в современном законе. Это также создает препятствия для процедуры принуждения к исполнению обязательств за счет не только земельных участков, но и объектов строительства, которые на них располагаются.

Учитывая сказанное, для решения проблемы привлечения ИП к имущественной ответственности за счет зданий и сооружений, расположенных на земельном участке с особым юридическим статусом, целесообразно обязать их переоформлять это право. Но только в том случае, когда возникает необходимость исполнить обязательство за счет такого имущества и взыскатель не может обладать данным правом. В свою очередь, это позволит создать баланс правовых ин-

тересов между ИП, выступающим физическим лицом, и иными кредиторами.

Список литературы

1. *Грачева О. С.* Новое законодательство об ограниченных вещных правах на земельные участки // Юридическая наука и практика: вестн Нижегородск. акад. МВД России. — 2015. — № 4. — С. 95–101.

2. *Именкова М. П.* Отчуждение земельного участка: субъективное гражданское право или юридическая обязанность? // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. «Право». — 2014. — № 4. — С. 118–126.

3. *Кожин С. П.* Виды гражданско-правовой ответственности и условия ее наступления по российскому законодательству // Актуальные проблемы современности: наука и общество. — 2016. — № 3. — С. 25–30.

4. *Мироненко А. А., Мироненко Н. В., Билбилова А. Б.* Особенности прекращения права собственности на земельный участок // Вестн. государственного и муниципального управления. — 2016. — № 4. — С. 60–72.

5. *Устимова С. А., Рассказова Е. Н.* Актуальные проблемы постоянного (бессрочного) пользования земельным участком в системе вещных прав // Вестн. Моск. ун-та МВД России. — 2016. — № 7. — С. 68–71.

УДК 347.9

Янакова Кристина Христововна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
yanakovak@mail.ru

Сравнительный анализ порядка розыска должников и их имущества в российском и иностранном законодательстве

Современная наука проявляет большой интерес к розыскной деятельности исполнителей, поскольку она затруднена в связи с на-

личием в законодательстве недостатков, которые следует устранить. Данный вопрос актуален как в отечественном, так и в зарубежном законодательстве. Так, например, в целях изучения и рассмотрения порядка поиска должников и их имущества необходимо провести сравнительную характеристику розыскной деятельности на примере Финляндии и России как в целом, так и в частности в каждой стране.

Функции по исполнительному производству в России и Финляндии возложены на самостоятельные органы [1, с. 75]. В Российской Федерации их осуществляют судебные приставы, а в центральном аппарате Федеральной службы судебных приставов и ее территориальных органах созданы специальные отделы [3, с. 97]. Однако до 2012 г. этим занимались органы полиции, а их взаимодействие в отдельных случаях признано затруднительным, поэтому зачастую они ведут свою деятельность независимо друг от друга.

Государственная служба принудительного исполнения представляет собой самостоятельный орган, выполняющий данные функции в Финляндской Республике. Стратегическое планирование и управление, а также бюджет службы, находятся в ведении и под контролем Министерства юстиции, как и сам орган в целом. Однако такие функции, как административное управление и надзор, выполняются службой самостоятельно и автономно от других органов исполнительной власти. При этом она выполняет такие задачи, как организация принудительного исполнения судебных актов и взыскание публично-правовых платежей в принудительном порядке. В состав службы входят центральный аппарат и подведомственные ему территориальные органы.

Таким образом, в обоих государствах деятельность по розыску должников и их имущества осуществляется самостоятельными и независимыми органами, специально на нее уполномоченными.

Вопрос об ограниченности перечня дел, по которым может быть объявлен розыск имущества должника, неоднократно являлся предметом судебной оценки. Так, суд апелляционной инстанции квалифицировал как ошибочный вывод суда первой инстанции в мотивировочной части решения о том, что розыск имущества должника ограничен категориями дел, указанных в ст. 65 закона «Об исполнительном производстве» [5, с. 53]. Если взыскатель подает заявление о розыске должника, он должен быть готов понести необходимые расходы. Как отметил ВАС РФ, подтверждая обоснованность позиции нижестоящего арбитражного суда, пристав обязуется объявить розыск имущества, если взыскатель дает свое согласие на несение бремени расходов, связанных с розыском.

Следует также отметить ответственность за нарушение законов, определяющих исполнительное производство (например, угроза на-

ложения штрафа). Кроме того, должник является ответственным за расходы, которые непосредственно связаны с исполнением решений и размеры которых зависят от собственности должника. В случае если он не в состоянии покрыть данные расходы, обязанность возлагается на кредитора. Также должник не может в полной мере распоряжаться активами с момента их ареста до момента их конфискации. В противном случае ему и приобретателю активов грозит уголовное преследование.

Стоит отметить и информационное обеспечение проведения розыска в обеих странах. Так, на сайте ФССП России имеется банк данных должников, который содержит информацию об их арестованном имуществе. На сайтах должника можно обнаружить информацию о его счетах [2, с. 173]. К числу недостатков следует отнести несовершенный межведомственный электронный документооборот, не объединенный в единую систему. Начиная с 2011 г. у любого пользователя портала государственных и муниципальных услуг появилась возможность направления заявления ФССП РФ в целях получения сведений об исполнительном производстве относительно конкретного дела.

В Финляндии исполнительный процесс осуществляется благодаря использованию информационной системы взысканий, обрабатывающей автоматически все сведения. Она включает в себя реестр принудительных взысканий, который содействует ведению статистики и эффективности управления функциями исполнительного производства и контролю над ними. Участники исполнительного производства получают актуальную информацию через систему об уплаченных суммах по делам и о других аспектах. Следовательно, в Финляндии данный процесс значительно упрощен за счет применения современных информационных баз данных с актуальными сведениями, обновляемыми автоматически.

Порядок розыска должника и его имущества в России имеет свои несовершенные моменты. Например, в АПК РФ отсутствует норма, предусматривающая розыск должника в строго определенных случаях. Отдельного внимания заслуживает ситуация с розыском имущества должника для обращения взыскания по актам иностранных судов и коммерческих арбитражей. Основная проблема состоит в том, что, до того как судебными приставами будут предприниматься какие-либо меры, направленные на розыск имущества должника на территории России, требуется признание данных судебных актов и приведение их в исполнение в соответствии с процедурами, предусмотренными российским процессуальным законодательством [4, с. 631]. Помимо названных проблем с поиском имущества должника крайне слабо урегулирован в действующем законодательстве вопрос

о выявлении его имущественных прав, которые также могут быть объектом взыскания.

В Финляндии судебный исполнитель обязан осуществлять розыск имущества, принадлежащего должнику, в соответствии с условиями данного процесса. В отличие от денежного обязательства любое другое его выполнение подразумевает поиск объекта согласно рациональным мерам [6, с. 151]. В целях определения имущества, принадлежащего должнику, судебному исполнителю необходимо получить информацию в процессе дознания или в результате направления надлежащих запросов в специализированные органы. Передача ему данных является неукоснительным обязательством.

Таким образом, в целом в Финляндии исполнительный процесс является более совершенным и законодательно подкрепленным по сравнению с аналогичным процессом в России. Это обусловлено и строгой иерархией органов, уполномоченных на осуществление данной деятельности, и полным информационным обеспечением, доступностью сведений и актуальностью данных, необходимых для проведения розыска должника и его имущества. Кроме того, в России необходимо уделить внимание созданию единой информационной системы, а также усовершенствованию и детализации порядка розыска должников.

Список литературы

1. *Герасимов А. Ю.* Розыск имущества должника судебными приставами-исполнителями // Сибирский юридический вестник. — 2001. — № 2. — С. 75–77.
2. *Гуреев В. А., Гуцин В. В.* Исполнительное производство. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Статут, 2014. — 267 с.
3. *Гуреев В. А., Сазанов С. В.* Настольная книга судебного пристава-исполнителя. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2017. — 731 с.
4. *Денисова Е. И.* Новеллы ГПК РФ в сфере исполнительного производства // Юрист. — 2008. — № 2. — С. 627–632.
5. *Мельников А.* Служба судебных приставов Министерства юстиции Российской Федерации: история, современность и перспективы развития // Бюллетень Министерства юстиции РФ. — 2002. — № 9. — С. 51–57.
6. *Прошкин К. Н., Могилева И. Ю.* Организация розыска и реализация имущества должников в Финляндии // Бизнес в законе. — 2010. — № 2-3. — С. 59–62.

Кириленко Кристина Васильевна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
okv333@yandex.ru

Административно-правовое регулирование потребительского рынка

Административно-правовое регулирование является важным правовым инструментом регулирования экономических отношений. В связи с этим необходимо эффективное административное воздействие на потребительский рынок, основанное на соблюдении здорового баланса в отношении применения мер административного воздействия, с одной стороны, и самостоятельного функционирования потребительского рынка — с другой.

В современном административном законодательстве закреплён ряд мер воздействия на потребительский рынок, в то время как административно-правовое регулирование потребительского рынка не имеет общепризнанной теоретической основы. Проблема отсутствия единого концептуального взгляда в отношении сущности административно-правового регулирования потребительского рынка обуславливает неопределённость целей, принципов и пределов административного воздействия на потребительский рынок, что, в свою очередь, существенно влияет на эффективность правового регулирования в данной сфере, а также на развитие потребительского рынка в целом.

Анализируя положения закона РФ «О защите прав потребителей», можно сделать вывод, что потребитель имеет статус особенно слабого субъекта в правоотношениях, наделенного комплексом прав, призванных обеспечить его безопасность при взаимодействии с рынком товаров и услуг [3, с. 12]. Целью вышеуказанного законодательного акта является обеспечение прав потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, на получение информации о товарах (работах, услугах) и об их изготовителях (исполнителях, продавцах), о владельцах агрегаторов информации о товарах (услугах), просвещение, государственную и общественную защиту их интересов. Таким образом, на законодательном уровне прослеживается приоритетность защиты интересов потребителей посредством

обеспечения контроля государства над безопасностью и качеством реализуемых товаров и услуг [2, с. 23]. В свою очередь, в условиях развития рыночной экономики, малого и среднего бизнеса представляется не менее важным сохранить баланс между необходимостью защитить интересы потребителя и чрезмерным вмешательством государства, способным негативно отразиться на развитии экономики и добросовестной конкуренции [1, с. 39–40].

Обеспечить защиту прав не только потребителей, но и субъектов предпринимательства призван федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ, который регламентирует главным образом полномочия государственных и муниципальных органов по осуществлению проверок в отношении субъектов предпринимательства.

29 сентября 2018 г. были утверждены Основные направления деятельности правительства Российской Федерации на период до 2024 г. При этом стоит особо отметить, что в качестве одного из приоритетных направлений закреплено совершенствование контрольно-надзорной деятельности с целью снижения административной нагрузки на субъекты предпринимательской деятельности. Среди предполагаемых направлений реформы по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности выделены следующие: внедрение риск-ориентированного подхода; комплексное обновление обязательных требований; усовершенствование профилактики нарушений обязательных требований и внедрение оценки результативности контрольно-надзорной деятельности, ориентированной на снижение издержек подконтрольных субъектов.

Для оценки текущего состояния эффективности деятельности контрольно-надзорного характера в отношении субъектов предпринимательства представляется необходимым обратиться к результатам социологического опроса об оценке показателя административной нагрузки на бизнес за 2018 г., проведенного среди граждан и организаций, осуществляющих предпринимательскую деятельность [4, с. 3–9]. Всего было опрошено 8638 представителей бизнеса, из которых 84,2% — представители высшего звена. Основной процент ответивших (27,8%) пришелся на субъектов предпринимательства, осуществляющих хозяйственную деятельность в сфере розничной торговли. По результатам проведенного опроса, сводный показатель за 2018 г. об оценке административной нагрузки на бизнес (по всем предприятиям) составил 56,1%, из них наиболее позитивно к административным нагрузкам относятся представители малого бизнеса. Стоит отметить, что более 23,7% ответивших считают целью федерального государственного контроля не обеспечение защиты от недо-

бросовестного бизнеса, а максимизацию доходов государства. К числу значительных административных нагрузок на бизнес по-прежнему относят временные издержки, связанные с взаимодействием с контрольно-надзорным органом.

Анализ данных социологического опроса позволяет утверждать, что в настоящее время показатель административных нагрузок на бизнес весьма высок. Среди основных проблем выявлены следующие: отсутствие у представителей бизнеса понимания целей контрольно-надзорной деятельности уполномоченных государственных органов, негативная оценка и неосведомленность большинства ответивших относительно правомерности и актуальности требований органов при осуществлении контрольно-надзорных мероприятий. Более 54% ответивших полагают, что проверочные и иные мероприятия, проводимые контрольно-надзорными органами, не способствуют профилактике правонарушений.

Осуществление контрольно-надзорных мероприятий является сложным институтом, реализация которого может как эффективно повлиять на развитие бизнеса и обеспечение безопасности потребителей, так и, напротив, способствовать увеличению административных нагрузок на бизнес, усилению коррупционного фактора и негативному воздействию на развитие бизнеса.

Таким образом, в настоящее время проверочные мероприятия не являются эффективным средством административно-правового регулирования и не позволяют соблюсти здоровый баланс между обеспечением безопасности на потребительском рынке и сохранением здоровой конкуренции и развивающегося бизнеса. Такое положение может быть связано в том числе с отсутствием четких оснований для проведения проверочных мероприятий и конкретно определенного исчерпывающего списка требований по различным видам хозяйственной деятельности, а также со сложностью законодательной базы в данной сфере и отсутствием четкой прослеживаемой системы, единой концепции. Выявленные недостатки могут привести к увеличению пределов усмотрения конкретного проверяющего лица, что, в свою очередь, окажет негативное влияние на добросовестную конкуренцию.

Помимо прочего в настоящее время основной целью осуществления контрольно-надзорной деятельности государственных органов в сфере потребительского рынка является не столько профилактика нарушений, сколько реализация санкций за выявленные правонарушения. Так, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ поводом для возбуждения дела об административном правонарушении служит непосредственное обнаружение должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях, достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения. После выявления указанными лицами при-

знаков события правонарушения должностное лицо составляет протокол об административном правонарушении, после чего ведется производство по делу об административном правонарушении с возможностью привлечения лица к административной ответственности, взыскания штрафа либо применения иной предусмотренной правовой нормой санкции. При этом ранее рассмотренным федеральным законом от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ (в ред. от 02.08.2019) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» предусматривается, что к полномочиям органов исполнительной власти, осуществляющих контроль и надзор, относится организация и проведение государственного контроля, одной из форм которого является проведение плановых и внеплановых проверочных мероприятий. При этом в случае выявления нарушений требований законодательства должностное лицо имеет право вынести предписание об устранении таких нарушений. Самостоятельным основанием для проведения внеплановой проверки и последующего привлечения лица к административной ответственности по самостоятельному основанию по ст. КоАП РФ является неустранение выявленных нарушений в срок, указанный в ранее выданном предписании должностного лица.

Лицо, привлеченное к административной ответственности за совершенное правонарушение, одновременно может быть привлечено к административной ответственности по ст. 19.5 КоАП РФ, поскольку составление протокола об административном правонарушении и вынесение предписания об устранении выявленных нарушений являются самостоятельными, невзаимосвязанными действиями, совершаемыми должностными лицами в ходе осуществления проверочных мероприятий. При этом зачастую срок исполнения мероприятий, указанный в предписании, необоснован и направлен на намеренное привлечение хозяйствующего субъекта к административной ответственности.

Приведенный пример свидетельствует о том, что приоритетом административно-правового регулирования потребительского рынка является не профилактика и пресечение правонарушений, не помощь хозяйствующим субъектам в недопущении аналогичных правонарушений в будущем, а привлечение хозяйствующего лица к административной ответственности и применение мер ответственности. Безусловно, административные барьеры в регулировании потребительского рынка необходимы и в ряде случаев дают положительный эффект, например в отношении лицензирования отдельных видов деятельности, где государство имеет возможность контролировать отдельные представляющие опасность виды деятельности. Однако проблема отсутствия единой концепции административно-правового регулирования потребительского рынка негативным образом сказывается на всех субъектах правоотношений в сфере потребительского рынка. В связи с этим

имеется острая необходимость в законодательном закреплении единой концепции административно-правового воздействия на потребительский рынок с целью обеспечения безопасности товаров и услуг при снижении необоснованных административных нагрузок на хозяйствующие субъекты с применением риск-ориентированного подхода.

Список литературы

1. *Братановский С. Н., Пантелеев В. Ю.* Потребительский рынок как сфера административно-правового регулирования: моногр. — М.: Директ-Медиа, 2017. — 228 с.

2. *Братановский С. Н., Пантелеев В. Ю.* Теоретико-исторические аспекты концепции административно-правового регулирования в сфере потребительского рынка в Российской Федерации: моногр. — М.: Директ-Медиа, 2017. — 211 с.

3. *Пантелеев В. Ю.* Административно-правовое регулирование в сфере потребительского рынка в Российской Федерации: дис. <...> д-ра юр. наук. — Тюмень, 2016. — 566 с.

4. Результаты оценки административной нагрузки на организации и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность (второй замер, 2018 год) // URL: <http://knd.ac.gov.ru/explibrary/?showID=94> (дата обращения: 12.10.2019).

УДК 342.9

Капков Андрей Николаевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
kapkov.an@mail.ru

Административно-правовое регулирование функционирования комиссий по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов

Урегулирование конфликта интересов — один из главных антикоррупционных механизмов и одновременно способ обеспечения надлежащего функционирования служебных правоотношений.

В целях урегулирования конфликта интересов в государственном органе образуются комиссии по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулированию конфликтов.

Деятельность комиссий регламентируется Положением о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов, утвержденным указом Президента РФ от 1 июля 2010 г. № 821.

Комиссия образуется нормативным правовым актом государственного органа. Этим же правовым актом утверждается состав комиссии и порядок работы.

В состав комиссии входят заместитель руководителя государственного органа (председатель комиссии), руководитель подразделения кадровой службы государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений либо должностное лицо кадровой службы государственного органа, ответственное за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений (секретарь комиссии), государственные служащие из подразделения по вопросам государственной службы и кадров, юридического (правового) подразделения, других подразделений государственного органа, определяемые его руководителем.

Законодатель предусмотрел обязательность участия в работе комиссии представителей экспертного сообщества (научных организаций и образовательных учреждений, деятельность которых связана с государственной службой). Участие в работе комиссии представителей экспертного сообщества способствует прозрачности государственной службы.

Число членов комиссии, не замещающих должности государственной службы в государственном органе, должно составлять не менее одной четверти от общего числа членов комиссии.

Многие исследователи видят проблему в том, что количество представителей органа власти, которые обязательно должны присутствовать в составе комиссии, в разы больше числа независимых представителей, что увеличивает коррупционные риски и ставит под сомнение непредвзятость деятельности комиссии [4, с. 49].

В целом с данным мнением можно согласиться, но с некоторыми оговорками.

С одной стороны, Положение, устанавливая только минимально необходимое количество независимых представителей в 25% от общего состава комиссии, никак не ограничивает право представителя нанимателя ввести в состав комиссии большее число независимых экспертов (их количество может превышать обязательное количество представителей государственного органа). Не все государственные служащие, включенные в состав комиссии, готовы

принимать неправомерные решения в угоду руководителю государственного органа.

С другой стороны, на практике в подавляющем большинстве государственных органов представитель нанимателя, утверждая состав комиссии, назначает представителей научных организаций и образовательных учреждений таким образом, чтобы их количество незначительно превышало минимально допустимый уровень в 25% [1, с. 57].

Анализируя состав комиссии в отношении представителей государственного органа, можно сделать вывод о их непосредственном подчинении представителю нанимателя.

Законодательством не определена возможность привлечения к какой-либо ответственности членов комиссии по урегулированию конфликта интересов за ненадлежащее неисполнение ими своих обязанностей, в том числе и за заведомо неправомерное решение.

Учитывая вышесказанное, можно с большой вероятностью допустить случаи, когда комиссия примет решение, удобное представителю нанимателя.

Положение не определяет предельную численность комиссии, а лишь устанавливает пропорции между количеством государственных служащих и независимых экспертов [2].

В соответствии с п. 8 Положения комиссия государственного органа может быть представлена четырьмя государственными служащими (председатель комиссии, секретарь комиссии, представители кадрового органа и юридического подразделения) и одним независимым экспертом. Несмотря на формальное соблюдение требований Положения, независимость решения комиссии может быть подвергнута сомнению.

Авторы научных статей отмечают, что Положение, допустив только представителей научных организаций и образовательных учреждений, ограничило участие в работе комиссии независимых представителей от иных организаций [4, с. 49].

С данным утверждением трудно согласиться. В ходе работы перед членами комиссии ставятся специфические задачи, для решения которых необходимы знания в области государственной службы и противодействия коррупции.

К претендентам на замещение должностей профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений, научных сотрудников научных организаций, преподавателей средних профессиональных образовательных учреждений предъявляются высокие требования. Поэтому законодатель ввел в состав комиссии наиболее подготовленных к решению таких задач профессионалов.

В соответствии с Положением обязательный характер для руководителя государственного органа носит только решение комиссии, принятое по обращению гражданина, ранее замещавшего должность

в государственной организации, о даче согласия на замещение должности в коммерческой или некоммерческой организации, если отдельные функции по государственному управлению данной организацией входили в его должностные обязанности. Все остальные решения комиссии носят для представителя нанимателя рекомендательный характер. Руководитель организации обязан рассмотреть протокол с решениями комиссии, но учитывать ее рекомендации при принятии решения о применении к государственному служащему мер ответственности. Положение его не обязывает. При этом решение руководителя комиссии обязана принять к сведению без обсуждения.

Необходимо согласиться с высказываемым в литературе мнением, что решения комиссии должны носить обязательный характер [3, с. 48; 4, с. 50]. В целях противодействия коррупции на государственной службе рассмотрение вопросов о наличии или отсутствии конфликта интересов необходимо осуществлять коллегиально.

Положение и другие нормативные акты не устанавливают возможность обжалования большинства решений комиссии [2]. Ввиду рекомендательного характера решений комиссии предмет обжалования отсутствует. Исключение составляют решения комиссии, обязательные для исполнения. Однако и здесь государственный служащий ограничен только судебной процедурой обжалования.

По общему правилу в рамках административной процедуры обжалование решений комиссии должно осуществляться путем обращения в вышестоящий орган или к вышестоящему должностному лицу. Из анализа нормативных актов можно сделать вывод о независимости и неподконтрольности комиссии в своей деятельности. Наделение должностного лица полномочиями по отмене решений комиссии поставит под сомнение ее независимость [2]. Выходом из ситуации будет обжалование решений комиссии в вышестоящем коллегиальном органе.

Список литературы

1. *Братановский С. Н., Зеленов М. Ф.* Специфика правового регулирования деятельности комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных и муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов // *Российская юстиция.* — 2011. — № 10. — С. 52–57. — <https://elibrary.ru/item.asp?id=17325911> (дата обращения: 19.09.2019).

2. *Глазырин Т. С.* Анализ деятельности комиссий по соблюдению требований к служебному поведению гражданских и муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов // https://studref.com/328088/pravo/analiz_deyatelnosti_komissiy_soblyudeniyu_trebovaniy_sluzhebному_povedeniyu_grazhdanskih_munitsipalnyh_sl (дата обращения: 19.09.2019).

3. Федосенко В. А. Административно-правовая регламентация служебного поведения и урегулирования конфликта интересов в системе государственной гражданской службы Российской Федерации // Административное и муниципальное право. — 2008. — № 10. — С. 44–48. — <https://elibrary.ru/item.asp?id=22585978> (дата обращения: 19.09.2019).

4. Чаннов С. Е. Административно-правовое регулирование функционирования комиссий по урегулированию конфликта интересов на государственной гражданской службе // Административное и муниципальное право. — 2009. — № 4. — С. 49–51. — <https://elibrary.ru/item.asp?id=22588883> (дата обращения: 19.09.2019).

УДК 340.1

Кутиль Мария Вячеславовна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
mymari28@gmail.com

Правовое воспитание как элемент правовой культуры общества

Проблема правовой культуры особенно актуальна в настоящее время, ведь именно сейчас происходит становление гражданского общества, эффективность деятельности которого напрямую зависит от уровня развития правовой культуры и правосознания граждан. В свою очередь, гражданское общество является необходимым условием для построения демократического правового государства, которым, согласно ст. 1 Конституции РФ, провозглашена Российская Федерация. Иными словами, гражданское общество становится гарантом демократии. Поэтому важная задача государства заключается в развитии правовой культуры общества, что невозможно без такого процесса, как правовое воспитание граждан.

Под правовой культурой понимается особый образ мышления, состояние общества, включающее в себя правовые знания, которые выражаются в виде правовых норм и установок, отношения обще-

ства к праву, и характеризующееся определенным уровнем развития правовой деятельности и правосознания. Эта культура является результатом социально-правовой активности отдельных личностей, социальных групп, организаций, поэтому различают правовую культуру личности, группы и общества [1].

Существует ряд факторов, определяющих степень развития правовой культуры: 1) уровень совершенства законодательства; 2) правовая активность населения; 3) соотношение национального и общечеловеческого в правовых нормах; 4) уровень развития правовой деятельности; 5) уровень развития правосознания. Правовая культура зависит и от того, осознают ли люди ценность прав и свобод человека, насколько хорошо они информированы в правовом отношении, каково их отношение к тому или иному закону или законам в целом, какие причины побуждают население следовать правовым нормам и процедурам. Нельзя исключать также влияние ценностной оценки правовых институтов, процессов, которую дает общество, и степень нравственности людей. Рассмотрим каждый фактор по порядку.

Первый фактор – степень совершенства законодательства. Законы представляют собой особую правовую ценность и являются важной составляющей правовой культуры. Степень совершенства законов в разные исторические эпохи различна. Как правило, со временем она возрастает. Совершенство законодательства выражается через содержание и форму и достигается с помощью нахождения наиболее эффективных методов регулирования общественных отношений, использования современных средств юридической техники, новых достижений и подходов в юридической деятельности и практике, четко соблюдения всех юридических процедур.

Вторым фактором правовой культуры является правовая активность населения. Для правовой культуры свойствен не только высокий уровень юридического мышления, но и высокое качество юридической деятельности. Правовая активность предполагает участие людей в реализации норм права, их стремление и желание закрепить те или иные нормы права, а также соблюдение этих правовых норм [2]. Она характеризуется степенью ответственности отдельного человека перед всем обществом и его сознательностью. Правовая активность граждан тесно связана с правовым воспитанием. Свою деятельность граждане осуществляют с помощью различных институтов гражданского общества. Эти институты участвуют в процессе социализации населения, поскольку передают людям правовые ценности, прививают им меры должного поведения. У граждан формируются правовые потребности, установки, ориентации, определяющие выбор их действий. Важнейшими институтами гражданского общества являются школы, вузы, учреждения культуры и здравоохранения, производственные предприятия, общественные и религиозные организа-

ции, политические партии, СМИ и др. Также можно выделить особую роль семьи в передаче начальных знаний о праве, например о правилах дорожного движения.

Соотношение национального и общечеловеческого в правовых нормах составляет третий фактор. Заимствование нормативного материала не должно превращаться в копирование зарубежных юридических актов, которые недостаточно действенны в рамках другого государства, поскольку зачастую имеется большое расхождение между желаемыми юридическими формами и практикой их реализации. Причина заключается в разном уровне правосознания субъектов права, из-за которого некоторые заимствованные нормы выглядят чужеродно, в то время как власти стремятся искусственным путем обеспечить их соблюдение. Такое заимствование таит в себе опасность разрушения тех традиционных механизмов, которые складывались в течение долгого периода времени и были способны к саморегуляции. Очень важно отличать рецепцию права от слепого «переписывания» его.

Следующий фактор — уровень развития правовой деятельности, включающей три компонента: 1) теоретическая деятельность; 2) практическая деятельность; 3) образовательная деятельность. Теоретической деятельностью занимаются ученые-юристы. Она предполагает высокий уровень знания и понимания права, осознания механизмов действия правовых норм и их свойств. Образовательной деятельностью занимаются студенты юридических вузов и школ. Студенты изучают и анализируют право, знакомятся с юридическими техниками и методиками, занимаются научной деятельностью, участвуют в конференциях.

Последний фактор — степень развития правосознания. Правовая культура тесно связана с правовым воспитанием и правосознанием. Правосознание — это особая форма общественного сознания, совокупность представлений, взглядов и оценок, выражающих чувственное и эмоциональное отношение людей к праву и другим явлениям правовой деятельности. Иными словами, правосознание представляет собой осознание права. Оно очерчивает границы правомерного и противоправного, и ему присущи формальная определенность и категоричность. Правовое сознание направлено на создание условий реализации прав человека и воздействует на поведение людей наряду с правовыми нормами. Правосознание составляет внутреннюю основу, сердцевину правовой культуры, а также служит средством правового воспитания граждан.

Правовое воспитание — это целенаправленная и организованная деятельность по формированию у населения правовой культуры и правосознания, по обучению основам права, распространению правовых знаний и подготовке профессионалов в области права. Благодаря правовому воспитанию формируется и правовой менталитет. Это

устойчивое духовное состояние общества, которое включает в себя правовое мировоззрение и характеризуется особыми ценностными ориентациями и культурными, моральными и психологическими особенностями развития народа.

Государство и общество заинтересованы в формировании высокой правовой культуры, поэтому они осуществляют различную деятельность. В школах происходит обучение основам права, а в юридических вузах — профессиональная юридическая подготовка будущих специалистов. Проводятся различные лекции и консультации, на которых население знакомят с образцами и идеалами должного поведения. Выпускается также разнообразная юридическая литература как отечественных, так и зарубежных авторов, понятная и человеку без юридического образования. В средствах массовой информации и в Интернете осуществляется правовая пропаганда: беседы на правовые темы, дискуссии по актуальным вопросам права, комментарии специалистов по вопросам толкования новых законов [3].

Формирование правовой культуры в Российской Федерации усложняется тем, что государственность России носит переходный характер. В России до сих пор сказывается влияние особых правовых условий, в которых находились советские люди. Весьма распространен правовой нигилизм. Правовое обучение сильно ограничено реальной юридической практикой. Невозможно воспитать у человека уважение к тем правовым ценностям, которые пока отсутствуют в сознании людей, заставить их следовать, а опыт других стран не всегда представляется приемлемым в России, поскольку русский человек на протяжении всей истории обладал особым типом мировоззрения и правовопонимания. Правовая культура подразумевает умение грамотно говорить, правильно и обоснованно используя правовую терминологию и язык юриспруденции. Необходимо обучить людей умению оценивать общественные явления, побудить их участвовать в управлении общественными и государственными делами.

В настоящее время в Российской Федерации существует ряд проблем, препятствующих процессу формирования правовой культуры. Необходимо укреплять режим законности в государстве, обеспечить реальное верховенство законов и гарантию прав и свобод человека, совершенствовать правовую систему, повышать авторитет суда и других государственных органов, активно внедрять программы повышения правовой грамотности и культуры в различные государственные и негосударственные организации с целью борьбы против правового нигилизма и отрицания нравственных принципов, популяризовать мнение о том, что человек должен знать свои права, уметь ими пользоваться и защищать их, а также исполнять свои обязанности.

Таким образом, правовое воспитание есть управляемый и системный процесс воздействия на сознание и психику граждан с примене-

нием многообразных методов с целью достижения высокой правовой культуры. Основными задачами в процессе формирования правовой культуры являются воспитание у людей позитивного отношения к праву, законам и правопорядку, обучение основным правовым предписаниям, умению понимать свои права и обязанности в отношении государства и общества и самостоятельно применять правовые знания на практике, формирование невосприимчивости к совершению любых нарушений правовых норм. Необходимо всячески способствовать тому, чтобы поведение, обусловленное полученными правовыми знаниями, вошло в привычку.

Список литературы

1. *Бережнов А. Г.* Теоретические проблемы правопонимания и формирования содержания права // Вестник Московского университета. — 1999. — № 4. — С. 3–13.
2. *Рябцев Г. В.* Правовая культура в условиях трансформации российского общества. — М., 2008. — 23 с.
3. *Назарян Т. В.* Роль правового воспитания в предупреждении правонарушений: вопросы теории и практики: дис. <...> канд. юр. наук. — Сочи, 2005. — 217 с.

УДК 342.92

Журкин Денис Александрович,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
Commoduswok@list.ru

Административная ответственность за правонарушения в области налогов и сборов

Как известно, ответственность за нарушение налогового законодательства предусмотрена двумя нормативными правовыми актами: Кодексом РФ об административных правонарушениях (далее: КоАП РФ) и Налоговым кодексом РФ (далее: НК РФ). Установление ответ-

ственности за правонарушения в сфере налогов и сборов разными кодифицированными актами вызвало ряд вопросов у специалистов. В частности, развернулась широкая дискуссия о правовой природе данной юридической ответственности. Ответ на этот вопрос позволит правоприменителям прийти к единому решению относительно того, какие санкции и в каком сочетании могут применяться при нарушениях законодательства о налогах и сборах.

По мнению некоторых специалистов, ответственность, предусмотренная в налоговом законодательстве, весьма специфична и обладает рядом признаков, позволяющих выделить самостоятельный вид ответственности: налоговую ответственность. Одним из критериев разграничения налоговой и административной ответственности называют субъект правонарушения. Так, в соответствии с нормами НК РФ субъектом правонарушения является налогоплательщик, т. е. в зависимости от вида налога организация, индивидуальное предприятие или иное физическое лицо, в то время как в соответствии с нормами КоАП РФ субъектом правонарушения выступает должностное лицо организации-налогоплательщика. Однако подход, выделяющий самостоятельную налоговую ответственность, приводит к ситуации, при которой юридическое лицо (налогоплательщик) несет ответственность в соответствии с нормами НК РФ, а должностное лицо этого юридического лица — в соответствии с нормами КоАП РФ, т. е. возникает двойная ответственность за одно правонарушение.

Так, административные правонарушения, предусмотренные ст. 15.3, 15.5, 15.6, 15.11 КоАП РФ, по объективной стороне совпадают с правонарушениями, установленными гл. 16 НК РФ:

1) нарушения при постановке на учет в налоговых органах (ст. 15.3 КоАП РФ и ст. 116 НК РФ);

2) нарушения при сдаче налоговой декларации или расчете по страховым взносам (ст. 15.5 КоАП РФ и 119 НК РФ);

3) нарушения при сдаче декларации или расчета по авансовым платежам (ст. 15.6 КоАП РФ и ст. 126 НК РФ);

4) нарушение правил учета (ст. 15.11 КоАП РФ и ст. 120 НК РФ).

Однако законодатель не придерживается такого подхода. Составы некоторых правонарушений, предусмотренных НК РФ и КоАП РФ, различаются по объективной стороне, а перечни самих правонарушений в указанных кодифицированных актах различаются. Так, например, в КоАП РФ отсутствует наиболее серьезный состав правонарушения, предусматривающий ответственность должностных лиц налогоплательщика за неуплату или неполную уплату налогов, сборов и страховых взносов (ст. 122 НК РФ).

Следует согласиться с экспертами — сторонниками теории об административной природе закрепленных в гл. 16 и 18 НК РФ составов правонарушений в необходимости объединения норм, предусматри-

вающих административное наказание за нарушение в области налогов и сборов, в едином кодифицированном акте. Таким актом, по их мнению, мог бы стать действующий КоАП РФ.

Как указывают И. В. Панова [5, с. 24] и В. В. Денисенко [3, с. 13], разнесение норм между двумя законодательными актами, регулирующими административную ответственность (НК РФ и КоАП РФ), на основании различий в субъектном составе неубедительно, поскольку такое разделение подрывает целостность института привлечения к административной ответственности и повышает вероятность разночтений среди правоприменителей.

В соответствии со ст. 1.1 КоАП РФ законодательство об административных правонарушениях основывается на Конституции РФ, общепризнанных принципах, нормах международного права и международных договорах Российской Федерации и состоит из указанного Кодекса, а также принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. Поскольку административные правонарушения являются более понятным и универсальным инструментом привлечения к ответственности виновных лиц, нежели так называемая налоговая ответственность, данный подход представляется более обоснованным.

Таким образом, установление норм, предусматривающих административную ответственность в иных помимо КоАП РФ законодательных актах, противоречит идее единства системы административной ответственности в Российской Федерации.

Решение проблемы соотношения производств, предусматривающих наказание за правонарушения в области налогов и сборов, установленных гл. 16 и 18 НК РФ и гл. 15 КоАП РФ, представляется основополагающей для решения вопроса о возможности переноса списка налоговых правонарушений в специализированный законодательный акт, на основании которого возможно привлечение к административной ответственности виновных в правонарушении лиц в соответствии с установленными в законодательном акте задачами и принципами (ст. 1.2, 1.4–1.6 КоАП РФ).

Специалисты-теоретики давно и обоснованно выделяют пять видов юридической ответственности: материальная, дисциплинарная, гражданско-правовая, административная и уголовная. Необходимость выделения налоговой ответственности представляется спорной. Например, как указывает Н. В. Витрук, в такой отрасли, как финансовое право, не предполагается наступление отраслевой финансовой ответственности, а применяются в разной мере вышеперечисленные виды юридической ответственности, в том числе и административная [2, с. 92].

Данный вывод следует также из анализа функций юридической ответственности. Выделяют три основные функции юридической ответственности:

1) правосстановительная (применяется для восстановления пострадавших от противоправного поведения общественных отношений);

2) карательная, также называемая штрафной (преследует цель наказания государством лица, причинившего вред своим противоправным поведением);

3) предупредительная, или превентивная (направлена на недопущение противоправного поведения в будущем не только самого лица, совершившего правонарушение, но и неопределенного круга лиц, задействованных в общественных отношениях) [4, ст. 46].

Меры восстановительного характера применяются только при имеющейся неисполненной налогоплательщиком обязанности, возложенной на него налоговым законодательством, в добровольном порядке, т. е. в соответствии с нормами налогового законодательства. Карательные меры применяются должностными лицами территориальных налоговых органов на основании требований ст. 23.5 КоАП РФ. В связи этим включение административно-юрисдикционных оснований применения штрафных санкций уполномоченными субъектами налоговых правоотношений в иные законодательные акты (кроме КоАП РФ) представляется необоснованным [1, с. 198].

Учитывая, что налоговым законодательством предусмотрены такие санкции, как штраф и пеня, применение карательных мер воздействия на правонарушителя в другом, не административно-правовом, процессе является недопустимым и может привести к массовому незаконному привлечению к административной ответственности непосредственных участников налоговых правоотношений.

Также стоит сказать о том, что различия в производствах, предусмотренных законодательством о налогах и сборах по делам о налоговых правонарушениях и о привлечении к административной ответственности в соответствии с КоАП РФ, минимальны. Однако НК РФ подходит к решению данного вопроса менее «детализированно», поскольку в нем отсутствуют многие термины и понятия, предусмотренные в КоАП РФ (например, участник производства, доказательства и пр.), а также слабо определены процессуальные права участников данного производства. Многие процедуры привлечения к «налоговой ответственности» имеют смазанные границы и фактически сводятся к вынесению решения по результатам выездной или камеральной налоговой проверки, что, в свою очередь, является обстоятельством, при котором привлекаемое к ответственности лицо может считаться менее защищенным.

Таким образом, вполне очевидно, что регулирование вопросов ответственности двумя самостоятельными нормативными правовыми актами (НК РФ и КоАП РФ), существенно различающимися в процедурных аспектах привлечения к ответственности, неоправданно. От-

существуют основания для выделения налоговой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности. В связи с этим представляется, что в вопросе институционального развития законодательства, регулирующего общественные отношения по привлечению к административной ответственности, необходимо соблюдать законодательную последовательность, а также преследовать цель сохранения целостности института административной ответственности.

Список литературы

1. *Алексеев С. С.* Общая теория права: учебник. — 2-е изд. — М., 2008. — С. 198– 205.
2. *Витрук Н. В.* Общая теория юридической ответственности. — 2-е изд. — М.: Норма, 2009. — 304 с.
3. *Денисенко В. В.* Теория административно-деликтных отношений: автореф. дис. <...> д-ра юр. наук. — СПб., 2002. — 394 с.
4. *Несмиянов А. Н.* Теория государства и права: учеб. пособие в схемах и коммент. — СПб.: СЗФ РПА Минюста России, 2014. — 89 с.
5. *Панова И. В.* Еще раз о двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности // Вестник ВАС РФ. — 2007. — № 8. — С. 1–30.

УДК 343.3

Ершова Анна Андреевна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
anuta_ershova97@mail.ru

Зарубежный опыт уголовной ответственности за неуплату средств на содержание ребенка или нетрудоспособных родителей

Проблемы нарушения и неисполнения алиментных обязательств присущи не только российскому обществу. С таким антисоциальным поведением граждан сталкиваются и в зарубежных странах, где также

предусматриваются различные механизмы борьбы с этим явлением, в том числе уголовно-правового характера.

Так, уголовным кодексом Эстонской Республики (официальное название документа: Пенитенциарный кодекс Эстонской Республики; далее: ПК ЭР) предусмотрена ответственность за уклонение от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей (ст. 121 ПК ЭР). Согласно ч. 1 ст. 121 ПК ЭР, злостное уклонение от уплаты присужденных судом алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка карается штрафом либо арестом. Деяние, реализованное лицом, которое уже имеет судимость за уклонение от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей, является квалифицирующим признаком, содержащимся в ч. 2 ст. 121 ПК ЭР. В качестве санкции за данное деяние предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок до одного года.

Статья 122 ПК ЭР содержит ответственность за нарушение уплаты алиментов нетрудоспособным или пожилым родителям. Злостное уклонение детьми от выплаты присужденных судом денежных средств на содержание нетрудоспособных или пожилых родителей наказывается штрафом или арестом.

Необходимо отметить, что ст. 123 ПК ЭР предусматривает ответственность за незаконное, преступное использование прав попечителя или опекуна. Использование в меркантильных целях прав опекуна или попечителя в ущерб интересам подопечного закреплено в диспозиции данной статьи и подвергается наказанию в виде штрафа или лишения свободы на срок до трех лет.

В гл. 17 Уголовного кодекса Латвийской Республики (далее: УК ЛР) говорится о преступлениях против семьи и несовершеннолетних. Ст. 170 УК ЛР в своей диспозиции устанавливает ответственность за умышленное (злостное) нежелание содержать или предоставлять денежные средства на обеспечение своих родителей, бабушек и дедушек, несовершеннолетних детей, внуков или других лиц, если обязанности такого рода возложены на лицо решением или приговором суда. В качестве санкции за данное преступление УК ЛР предусматривает лишение свободы на срок до двух лет либо арест, либо штраф в размере до 50 минимальных месячных жалований.

В гл. 7 Уголовного кодекса Французской Республики (далее: УК Франции), содержащей шесть разделов, предусматривается уголовная ответственность за посягательство на семью и несовершеннолетних. В ст. 227-3 УК Франции «Об отказе от семьи» предусмотрена ответственность за ненадлежащее исполнение лицом судебного постановления или утвержденного судом соглашения, согласно которому на нем лежит обязанность выплачивать в пользу несовершеннолетнего ребенка по рождению либо закону или приемного родственника по восходящей или нисходящей линии либо супруга пенсионные вы-

платы, делать взносы, передавать денежные суммы или совершать платежи в иной форме пособия, которое полагается ввиду одного из семейных обязательств. В случае если лицо более двух месяцев не исполняет свое обязательство полностью, наступает уголовная ответственность. Данное преступное деяние наказывается двумя годами тюремного заключения и в дополнение к нему достаточно ощутимым денежным штрафом.

Согласно ст. 227-4 УК Франции, в случае если лицо, на которое возложена обязанность по выплате денежной суммы или оплате пособий в иных формах, не сообщило об изменении своего места жительства кредитору в месячный срок с момента его изменения, его деяние карается 6 месяцами тюремного заключения и денежным штрафом [1].

Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия (далее: УК ФРГ) в § 170 разд. 12 «Наказуемые деяния против гражданского состояния, брака и семьи» содержит нормы, согласно которым лицо, которое избегает обязанности материального содержания лиц, определенных законом, вследствие чего жизненный уровень этих лиц оказывается под угрозой или был бы под угрозой без помощи другого, карается лишением свободы на срок до 3 лет либо денежным штрафом. В соответствии с санкцией ч. 2 § 170 УК ФРГ лицо, обязанное содержать беременную женщину и при этом незаконно лишаящее ее материальной помощи скверным образом, вынуждая своими действиями прервать беременность, наказывается лишением свободы на срок до 5 лет либо денежным штрафом.

В § 171 УК ФРГ предусмотрена ответственность за нарушение попечительных и воспитательных функций. Лицо, которое грубо нарушает обязанность попечения и воспитания несовершеннолетнего, не достигшего шестнадцати лет, тем самым создавая угрозу нанесения вреда опекаемому в его психическом и физическом развитии, что может привести его к криминальному или маргинальному образу жизни, например к занятию проституцией, карается денежным штрафом или лишением свободы на срок до 3 лет [2].

Анализ вышеизложенных норм уголовного законодательства зарубежных государств показывает, что в этих странах уголовным законом предусматривается намного более серьезная по сравнению с российским ответственность за неуплату средств на содержание ребенка или нетрудоспособных родителей. Это свидетельствует о важности значения, придаваемого в этих странах защите наиболее уязвимых с точки зрения материальной самостоятельности и обеспеченности слоев общества: детей и нетрудоспособных родителей.

В этой связи необходимо внести изменения в ст. 157 УК РФ, направленные на усиление уголовного наказания, в том числе и в случае повторного совершения данного преступления.

Список литературы

1. *Козочкин И. Д.* Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учебное пособие / Под ред. и с предисл. И.Д. Козочкина. — М.: Омега-Л, Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова, 2003. — 576 с.
2. *Малиновский А. А.* Уголовное право зарубежных государств: учебное пособие / А. А. Малиновский. — Москва : Новый юрист, 1998. — 125 с.

УДК 347.211

Орлов Владислав Игоревич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
mr.orlov.vladislav@mail.ru

К вопросу об отражении в законе новой гражданско-правовой категории «электронная вещь»

В условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий вопросы совершенствования гражданского законодательства не перестают утрачивать актуальность. Сегодня во многих странах мира, в том числе и в России, граждане активно совершают сделки в виртуальном поле [3]. Однако законодательно такие отношения охвачены очень слабо.

В этой связи возникает проблема неполноты правового обеспечения и отсутствия необходимых законов, должным образом регулирующих подобные отношения.

Совсем недавно на уровне Российской Федерации были урегулированы отношения, связанные с оборотом криптовалют [8]. Постепенно законодательство охватывает все более широкий круг вопросов, связанных с имущественной ответственностью иностранных компаний, в части нарушения прав потребителей при покупке информационно-коммуникационных продуктов [1]. Указанная тенденция

поорождает исследовательский интерес к вопросу создания новой вещевой категории гражданского права.

Согласно ст. 128 ГК РФ, к объектам гражданских прав относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, и иное имущество. Последняя категория представлена весьма абстрактно, что позволяет расширить перечень объектов гражданских правоотношений.

Общеизвестно, что многие сделки проходят в виртуальном пространстве. Не во всех случаях объект гражданских правоотношений имеет материальное и физическое выражение [6]. Такого рода имущество традиционно относится к иному виду объектов. Однако уточнение в правовом регулировании отношений, связанных с оборотом цифровых товаров, необходимо хотя бы с позиции надлежащей правовой защиты интересов сторон.

В данном исследовании не затрагиваются вопросы интеллектуальной собственности. Предлагается создать новую категорию «электронная вещь». Следует отметить, что далеко не каждый автор какого-либо творения, созданного с использованием цифровых технологий, изъявляет желание применять нормы в сфере защиты авторских прав [4]. Поэтому необходимо отразить на уровне закона новый формат правоотношений.

Законодательство должно соответствовать запросам общества в тех или иных отношениях. Даже с позиции налогового законодательства тяжело отследить источник экономической выгоды, если законом не будет установлено, на основании чего она возникает. В этой связи введение в гражданский закон новой категории «электронная вещь» и надлежащее регулирование связанных с ней сделок позволит разрешить комплексный перечень юридических вопросов.

Это наиболее актуально для договоров, связанных с куплей-продажей виртуальных аккаунтов, обменом блоками информации или оказанием услуг в области проведения технических работ в цифровом пространстве. Важно точно определить, по какому именно объекту возникает гражданское правоотношение.

Также следует отметить, что введение категории «электронная вещь» позволит разрешить множество вопросов в части наследования. Сегодня граждане активно используют электронные площадки для совершения определенных сделок или хранения ценных благ [7]. Однако без законодательного охвата такого рода отношений реализация права наследников в части включения данного имущества в наследственную массу представляется затруднительной, а иногда даже невозможной [2].

В рамках исследования предлагается следующее определение «электронной вещи»: вещь, не относящаяся к движимому или недвижимому имуществу, не имеющая материального выражения, исполь-

зубаемя исключительно в пределах виртуального пространства в целях извлечения определенной выгоды.

При этом в гражданском законодательстве необходимо указать, что к регулированию правоотношений, связанных с оборотом электронных вещей, применяются аналогичные правила ГК РФ, предусмотренные для иных сделок, не связанных с виртуальным пространством.

Подобная мера также окажет позитивное влияние на развитие товарооборота на цифровых торговых площадках, что придаст существенный толчок для развития экономики в данном направлении. Это позволит сделать более привлекательным товарооборот, не имеющий материального выражения, но существующий в рамках использования компьютерных технологий.

Подводя итог, следует отметить, что в настоящее время оборот информационно-коммуникационного контента цифрового поля в стоимостном выражении достигает многомиллиардных показателей. При этом на уровне российского законодательства такие отношения должным образом не урегулированы [9], что вызывает сложности не только в сфере публично-правовых отношений, но и в области частноправовых отношений между сторонами. В настоящее время необходимо пересмотреть вопрос о соответствии Гражданского кодекса РФ общественным отношениям. Цифровые технологии развиваются с каждым годом, активно используются для совершения сделок, имеющих имущественный характер [5]. Однако без надлежащего правового регулирования таких отношений решение отдельных спорных вопросов с позиции закона представляется затруднительным.

Список литературы

1. *Арапова А. С., Медушевская И. Е.* Электронная торговля в Пензенском регионе // Концепт. — 2014. — № 7. — С. 1–6.
2. *Герасикова Е. Н., Власова А. А.* Современные тенденции развития Интернет-маркетинга и электронной торговли // *Universum: экономика и юриспруденция.* 2019. № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-tendentsii-razvitiya-internet-marketinga-i-elektronnoy-torgovli> (дата обращения: 30.02.2019).
3. *Гук С. В., Герасимов С. С., Королёв И. А.* Государственная поддержка интернет-торговли: за и против // *Территория новых возможностей.* — 2014. — № 3 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-podderzhka-internet-torgovli-za-i-protiv> (дата обращения: 10.02.2019).
4. *Давий А. О., Ребязина В. А., Смирнова М. М.* Барьеры и драйверы при совершении Интернет-покупок в России: результаты эмпири-

ческого исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент. — 2018. — Т. 17. — № 1. — С. 69–98.

5. Курманов В. В. Современные тенденции развития интернет-маркетинга и электронной торговли в России // Вестн. Южно-Уральск. госу. ун-та. Сер. «Экономика и менеджмент». — 2013. — № 3. — С. 128–133.

6. Прутовая О. А. Проблемы и перспективы развития электронной коммерции в России // Наука и образование сегодня. — 2018. — № 10 (33) — С. 22.

7. Савинов Ю. А., Алымов М. О. Интернет-аукционы в международной торговле // Российский внешнеэкономический вестник. — 2010. — № 4. — С. 33–45.

8. Сайбель Н. Ю., Сайбель Я. В. Развитие Интернет-торговли в России: преимущества и недостатки // Концепт. — 2016. — № 10. — С. 1–5.

9. Юркова Т. М., Егоров С. Н. О развитии Интернет-торговли в России // Тр. междунар. симпозиума «Надежность и качество». — 2007. — № 2. — С. 218–219.

УДК 349.3

Безденежных Георгий Никитич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
egor58514bg@gmail.com

Мусор как проблема социальной политики в России

С переходом от советского социалистического общества к капиталистическому наше государство вступило в новую эпоху, ориентированную больше не на производство, а на потребление. Это привело к значительному увеличению количества мусора, что представляет серьезную угрозу для окружающей среды.

Следует отметить, что от загрязнения страдает не только природа. В эпоху глобализации невозможно спрятать важную информацию о

назревающей проблеме, которая рано или поздно коснется каждого, от общественности.

Современному человеку не важны яркие перспективы, мерцающие в счастливом будущем, — ему важно то, что происходит в настоящем. Это усиливает социальную напряженность в нашем государстве, что приводит к росту недоверия граждан к власти. Чего стоят недавние мусорные забастовки в Подмоскowie и в других регионах России.

В этой статье речь пойдет о мусорном кризисе в России, его вреде как для общества, так и для социальной политики государства и о мусорной реформе от 1 января 2019 г., задачей которой является урегулирование данной проблемы.

Проблема борьбы с мусором существует повсеместно, и каждое государство решает ее самостоятельно и по-разному. Если в Японии, например, среди всех способов избавления от мусора превалировала и превалирует сегодня его переработка, то в России вплоть до 2018 г. распространение получило хранение мусора на специализированных полигонах. К сожалению ошибочное направление, выбранное нашим государством под действием иллюзии избытка территорий в России, привело к плачевному результату. Обратимся к статистике (см. табл.).

Таблица

	2013	2014	2015	2016	2017
Образование отходов производства и потребления (всего)	5152,8	5168,3	5060,2	5441,3	6220,6
в том числе опасных	116,7	124,3	110,1	98,3	107,2
Использование и обезвреживание отходов производства и потребления	2043,6	2357,2	2685,1	3243,7	3264,6
Размещение отходов производства и потребления на объектах, принадлежащих предпринятию (всего)	4897,7	2951,4	2333,1	2620,8	3204,5
из них в местах:					
хранения	4071,8	2426,2	1978,1	2105,3	2378,5
захоронения	814,9	524,5	354,6	503,8	826,0

В таблице представлен фрагмент статистики, опубликованной Росстатом. Как видим, на 2013 г. приходится пик размещений отходов на территории специализированных зон. После 2013 г. коэффициент идет на спад, однако начиная с 2016 г. наблюдается возобновление его роста. Статистика выглядит еще более плачевной, если обратить внимание на значительный рост коэффициента перерабатываемых отходов. Представленные показатели дают понять, что нынешняя отрасль переработки и утилизации отходов еще недостаточно развита, чтобы подавить прирост захороняемых и хранящихся отходов [3].

Проблема мусора имеет и криминально-экономический характер, поскольку свалки приносят своим владельцам доход намного больший, чем обеспечили бы переработка и утилизация. Долгое лоббирование этой системы стало причиной плачевного состояния экологии в регионах. Такое положение дел в итоге привело к росту свалок, что, в свою очередь, спровоцировало возникновение называемого «мусорного кризиса».

Кризис развивался постепенно из-за неправильно выбранного способа обращения с отходами. Итогом ошибки стало значительное загрязнение окружающей среды и невозможность нормального проживания в местах загрязнения. Политический окрас мусорный вопрос приобрел в марте 2018 г., когда недовольство жителей Подмосковья переросло в народные митинги против свалок. Люди требовали прекратить складирование мусора и перейти к современным технологиям его переработки и утилизации. Масла в огонь подлило произошедшее 21 марта в Волоколамске отравление 50 детей ядовитым газом с мусорного полигона «Ядрово». Именно эти события положили начало «мусорному кризису»

Наиболее наглядно масштабы трагедии показаны в опубликованном на официальном сайте общественно-политической газеты «Коммерсантъ» «Мусорном атласе». Основной задачей данного проекта было привлечь внимание общественности на растущие мусорные горы, которые представляют серьезную опасность для экологии Российской Федерации. Атлас содержит информацию об экологическом положении и экологических конфликтах, произошедших в 14 областях страны [2].

Следует отметить, что 2018 г. был весьма неудачным для государственной власти с точки зрения внутренней политики. К «мусорному кризису» добавились повышение НДС и тарифов ЖКХ, пенсионная реформа, скандалы по поводу высказываний некоторых политических деятелей, которые были восприняты народом, как «истинное отношение власти к народу». Все это вызвало социальную напряженность в стране. Следовательно, решение мусорного вопроса является задачей более важной, чем может показаться на первый взгляд, ибо устране-

ние данной проблемы, возможно, будет способствовать снижению уровня недоверия народа к власти.

С 1 января 2019 г. начали действовать изменения, внесенные в федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» и призванные урегулировать «мусорный кризис» путем изменения политики государства относительно свалок в России.

Данная реформа утвердила ряд задач:

- усиление экологической безопасности;
- повышение коэффициента переработки мусора для вторичного использования (а значит, применение новых технологий переработки);
- создание единой системы сбора, транспортировки, переработки и захоронения отходов;
- постепенный отказ от метода захоронения отходов и полный переход к их переработке и утилизации.

Важным нововведением данной реформы стал перевод вывоза мусора из категории жилищных услуг в коммунальные. Это означает, что за сбор и перевозку мусора, а также за последующие действия в его отношении будут отвечать не частные компании, а государство, которое будет назначать на конкурсной основе одну организацию для выполнения этих задач. Ценообразованием также будет заниматься государство.

Данное нововведение важно тем, что сбором и перевозкой мусора будут заниматься организации, прошедшие жесткую проверку и находящиеся под государственным контролем. Это обеспечит доставку, складирование, переработку и захоронение мусора в соответствии со всеми государственными требованиями, исключит его вывоз на неизвестную подпольную помойку и нанесение вреда окружающей среде.

Это изменение упростит согласование мест организации свалок с градостроительными организациями во избежание возникновения проблемы, которую поднял Президент РФ В. В. Путин на «Прямой линии» в июне 2017 г.: «Кстати говоря, я смотрю, Вы стоите на фоне дома: ему явно не 50 лет. Кто-то принял решение строить здесь дома, рядом с этой свалкой, которая складывалась 50 лет. Тоже надо вспомнить, наверное, „добрым словом“ тех людей, которые принимали решение о строительстве в этом месте».

«Мусорной реформой» было выбрано направление на окончательный отказ от захоронения отходов. Согласно опубликованной на официальном сайте телеканала «РБК» статье, в России планируется построить 220 новых мусороперерабатывающих предприятий, отвечающих современным требованиям [1]. Курс, безусловно, верный, однако, будет ли достигнута цель, покажет время.

Список литературы

1. Бизнес на отходах: кто построит 220 мусороперерабатывающих заводов // URL: <https://www.rbc.ru/business/29/11/2018/5bfffaf9c9a79470f03157351> (дата обращения: 19.02.2019).

2. Затраты на охрану окружающей среды // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/environment (дата обращения: 19.02.2019).

3. Мусорный атлас // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3600872?from=Infographics> (дата обращения: 19.02.2019).

УДК 342.9

Перепонова Ирина Александровна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
pereponova.i@yandex.ru

Значение института конфликта интересов для противодействия коррупции на государственной гражданской службе

Коррупция представляет собой сложное правовое, социальное, политическое и экономическое явление, в той или иной степени затрагивающее все страны: она препятствует экономическому развитию, подрывает государственные устои и разрушает демократические институты. В связи с этим в Российской Федерации предупреждение и пресечение коррупции относится к числу первостепенных задач.

Ратификация Россией в 2006 г. Конвенции ООН против коррупции 2003 г. послужила поводом к проведению непрерывной модернизации механизма противодействия коррупции в соответствии с тенденциями развития международного антикоррупционного процесса и реалиями российской действительности. После принятия федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее: закон № 273-ФЗ) антикоррупционная политика получила разви-

тие в целом ряде других федеральных законов, указов Президента РФ и иных нормативных правовых актов.

В научной литературе отмечается недостаточная эффективность ряда административно-правовых средств реализации антикоррупционной политики в России [5]. Владея определенным объемом распорядительных полномочий, государственный служащий понимает, что благодаря своему должностному положению он имеет дополнительные возможности извлечения материальной выгоды или иных преимуществ для себя или третьих лиц [3, с. 31–32]. Как отмечают отдельные авторы, коррупция не существует сама по себе: она обязательно должна черпать где-то свой потенциал. К числу главных источников такого потенциала принято относить конфликт интересов [4, с. 28]. Институт предотвращения и урегулирования конфликта интересов призван повысить эффективность правовых средств противодействия коррупции на государственной службе, преодолеть или локализовать сопутствующие негативные явления в сфере государственного управления (протекционизм, корпоративизм и пр.). Таким образом, предотвращение или урегулирование конфликта интересов снижает риск совершения коррупционных правонарушений на государственной гражданской службе.

Под определение конфликта интересов подпадает множество разных ситуаций, с которыми может столкнуться государственный гражданский служащий в процессе своей служебной деятельности. В научной литературе высказывались идеи закрепления в нормативных правовых актах перечня ситуаций, потенциально угрожающих возникновению конфликта интересов [6, с. 26]. Однако данная идея представляется утопичной ввиду постоянного развития и видоизменения общественных отношений.

Например, в одном из судебных дел описывается ситуация, когда работник таможенной службы С., руководствуясь заведомо недостоверными данными, подготавливал для индивидуального предпринимателя рекомендации по величине таможенной стоимости и достаточности предоставленных материалов для принятия заявленной стоимости. Как было установлено в ходе служебной проверки в отношении С., таможенное декларирование от имени указанного предпринимателя осуществлял таможенный брокер, находящийся в дружеских отношениях с С. И хотя между государственным гражданским служащим и его приятелем не было родства или свойства, суд согласился с наличием в описанной выше ситуации конфликта интересов (апелляционное определение Астраханского областного суда от 6 августа 2014 г. № 33-2604/2014).

Ситуация осложняется тем, что понятие личной заинтересованности, содержащееся в законе № 273-ФЗ, требует оценочного подхода при определении характера данного явления, поскольку при конфлик-

те интересов, по логике законодателя, не требуется установления факта ненадлежащего исполнения своих обязанностей государственным служащим — достаточно возникновения самой возможности влияния сложившейся ситуации на его действия. При этом законом не ограничивается свобода усмотрения правоприменителя в данном вопросе, а указанная выше возможность не связывается с какими-либо неблагоприятными последствиями даже в том случае, когда конфликтная ситуация уже позади. Несмотря на это, сам по себе факт непринятия служащим мер по урегулированию конфликта интересов является безусловным основанием для его увольнения.

Представляется, что в отдельных случаях такая мера ответственности несоизмерима с совершенным деянием. Ярким примером тому служит увольнение с государственной гражданской службы Р., который, замещая должность в органах государственной регистрации и кадастра недвижимости, выступил заявителем по вопросу о внесении в кадастр сведений об имуществе, принадлежащем его родственникам. Данный факт стал известен представителю нанимателя спустя некоторое время. И хотя Р. был соблюден законный порядок регистрации недвижимости, сложившаяся ситуация не привела к ненадлежащему исполнению им своих обязанностей, а какие-либо негативные последствия для интересов службы отсутствовали, это не повлияло на квалификацию его действий. Работодатель, исходя из данной в законе формулировки, усмотрел конфликт интересов, поскольку существовала возможность влияния указанной ситуации на объективное и беспристрастное исполнение Р. своих полномочий (апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Крым от 11 апреля 2017 г. № 33-2993/2017).

Как отмечается в научной литературе, до настоящего времени в вопросах урегулирования конфликта интересов активность государственных служащих остается на весьма низком уровне. Причину исследователи видят в том, что данный механизм носит реагирующий, а не превентивный характер, т. е. сам служащий должен осознать, что конфликт интересов возник или может возникнуть. Вместе с тем часто в решении этого вопроса возникают трудности, поскольку человек может не понимать, что сложившаяся ситуация относится к конфликтным [1, с. 103]. Вполне возможно, что и в приведенном выше примере Р. не осознавал наличие конфликта интересов, поскольку не имел намерений нарушать свои должностные обязанности и не преследовал какие-либо корыстные цели.

В данном случае актуально обратиться к характеристике конфликта интересов, предложенной Д. И. Дедовым, согласно которой к числу обязательных признаков рассматриваемого явления относятся: противоречие интересов, неправомерное поведение и причинная связь между ними [2, с. 8]. Соответственно, при решении вопроса об

ответственности государственного служащего за неурегулирование конфликта интересов в каждом конкретном случае должно устанавливаться наличие всех трех перечисленных элементов.

На основании вышеизложенного можно сделать несколько выводов.

1. Поскольку урегулирование конфликта интересов является одним из механизмов противодействия коррупции, но сам по себе конфликт интересов не есть коррупция, ответственность за непринятие мер к его урегулированию должна дифференцироваться в зависимости от того, привела ли данная ситуация к коррупционным проявлениям или нет.

2. В федеральном законе «О противодействии коррупции» необходимо прямо предусмотреть возможность освобождения от ответственности государственного служащего, если его личная заинтересованность могла повлиять, но не повлияла на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение должностных обязанностей.

3. Для обеспечения единообразного понимания Верховному Суду РФ целесообразно, основываясь на анализе судебной практики по делам о признании незаконным увольнения с государственной службы в связи с утратой доверия, дать официальные разъяснения относительно трех элементов конфликта интересов (противоречие интересов, неправомерное поведение и причинная связь между ними). В этом случае любые вновь возникшие ситуации могут быть оценены с точки зрения наличия конфликта интересов и необходимости применения мер ответственности к служащему.

Список литературы

1. *Гольцова Д. О., Рамазанов К. Н.* Предотвращение и урегулирование конфликта интересов на государственной гражданской службе как механизм борьбы с коррупцией // Противодействие коррупции: государственная политика и гражданское общество: сб. научн. ст. / редкол.: В. Л. Чепляев [и др.]. — Саратов: Поволжск. ин-т упр. им. П. А. Столыпина, 2015. — С. 101–103.

2. *Дедов Д. И.* Конфликт интересов. — М.: Волтерс Клувер, 2004. — 288 с.

3. *Казанцева О. Л., Меженникова О. В.* Конфликт интересов на государственной гражданской службе: некоторые проблемы правоприменения // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования: сб. научн. ст. междунар. конф. (Барнаул, 20–24 окт. 2015 г.). — Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2015. — С. 3132–3137.

4. *Костина О. В., Елизарова И. А.* Препятствия выявления и устранения конфликта интересов на государственной гражданской служ-

бе и муниципальной службе // Сибирский юридический вестник. — 2018. — № 2. — С. 28–34.

5. Трофимов Е. В. Об административно-правовых средствах повышения уровня нетерпимости к коррупции // Евразийский юридический журнал. — 2017. — № 7 (110). — С. 102–105.

6. Чаннов С. Е. Служебное правоотношение: понятие, структура, обеспечение / под ред. В. В. Володина. — М.: Ось-89, 2009. — 220 с.

УДК 341.16

Зарипова Динара Радиковна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
dinarazaripova@inbox.ru

**О некоторых проблемах исполнения государствами —
членами ООН требований международных
документов о защите объектов культурного наследия,
внесенных в список ЮНЕСКО**

Особое значение в обеспечении сохранности всемирного наследия занимает деятельность Организации Объединенных Наций по вопросам Образования, Науки и Культуры (далее: ЮНЕСКО). Принятые данной организацией международные соглашения в сфере культуры заложили основу, обеспечивающую защиту и сохранность всемирного наследия и способствующую поддержанию и развитию международного сотрудничества [1, с. 49].

Основополагающим международным договором, подготовленным и принятым ЮНЕСКО, призванным обеспечить сохранность объектов, составляющих невосполнимое достояние человечества, является Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (далее: Конвенция). Конвенцией признается важность и неопределимая ценность культурного наследия. При этом Конвенция не ставит своей целью обеспечить охрану всем объектам, представляющим ценность

и значение, а лишь тем, которые входят в число наиболее выдающихся в масштабе человечества в целом.

Статьей 4 Конвенции на каждое государство — сторону Конвенции возлагается обязательство обеспечивать выявление, охрану, сохранение, популяризацию и передачу будущим поколениям культурного и природного наследия, которое расположено на его территории. На все мировое сообщество Конвенцией также возлагается обязанность осуществлять сотрудничество для охраны культурного наследия и передачи его будущим поколениям.

Следует констатировать, что объекты всемирного наследия ежедневно во всем мире сталкиваются с многочисленными угрозами, создающими опасность их целостности. В силу временного фактора, а также воздействия окружающей среды данные объекты претерпевают естественные физические изменения. Помимо этого обширный пласт угроз для материальных объектов всемирного культурного наследия представляет деятельность человека.

Так, на протяжении всей истории человечества во время вооруженных конфликтов объекты культурного наследия подвергались угрозе уничтожения и безвозвратной утраты. В результате девиантного, асоциального поведения (вандализма) материальные объекты культурного наследия также нередко подвергаются бессмысленному и жестокому повреждению, а иногда полному разрушению.

В настоящее время активная урбанизация, сопровождающаяся массовым строительством в условиях ограниченных земельных ресурсов, пригодных и свободных для возведения новых объектов, все чаще ведет к возникновению ситуаций, создающих угрозу негативно-го воздействия на объекты культурного наследия [2, с. 26].

Комитетом всемирного наследия (далее: Комитет) в 1977 г. было принято Руководство по выполнению Конвенции (далее: Руководство), развивающее положения Конвенции, применение которого служит основным механизмом для ее реализации. Ввиду необходимости актуализации положений в соответствии с современными тенденциями и новыми вызовами, представляющими угрозу всемирному наследию, положения Руководства регулярно пересматриваются и дополняются решениями Комитета [3, с. 20].

Положениями Руководства установлена обязанность для государств — сторон Конвенции сообщать Комитету о своих намерениях предпринять или разрешить на территории, охраняемой согласно Конвенции, крупномасштабные восстановительные или новые строительные работы, которые могут оказать воздействие на выдающуюся универсальную ценность объекта. Уведомление необходимо направить в кратчайшие сроки (например, до подготовки основных документов для конкретных проектов) и до принятия любых решений, которые трудно отменить, чтобы Комитет мог оказать содействие в

поиске соответствующих решений, гарантирующих полную сохранность выдающейся универсальной ценности объекта (п. 172).

Приведенные выше положения носят предупредительный характер и направлены на исключение возможности причинения ущерба объекту культурного наследия, находящемуся под защитой ЮНЕСКО.

В целях исполнения возложенной Конвенцией на государства — стороны данного международного соглашения обязанности информирования о планируемых строительных, восстановительных и иных работах, представляющих угрозу объектам культурного наследия, государства — стороны Конвенции посредством внутренних нормативных правовых актов должны определить порядок исполнения принятых на себя обязательств. Отсутствие соответствующих правовых актов в национальных законодательствах государств — членов ООН ведет к затруднению выполнения установленных Конвенцией обязанностей, а в ряде случаев к их нарушению.

Трудности, связанные с исполнением государствами — членами ООН требований международных документов в части информирования о планируемых строительных и иных работах, также вызваны тем, что в указанных документах в настоящее время отсутствует толкование понятий «крупномасштабные восстановительные и новые строительные работы», «воздействие на выдающуюся универсальную ценность объекта», которые использованы в Руководстве. Отсутствие вышеуказанных понятий и сроков ведет к правовой неопределенности и возможности злоупотребления правом посредством произвольного толкования положений Конвенции и Руководства в целях уклонения от необходимости выполнения обозначенных обязательств. О существовании данной проблемы в Российской Федерации было указано в решении Куйбышевского районного суда Санкт-Петербурга по административному делу № 2а-31\17 от 14 марта 2017 г. об оспаривании разрешения от 29 ноября 2016 г. № 78-011-0283.2-2015 на строительство многоквартирного жилого дома, выданного Службой государственного строительного надзора и экспертизы Санкт-Петербурга ООО «Сэти Сити».

Учитывая масштабность и серьезность проблемы исполнения требований Конвенции и Руководства Президентом РФ в 2016 г. были утверждены специальные поручения. В соответствии с п. 2 «б» перечня поручений Президента РФ № Пр-571 от 4 апреля 2016 г. по итогам заседания Совета по культуре и искусству правительству РФ и исполнительным органам государственной власти Российской Федерации предписано обеспечить соблюдение положений Конвенции и практического Руководства по выполнению указанной Конвенции.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на имеющуюся обширную правовую базу, созданную ЮНЕСКО, и масштабную

работу по сохранению и защите уникальных культурных ценностей, выполняемую этой организацией, на сегодняшний день имеются пробелы как в международном, так и в национальном законодательстве стран — членов ООН, затрудняющие исполнение требований Конвенции. Изложенное обстоятельство свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования международного и национального законодательства стран — членов ООН в рассматриваемой области на всех уровнях для наиболее полной и эффективной защиты объектов, признанных всеобщим культурным наследием.

Список литературы

1. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты: моногр. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. — 416 с.
2. *Максаковский Н. В., Крогиус В. Р., Буторин А. А.* Проблемы управления всемирным наследием: российский опыт в мировом контексте // Наследие и современность: инф. сб. — 2010. — № 17 — С. 22–48.
3. *Максаковский Н. В.* История развития и современные тенденции формирования Списка всемирного наследия ЮНЕСКО // Наследие и современность. — 2018. — № 1. — С. 8–30.

УДК 342.7

Сергеева Елизавета Евгеньевна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
Lizena@bk.ru

Конституционные проблемы защиты персональных данных граждан

Необходимость предоставления персональных данных в жизни общества служит средой для реализации прав человека и граждани-

на. Люди сталкиваются с передачей сведений о себе практически во всех сферах жизнедеятельности: от Интернет-магазина до подписания договора с банком. По мере развития Интернет-технологий вопрос о защите персональных данных граждан стал одним из самых обсуждаемых.

Нарушением Конституции РФ являются любые неправомерные действия, которые привели к утрате персональных данных. Часть первая ст. 24 Конституции РФ содержит норму, согласно которой «сбор, хранение и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается». Положение данной статьи носит важнейший системообразующий характер, который определяет содержание норм права разного уровня, обособляющих категорию «персональные данные» от целого понятия «частная жизнь».

Лишь в 2006 г. в России вступил в действие федеральный закон от 7 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных» (далее: Закон о персональных данных), но стоит отметить, что еще в 1945 г. появилась Всеобщая декларация прав человека, базовые положения которой вошли в «фундамент» конвенции Совета Европы, оберегающей неприкосновенность частной жизни, в частности персональные данные. Одновременно с принятием последней появился новый вид мошенничества, так называемая «кража личности». Используя чужие имена, преступники по поддельным документам получали лекарства в аптеках, деньги в банках и т. д. В 2013 г. Европарламенту удалось создать Общий регламент по защите персональных данных. Согласно документу, если благодаря каким-либо данным личность может быть теоретически установлена, такие данные являются персональными.

Понятие персональных данных закреплено в Законе о персональных данных. Согласно ст. 3 Закона, «персональные данные — это любая информация, прямо или косвенно относящаяся к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)».

С развитием информационных технологий появились и новые виды преступлений: виртуальные. Преступники орудуют дистанционно. Например, чтобы списать средства с банковской карты, кибермошенникам даже не нужно выходить на связь с жертвой. При оформлении документов через Интернет самое главное убедиться в том, что сайт официальный. Известны случаи обмана граждан под маской судебных приставов. Мошенники присылали SMS-сообщения о наличии долгов и предлагали для их оплаты перейти по ссылке на фиктивную страницу, пользуясь тем, что далеко не все знают точный электронный адрес [2].

Законодательно закреплено положение о том, что персональные данные могут храниться не дольше, чем того требуют цели их об-

работки. В то же время, согласно п. 7, ст. 5 Закона о персональных данных, сведения подлежат уничтожению или обезличиванию, когда цели их обработки достигнуты либо утрачены, если иное не установлено федеральным законодательством.

Примечателен случай, когда, согласно локальным актам, ООО «Века Рус» установило в качестве срока хранения персональных данных период в 75 лет. Ставится под сомнение необходимость хранения информации о клиентах в течение всей их жизни. Следовательно, необходимо ограничить срок хранения данных и ввести обязательную процедуру их уничтожения.

Нормативный акт «Требования к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» устанавливает, что сохранность данных, обрабатываемых в информационной системе, обеспечивает оператор такой системы или лицо, осуществляющее обработку по поручению оператора. Уровень защищенности определяется с учетом выбранного типа угроз, категории материалов и количества субъектов [1]. Исходя из вышеизложенного, представляется необходимым ввести процедуру ознакомления работника с условиями обеспечения информационной безопасности и уровнем защиты его персональных данных. В целях решения данной задачи целесообразно разработать нормативные акты локального уровня по информационной безопасности персональных данных.

Большое количество правонарушений в рассматриваемой области имеет место в сети «Интернет». Данный аспект подпадает под действие Закона о персональных данных, поскольку он регулирует правоотношения, возникающие при обработке информации с помощью средств автоматизации. Для обработки информации необходимо согласие субъекта персональных данных, данное в любой форме, позволяющей подтвердить факт его получения. Согласие может быть предоставлено на бумажном носителе в письменной форме, подписанное субъектом, либо в электронном виде, подписанное электронной цифровой подписью. Интернет-пользователи не всегда располагают электронной подписью, что свидетельствует о сложностях при защите таких сведений.

Банки, хранящие персональные данные значительного числа своих клиентов, не задумываясь, перемещают их из одной базы данных в другую, зачастую не сообщая об этом клиентам, не говоря уже о том, чтобы получить у них согласие на такие действия.

Банковская деятельность имеет множество особенностей, в частности персональные данные используются не только в целях исполнения договора, но и в целях контроля над исполнением обязательств в части клиента, что подразумевает согласие субъекта на обработку таких сведений. При этом Закон о персональных данных

обязывает операторов получать письменное согласие на обработку персональных данных только в случаях, установленных федеральным законом. В то же время в соответствии с ч. 3 ст. 9 обязанность доказывать получение согласия субъекта на обработку его персональных данных возлагается на оператора. Чтобы при необходимости не тратить время на сбор таких доказательств (например, на поиск свидетелей), получать согласие от субъектов предпочтительно в письменной форме, что обеспечит нетехническую защиту таких данных.

Широкое распространение информационных технологий не только приносит пользу, но и таит в себе опасность. В частности, это касается возможности свободно получать, обрабатывать и распространять сведения о гражданах страны. В последнее время распространение баз данных с номерами телефонов, местом жительства, имущественным положением и другой информацией приобрело большие масштабы, что приводит к нарушению прав граждан на конфиденциальность сведений о личной жизни. В то же время с каждым днем повышается информированность граждан о возможных негативных последствиях распространения их персональных данных, чему способствует появление профильных изданий. Есть и информационные ресурсы различных компаний. Одни из них в целом освещают весь широкий спектр вопросов, связанных с понятием «информационная безопасность», другие посвящены обзорам мер и средств технической защиты либо, напротив, делают упор на проблемах, связанных с нетехнической защитой. Другими словами, информация по вопросам защиты персональных данных становится все более доступной, а значит, граждане будут лучше осведомлены в области защиты своих прав.

Развитие системы организационных и нормативных мер, усиление информационной безопасности общества и государства, использование инноваций, информатизация автоматизированных систем помогут предотвратить значительное число преступлений, гарантируя при этом соблюдение прав человека и гражданина.

Список литературы

1. *Борисова С. А.* Общие требования при обработке персональных данных работника и гарантии их защиты // Трудовое право. — 2005. — № 11. — С. 30–36.

2. *Петров Ю. И.* Защищенность как одна из наиболее актуальных характеристик современного программного обеспечения // Информатизация образования и науки. — 2016. — № 2 (30). — С. 106–116.

Гец Константин Валерьевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
ulth94@gmail.com

Особенности правовой охраны произведений в цифровой форме в Российской Федерации

Развитие информационных технологий обусловило появление произведений, выраженных в особой, цифровой, форме. Сейчас многие книги, письма, фотографии и другие произведения появляются в цифровом виде, а Интернет породил новые формы авторства, такие как блоги и личные веб-страницы [1].

Как отмечает В. Л. Энтин, «сегодня все чаще оригиналом выступает произведение в цифровой форме, которое предшествует книге или иному продукту» [2].

Особенности, присущие исключительно цифровой форме произведений, ставят перед многими исследователями вопросы об их правовой охране, которые не могут быть решены исключительно с помощью положений правовой доктрины. Многие законодательные нормы, изначально разработанные с целью охраны произведений, выраженных в традиционных формах, не всегда могут в полной мере применяться к произведениям, находящимся в цифровом пространстве.

Для формирования понятий цифровой формы, произведения в цифровой форме и определения критериев их охраноспособности необходимо в первую очередь руководствоваться общими положениями гражданского законодательства, устанавливающими правовую охрану на общую категорию произведений как объектов авторского права.

В российском законодательстве отсутствует понятие «произведение», однако ряд положений ч. 4 Гражданского кодекса РФ (далее: ГК РФ) позволяет выделить определенные обязательные признаки, устанавливающие его правовую охрану: творческий характер и объективная выраженность.

В п. 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 разъяснено, что к объектам авторского права может быть

отнесен результат интеллектуальной деятельности, созданный только творческим трудом. При этом подчеркивается, что наличие новизны, уникальности и оригинальности не обязательно.

Говоря о творческом характере произведения, Верховный Суд РФ сделал вывод, что результаты, созданные исключительно с помощью технических средств «в отсутствие творческого характера деятельности человека», не могут быть признаны созданными творческим трудом, т. е. объектами авторского права.

Второй признак охраноспособности произведения установлен в п. 3 ст. 1259 ГК РФ, которая содержит положение о распространении авторских прав на произведения, выраженные в объективной форме, и устанавливает некоторые виды такого выражения: письменная, устная, объемно-пространственная формы, изображение, звуко- или видеозапись и др.

Данный перечень является открытым, что обусловлено постоянным развитием научно-технического прогресса и, как справедливо указывает И. А. Блинец, «появлением новых способов представления и использования произведений и их видов» [3, с. 16].

При этом предполагается, что при определении охраноспособности конкретного произведения необходимо руководствоваться двумя вышеуказанными его признаками. В случае отсутствия одного из них произведение не может быть признано объектом авторского права.

В связи с вышеизложенным автор делает вывод, согласно которому под произведением понимается выраженный в объективной форме результат творческой деятельности автора независимо от его достоинств, назначения, новизны и способов выражения.

С учетом стремительного прогресса в области информационных технологий в настоящее время любой объект авторского права может быть переведен в цифровую форму, в то время как другие произведения изначально создаются в цифровой среде и не нуждаются в переводе на материальный носитель. К последним, например, относятся программы для ЭВМ, базы данных, Интернет-сайты, а также некоторые произведения, которые могут создаваться одновременно в нескольких формах (например, фотографии, сделанные на разные типы фотоаппаратов, литературные произведения, написанные от руки и напечатанные на компьютере).

Как справедливо отметил С. П. Рогожин, «при нынешнем развитии техники видео- и фотофайлы формируются в памяти цифровых аппаратов, видеокамер или других гаджетов. То есть носителями информации являются сформированные с их помощью файлы, имеющие тот или иной формат (*.jpg, *.avi, *.mp3), позволяющие их различать» [4].

В результате можно сделать вывод, согласно которому к произведениям в цифровой форме относятся как изначально созданные в цифровой среде, так и оцифрованные произведения.

Исходя из того, что защищаемое российским законодательством произведение должно обладать критериями объективной выраженности и творческого характера, а цифровое произведение является его разновидностью, очевидно, что те же требования относятся и к нему. Соответственно, охрана произведения, находящегося в цифровой форме, будет осуществляться наравне с произведениями, выраженными в иной форме.

Следует согласиться с мнением Е. С. Дементьевой, указавшей, что «цифровые технологии помимо создания условий для существования большинства объектов авторских прав как в цифровой форме, так и в одной из иных форм фиксации, в том числе одновременного, привели к появлению и таких объектов, характеристики которых принципиально отличны от иных охраняемых авторским правом произведений (программы для ЭВМ, базы данных, Интернет-сайты, мультимедийные продукты)» [5].

Как известно, цифровые технологии основаны на кодировании и передаче информации с использованием последовательности дискретных сигналов. Соответственно, цифровой формат, использующий дискретные состояния в качестве последовательности чисел во времени, предполагает передачу в цифровом пространстве набора чисел, как правило, 0 и 1. Впоследствии такие сигналы декодируются с помощью специальных программ, преобразующих сигналы из кода в информацию, определенным образом воспринимаемую человеком (тексты, звуки, изображения).

Безусловно, ряд отличительных свойств и особенностей (таких как независимость цифровой формы от ее реализации на материальном носителе при нахождении в цифровой среде, необходимость использования программных и технических средств для восприятия произведения человеком, повышенная сохранность информации по сравнению с материальными носителями и легкость распространения и копирования), присущих исключительно цифровой форме, выделяют ее в отдельный вид форм произведения.

Поскольку форма объективного выражения в любых таких произведениях присутствует а priori, их охраноспособность будет зависеть от наличия творческого характера.

Предполагается, что такой характер произведения в цифровой форме определяется, исходя из особенностей того вида произведений, к которому оно относится. И. А. Блинец указывает, что «признание того, является ли конкретный результат творческой деятельности произведением — объектом авторских прав, осуществляется

только применительно к каждому конкретному случаю, исходя из общего представления такого явления культуры, как творчество» [3, с. 19].

Поднимая вопрос о правовой охране оцифрованных произведений, автор полностью поддерживает позицию Р. Ш. Рахматуллиной, заключающуюся в том, что перевод произведения в цифровую форму не является переработкой и появлением нового произведения [6]. Оцифровывание уже созданного произведения, записанного на аналоговом носителе, будет являться созданием его цифровой копии.

В связи с этим произведение, изначально не являющееся результатом творческого труда и, соответственно, не охраняемое авторским правом, при оцифровывании не получает такую охрану и не становится новым произведением.

С учетом вышеизложенного под произведением в цифровой форме понимаются такие произведения, хозяйственное использование которых осуществляется в цифровой среде. При этом выделение таких произведений в законодательстве и их классификация не представляются необходимыми ввиду возможности нахождения одних и тех же произведений как в цифровой среде, так и в материальной форме.

Таким образом, понятие «цифровое произведение» подразумевает цифровую форму любого произведения как объекта авторского права.

Список литературы

1. *Besek June M.* Digital Preservation and Copyright // WIPO Magazine. — 2008. — № 5. — https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2008/05/article_0010.html (дата обращения: 27.10.2019).

2. *Энтин В. Л.* Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи). — М.: Статут, 2017 // СПС «Консультант Плюс».

3. *Близнец И. А.* Авторское право и смежные права // РГАИС. — 2019. — 456 с.

4. *Рогожин С. П.* О некоторых особенностях электронного обеспечения правосудия // Цивилист. — 2012. — № 2. — СПС «Консультант Плюс».

5. *Дементьева Е. С.* Проблемы правового регулирования цифровой формы произведения // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2016. — № 7. — СПС «Консультант Плюс».

6. *Рахматулина Р. Ш.* Цифровая форма объектов авторского права // Право и цифровая экономика. — 2019. — № 1. — СПС «Консультант Плюс».

Исхакова Диана Рустамовна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
myself_planet@mail.ru

Особенности международных дистрибьюторских соглашений

В современных условиях глобализации экономических процессов участие коммерческих организаций в предпринимательской деятельности на территории иностранного государства становится более значительным. Развитая производственная инфраструктура и многообразие представляемых товаров и услуг требуют использования системы распределения продукции, поскольку данный выбор представляет собой эффективный способ продвижения товаров производителя и в итоге становится оптимальным решением для доступа к данным товарам со стороны конечного потребителя. Одной из наиболее распространенных форм осуществления иностранными организациями предпринимательской деятельности является дистрибьюторский договор.

В российской научной среде сложились разные мнения по поводу определения дистрибьюторского соглашения. Например, по мнению В. Ю. Доронькиной, дистрибьюторской договор — это соглашение, по которому одна сторона (принципал) обязуется предоставлять произведенные или закупаемые ею товары другой стороне (дистрибутору), а дистрибутор обязуется за свой счет и от своего имени осуществлять реализацию указанных товаров, оказывать принципалу согласованные в договоре услуги, выполнять в связи с этим поручения принципала в целях сохранения его деловой репутации, а также укрепления его позиций на соответствующем товарном рынке (расширение торговой сети, сохранение и (или) увеличение доли на товарном рынке, информационное обеспечение потребителей товара и т. п.) [4, с. 135].

Т. Ю. Григорьев в своем исследовании делает вывод, что «дистрибьюторское соглашение — это договор об организации сбыта продукции, по которому производитель обязуется поставлять товары дистрибутору в течение определенного срока, а дистрибутор обязуется за свой счет и от своего имени на определенной территории осуществлять сбыт приобретаемых им товаров третьим лицам» [3, с. 221].

Вместе с тем дистрибутор — это юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, осуществляющий оптовую закупку и сбыт товаров определенного вида на региональных рынках [2, 172].

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что дистрибьюторский договор — это соглашение, в рамках которого дистрибутор выполняет комплекс услуг с целью поставки товара от производителя к конечному покупателю.

Как уже неоднократно указывалось в различных исследованиях, в нормативных правовых актах Российской Федерации дистрибьюторский договор (дистрибьюторское соглашение) не закреплен нормативно, в связи с чем возникают затруднения при определении его вида. Отсутствие единого подхода к определению дистрибьюторского договора в научной литературе способствует возникновению проблем в части квалификации данного договора в правоприменительной сфере. В том числе это относится к позиции судов в части применения нормы закона, которая подлежит применению к спорам по данным категориям дел, — это может быть и договор поставки, и договор поставки с предоставлением услуг по поиску покупателей, и агентский договор, и договор возмездного оказания услуг, и смешанный договор.

Между тем дистрибьюторское соглашение не относится ни к одному из перечисленных договоров. Классифицировать дистрибьюторский договор как договор поставки необоснованно, поскольку первый содержит исключительно рамочные условия поставки, которые необходимы для перехода прав на товар и дальнейшую его реализацию. В отличие от агентского договора и договора возмездного оказания услуг дистрибутор не выступает от имени производителя и неподотчетен поставщику в части получаемой прибыли (как в случае агентского договора). При этом дистрибутор оказывает более широкий спектр услуг (в том числе и юридически значимых) от своего имени и за свой счет (в отличие от договора возмездного оказания услуг).

В части определения дистрибьюторского договора как смешанного сложилось неоднозначное мнение [6; 7]: с одной стороны, гражданское законодательство содержит достаточное количество положений, позволяющих определять дистрибьюторский договор (как и в отношении регулирования других непоименованных договоров — они регулируются общими положениями гражданского законодательства о сделках, договорах и обязательствах), с другой — включение отдельных положений о дистрибьюторском договоре решило бы проблему определения дистрибьюторского соглашения и его места в российском законодательстве.

Из указанных выше определений можно выделить виды дистрибуции. По виду взаимодействия с конечным покупателем это может быть прямое (продажа покупателю напрямую) или не прямое (перепродажа посредникам) взаимодействие. По географическому признаку — ре-

гиональная, национальная или транснациональная (трансграничная) дистрибуция. По типу распределения — неэксклюзивные дистрибуторы (оптовые компании, осуществляющие закупки у поставщиков время от времени) и эксклюзивные дистрибуторы (оптовые компании, осуществляющие деятельность в конкретном регионе в рамках выделенной территории, способные обеспечить положительный имидж поставляемого товара, и пр.) [5, с. 47].

На текущий период можно сделать вывод, что в российском гражданском законодательстве отсутствует единообразное определение дистрибьюторского соглашения. Его отношение к непоименованному договору и как следствие определение его предмета, исходя из общих условий гражданского законодательства, только усложняет правоприменительную практику и не позволяет выработать единообразный подход.

В международном частном праве дистрибьюторское соглашение также не закреплено как отдельный вид договора. При этом в международном частном праве существуют рекомендации для составления и заключения дистрибьюторского договора: Руководство по составлению международных дистрибьюторских соглашений и Типовой дистрибьюторский контракт Международной торговой палаты.

Отсутствие единообразного подхода к определению дистрибьюторского договора и его классификации как в российском, так и в международном частном праве порождает существенные сложности в правоприменительной практике. В частности, при заключении дистрибьюторского соглашения между организациями, имеющими различные личные законы юридического лица, возникает вопрос с определением применимого законодательства.

Таким образом, для восполнения имеющегося пробела в законодательстве существует необходимость выделения дистрибьюторского соглашения как отдельного вида договора в российском законодательстве и его унификации в международном частном праве.

Список литературы

1. Алибекова З. Р. Проблемы расторжения дистрибьюторских соглашений в США // Вестн. экономической безопасности. — 2018. — № 2. — С. 155–158.
2. Борисов А. Б. Большой юридический словарь. — М.: Книжный мир, 2010. — 848 с.
3. Григорьев Т. Ю. Трансграничные дистрибьюторское соглашение и договор торгового представительства в Российском и зарубежном праве: дис. <...> канд. юр. наук. — М., 2018. — 246 с.
4. Доронькина В. Ю. Имплементация дистрибьюторского договора в российское право: дис. <...> канд. юр. наук. — СПб., 2016. — 166 с.

5. Казберова О. М. Анализ системы дистрибуции и ее роль в реализации корпоративной стратегии // Экономический анализ: теория и практика. — 2012. — № 14. — С. 44–50.

6. Улугова К. Э. Некоторые аспекты договорного регулирования дистрибьюторской деятельности // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 9. — С. 1930–1935.

7. Улугова К. Э. Понятие дистрибьюторской деятельности и ее соотношение с категориями торговой и посреднической деятельности // Проблемы экономики и юридической практики. — 2013. — № 6. — С. 144–148.

УДК 342.7

Лесников Артем Дмитриевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
Artum97@gmail.com

**Конституционная гарантия права на жилище:
проблемы законодательного регулирования
очереди на жилье в Санкт-Петербурге**

В ст. 7 Конституции РФ установлено, что Россия является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В части социального обеспечения это имеет существенное значение. Во-первых, мероприятия в рамках социальной политики реализуются посредством правового регулирования общественных отношений, т. е. зависят от права. Во-вторых, меры по господдержке имеют несколько уровней, среди которых федеральный, региональный и местный.

В современном обществе жилищный вопрос обретает все большую актуальность. Положение ст. 40 Конституции РФ определяет, что каждый имеет право на жилище. Жилищная политика является составной частью социального государства [4]. При этом качество жизни современного человека во многом зависит от наличия у него возможности реализовать это право.

Одним из способов реализации права жилище может быть получение жилья в порядке городской очереди. В ст. 2 Жилищного кодекса РФ говорится, что государство (местное самоуправление) использует бюджетные средства и иные не запрещенные законом источники денежных средств для улучшения жилищных условий граждан.

Норма ст. 51 Жилищного кодекса РФ затрагивает только отдельные категории населения, которые могут реализовать данное право при помощи господдержки. Аналогичные положения встречаются и в региональном законодательстве. Таким образом, возникает проблема, связанная с неравными условиями при реализации права на улучшение жилищных условий за счет соответствующих бюджетов.

Право на улучшение жилищных условий реализуется посредством предоставления жилого помещения, субсидий для покупки жилья, расселения коммунальных квартир и иных способов, установленных законодательством. Во всех случаях предусматривается участие государства (местного самоуправления).

Граждане улучшают свои жилищные условия в порядке очереди [1]. Жилищный кодекс РФ определяет, несколько оснований, позволяющих поставить гражданина на жилищный учет. К ним относятся проживание в жилом помещении, площадь которого не соответствует учетной норме на человека, заболевания, предусмотренные расписанием болезней, утвержденным приказом Минздрава России от 29 ноября 2012 г. № 987н, наличие единственного жилого помещения, которое не подлежит реконструкции и не соответствует требованиям постановления правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47. Два последних основания позволяют улучшить жилищные условия вне очереди.

Граждане, состоящие на жилищном учете, проживающие в помещениях, жилплощадь которых не соответствует учетной норме, имеют неравные условия по сравнению с иными категориями очередников. Однако это не главная трудность.

Законами субъектов может устанавливаться ценз оседлости, который необходимо принимать во внимание при постановке на жилищный учет [2]. Например, в соответствии с законом Санкт-Петербурга от 28 июля 2004 г. № 409-61 «О содействии Санкт-Петербурга в улучшении жилищных условий» на учет нуждающихся принимаются граждане, проживающие в городе на законном основании в общей сложности не менее 10 лет.

Однако если гражданин все же включен в очередь на получение жилья или иной формы жилищной господдержки, условия и сроки получения, как указывалось ранее, не имеют равного соотношения. Например, распоряжение жилищного комитета Санкт-Петербурга от 21 января 2019 г. № 43-р «О жилищном плане на 2019 год», утвержденное правительством Санкт-Петербурга (далее: годовой жилищный

план), предусматривает разные меры господдержки нуждающихся в улучшении жилищных условий [3].

Согласно годовому жилищному плану, граждане, указанные в ст. 28.2 федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», имеют право только на предоставление социальных выплат. Многодетные семьи с тремя (и более) несовершеннолетними детьми имеют право на социальные выплаты и предоставление жилых помещений. Если в числе очередников остаются многодетные семьи, в которых дети достигли совершеннолетия, но данное право эти семьи реализовать не смогли, для них предусматриваются только субсидии и они подпадают под общую очередь.

Даже лица, обладающие правом на внеочередную господдержку, находятся в неравных условиях между собой. Это вызвано их очередностью и объемом финансирования. К сожалению, бюджет не покрывает всего объема требуемых затрат. Следовательно, право на улучшение жилищных условий реализует тот, кто ранее встал на учет. Это относится только к особой очереди.

Семьи, имеющие в составе детей-инвалидов, обладают правом на получение жилплощади, если они включены в очередь до 1 сентября 2012 г. Граждане, имеют право на получение жилых помещений, если их постановка на учет состоялась до 1 апреля 1980 г. Встречаются иные цензы, связанные с категорией граждан, возрастом, родом занятий и т. д.

Неравенство в праве на получение господдержки в улучшении жилищных условий вызвано недостаточностью финансирования. Государство вынуждено создавать «приоритетные» группы очередников, чтобы поддержать наименее защищенное население.

В СМИ не раз освещался вопрос о необходимости повышения бюджетной квоты для целей улучшения жилищных условий. Например, в 2018 г. Жилищный комитет запросил всю сумму, необходимую для оказания господдержки всем категориям граждан. Однако финансовые требования не удовлетворяются [5].

Несмотря на создание основ функционирования рынка жилья, приобретение, строительство и наем жилья с использованием рыночных механизмов на практике пока доступны лишь ограниченному кругу семей — семьям с высокими доходами.

Жилищное строительство и приобретение жилых помещений за счет средств бюджета поглощают значительный объем финансовых ресурсов. Именно поэтому устанавливаются цензы оседлости, происходит разделение очередников по видам поддержки, определяются приоритеты для социально незащищенных категорий граждан [6]. В этой связи темпы продвижения городской очереди на получение жилья зависят от уровня финансирования данных целей. Только при увеличении расходов на приобретение жилых помещений право на жилище в порядке очереди будет более реализуемым.

Список литературы

1. *Гузанова А. К.* Жилищная проблема с точки зрения семейных ценностей и предпочтений // Уровень жизни населения регионов России. — 2018. — № 1. — С. 66–76.
2. *Емельяненко О. С.* Государственная поддержка многодетных семей // Вестн. Бурятск. гос. ун-та. Образование. Личность. Общество. — 2013. — № 5. — С. 139–141.
3. *Казакова А. Ю.* Улучшение жилищных условий в надеждах и планах калужан: итоги опроса // Вестн. Нижегородск. ун-та. Сер. «Социальные науки». — 2016. — № 1. — С. 151–157.
4. «Нулевые» чтения бюджета Санкт-Петербурга на 2018 год [Электронный ресурс] // URL: <https://www.fontanka.ru/2017/08/31/151> (дата обращения: 20.02.2019).
5. *Пешина Л. М.* Проблема улучшения жилищных условий отдельных категорий граждан в Российской Федерации // Приволжский научный вестник. — 2015. — № 6-2 (46). — С. 24–27.
6. *Сотникова Л. В.* К вопросу об улучшении жилищных условий как одной из составляющих реализации права граждан на жилище // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. — 2015. — № 23. — С. 46–52.

УДК 342.722.1

Зейналов Ильгам Шахин оглы,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
ilgam_zeinalov@mail.ru

Проблема общедоступности квалифицированной юридической помощи

Конституцией гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. При этом не говорится об обязанности государства предоставлять ее каждому на бесплатной основе. Право граждан на свободный поиск и получение необходимой юридической помощи не может ограничиваться ни при каких обстоятельствах.

Однако не отпадает проблема отсутствия всеобщности данного права. Конституция РФ дает возможность пользоваться правовой помощью, но в том смысле, что нельзя запретить ее получать. Господдержка на федеральном уровне оказывается лишь отдельным категориям граждан (ветераны, малоимущие, инвалиды и т. д.) либо в особых случаях (усыновление, взыскание алиментов и т. д.). Законами субъектов РФ адресный перечень граждан и ситуаций может быть расширен.

В систему государственной и негосударственной бесплатной юридической помощи (далее: система) включаются адвокаты, нотариусы, юридические клиники, бюро, органы государственной власти и иные лица. При этом из публично-правовых образований в систему входят только органы исполнительной власти. Однако на уровне субъектов Российской Федерации законодательными (представительными) органами и местным самоуправлением такие мероприятия также проводятся.

Например, приемная Законодательного собрания Санкт-Петербурга (далее: приемная Собрания) осуществляет консультирование граждан по вопросам действующего законодательства Санкт-Петербурга. При этом не имеет значения категория населения или типовая ситуация. Юридическая помощь оказывается каждому бесплатно, однако ее предметная область ограничивается законодательством Санкт-Петербурга.

Данный пример наглядно демонстрирует наличие возможности оказывать бесплатную консультативную юридическую помощь всем гражданам. Это позволяет более эффективно повышать правовую грамотность населения, содействовать в выборе верного юридического решения и ориентировать человека в правовом поле.

В литературе отмечено, что без должного знания закона реализация прав и основных свобод становится затруднительной [1]. Заявлен тезис, что юридическая помощь населению повышает уровень правовой осведомленности, что способствует эффективной защите в конкретных правоотношениях [6].

В рамках исследования вопросов правового просвещения было установлено, что общество испытывает необходимость в повышении уровня правовой грамотности. Результаты продемонстрировали, что граждане проявляют заинтересованность в расширении возможности получать юридическую помощь и информацию о правах, свободах, законных интересах и обязанностях [3].

При этом не стоит полагаться только на правовое просвещение. Вне зависимости от степени доступности правовой информации не каждый гражданин может правильно понимать закон и применять его. Правовое регулирование общественных отношений с каждым годом становится все сложнее [7]. Обычному человеку сложно работать с текстом закона без помощи профессионала.

В таких условиях, если гражданин не может реализовать право на юридическую помощь из-за отсутствия средств, правовая подготовленность в конкретной ситуации становится привилегией юристов. Каждый должен иметь равные возможности в получении необходимой квалифицированной юридической помощи [4]. Ограничение данного права цензами представляется неприемлемым для правового государства.

Разумно предоставить возможность всем гражданам получать квалифицированную юридическую помощь на бесплатной основе, но исключительно в форме устного (письменного) консультирования. При этом во избежание перегрузки субъектов системы следует применять правило предоставления правовой помощи в ограниченном объеме на общих основаниях.

Например, на уровне субъекта Российской Федерации может устанавливаться максимальный предел количества обращений каждого гражданина за бесплатной правовой помощью в год. Это позволит расширить возможности в получении необходимой правовой помощи, а также побудит граждан более ответственно подходить к использованию своего права.

Данная мера не разрешает полностью вопрос о повышении правовой грамотности и осведомленности населения, однако она необходима для предоставления возможности гражданину получать юридическую помощь в острой жизненной ситуации с позиции закона. Тем самым восполняется право на получение квалифицированной юридической помощи.

Таким образом, юридическая помощь является важным инструментом повышения правовой грамотности населения [5]. Нецелесообразно ограничивать ее ценом ситуативности или социального положения в обществе. Несмотря на финансовое состояние, каждый должен иметь равные возможности в получении необходимой правовой помощи квалифицированных специалистов.

Правовое государство базируется на идее верховенства права. Путем повышения правовой информированности и грамотности населения поддерживается уровень стабильности в общественных отношениях [2]. Юридическая помощь призвана дать возможность гражданам понимать смысл закона, ориентироваться в нем и правильно применять. В этой связи устранение барьеров в получении гражданами безвозмездной правовой помощи представляется оправданным направлением современного развития.

Список литературы

1. *Афанасьева Т. И.* Система оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // Пролог: журнал о праве. — 2018. — № 7. — С. 50–56.

2. Бугрова В. Р., Сабурова Л. Н. Бесплатная юридическая помощь: теория и практика // Сервис в России и за рубежом. — 2015. — № 10. — С. 76–84.

3. Зейналов И. Ш. о. Право на юридическую информацию и правовое просвещение граждан Российской Федерации // Сб. тезисов работ участников XIII всерос. конкурса молодежи образовательных и научных организаций на лучшую работу «Моя законотворческая инициатива» / под ред. А. А. Румянцева, Е. А. Румянцевой. — М.: НС «ИНТЕГРАЦИЯ», 2018. — Т. 1. — С. 219–221.

4. Космынина А. С. Обеспечение предоставления гражданам квалифицированной юридической помощи // Вестн. Южно-Уральск. гос. ун-та. Сер. «Право». — 2017. — № 4. — С. 69–74.

5. Рябцева Е. В. Формы бесплатной юридической помощи в международном праве и практике зарубежных стран // Евразийская адвокатура. — 2014. — № 6. — С. 20–25.

6. Савченко М. С., Каленский П. В., Грибанова А. С. Проблемы правового регулирования оказания бесплатной юридической помощи // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанск. гос. аграрного ун-та. — 2016. — № 116. — С. 1–13.

7. Туинова Н. В. Некоторые вопросы организации работы юридической клиники вуза в сфере правового просвещения граждан (на примере юридической клиники Прикамского социального института) // Вестн. Прикамск. соц. ин-та. — 2016. — № 2. — С. 23–26.

УДК 342.9

Королева Юлия Дмитриевна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
Koroluldmmit@mail.ru

К вопросу о соотношении административных правонарушений и преступлений

Актуальность вопроса о соотношении административных правонарушений и преступлений объясняется необходимостью совершен-

ствования практики привлечения к административной и уголовной ответственности, что не представляется возможным без правильной квалификации деяния как административного правонарушения или преступления. Без верного понимания теории квалификации правонарушений, правил разграничения административных и уголовных составов невозможно обеспечить законное производство по данным категориям дел, а также соблюдение при этом прав человека на правосудие, на защиту от правонарушений и преступлений. Но достичь указанных результатов бывает весьма непросто, поскольку иногда возникают трудности при определении природы противоправного деяния, т. е. бывает сложно установить и соблюсти грань между административным правонарушением и преступлением.

На практике можно столкнуться с ситуацией, когда Уголовный кодекс РФ (далее: УК РФ) и Кодекс об административных правонарушениях РФ (далее: КоАП РФ) содержат статьи, предусматривающие ответственность за сходные по своему составу и сути противоправные деяния. Так, исследования различных авторов показывают, что в КоАП РФ и УК РФ можно найти от 40 до 100 подобных составов правонарушений [4, с. 59]. Для того чтобы как можно детальнее и основательнее разобраться в данном вопросе, следует проанализировать основные понятия, используемые КоАП РФ и УК РФ.

Исходя из ч. 1 ст. 14 УК РФ понятие преступления складывается из четырех признаков: виновность, наказуемость, противоправность и общественная опасность. Напротив, проанализировав понятие административного правонарушения, закрепленное в ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ, можно увидеть, что оно состоит всего из трех признаков: противоправность, виновность и наказуемость. Как явствует из содержания рассмотренных понятий, законодатель при их составлении выразил свое мнение относительно их разграничения, исключив из ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ категорию общественной опасности. Кроме того, теория и административного, и уголовного права одним из критериев разграничения административного правонарушения и преступления видит наличие, отсутствие или степень общественной опасности. Но при этом содержание этого термина законодателем не раскрывается.

Г. Н. Борзенков в своих исследованиях пишет о наличии «двух основных подходов к решению вопроса о соотношении проступков и преступлений в соответствии с рассматриваемым признаком. Первый гласит, что общественная опасность характерна исключительно для преступлений, но не для остальных правонарушений. Второй подход исходит из того, что как преступление, так и административное правонарушение общественно опасны, различна степень их опасности. То есть первый подход опирается на наличие/отсутствие признака общественной опасности деяния, а второй оценивает ее степень» [6, с. 257].

Само понятие административного правонарушения предполагает наступление ответственности за его совершение, и авторы, придерживающиеся второго подхода, все-таки выделяют общественную опасность административных правонарушений (иногда говоря об общественной вредности), пусть она и упоминается в законодательстве косвенно [3, с. 53].

С точки зрения А. М. Волкова, «для административного правонарушения характерен признак антиобщественности, который являет более широкое понятие. Следовательно, далеко не любое антиобщественное деяние сопоставимо с признаками административного правонарушения» [1, с. 42].

В целях выявления сущности общественной опасности как критерия административного правонарушения будет полезно обратить внимание на категорию «малозначительность». Согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ, не является преступлением действие (бездействие) хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Приведенный выше анализ норм права и мнений ученых ставит вопрос о сущности малозначительности уголовного деяния в части правомерности приравнивания или отнесения такого деяния к административному правонарушению, если оно само не представляет общественной опасности, равно как и ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ не закрепляет данный признак. Но в таком случае возникает вопрос и о соотношении со всем этим понятия малозначительности самого административного правонарушения, закрепленного в ст. 2.9 КоАП РФ и раскрытого в п. 18 постановления Пленума ВАС РФ от 2 июня 2004 г. № 10, согласно которому малозначительность имеет место при отсутствии существенной угрозы охраняемым общественным отношениям, а также вопрос о возможности соотнесения категории общественной опасности с антиобщественностью, хотя и применительно не ко всем составам административных правонарушений. На пересечении этих вопросов возможно возникновение проблем при квалификации деяний лица и применении к нему мер юридической ответственности [3, с. 53].

Мнения ученых разделились. В частности, одни из них воспринимают общественную опасность или общественную вредность как характерную черту преступления и административного правонарушения соответственно; другие основывают свое мнение на прямом толковании закрепленных законодателем в статьях УК РФ и КоАП РФ понятий, т. е. исключают критерий общественной опасности из административного правонарушения. Представляется неправильным говорить о том, что КоАП РФ и иные акты вовсе отбрасывают признак общественной опасности в административном правонарушении, поскольку, если придерживаться этой позиции, едва ли возможно объяснить правомерность и законность мер государственного принужде-

ния, применяемого за совершение какого-либо деяния, описанного в КоАП РФ [6, с. 258].

Кроме того, некоторые авторы проводят разграничение административной и уголовной ответственности с помощью применения института административной преюдиции. О ней можно говорить, когда на законодательном уровне признается, что правонарушение может перерасти в преступление в случае его повторного (неоднократного) совершения в течение одного года после назначения административного наказания за аналогичное деяние. На этот счет в научной литературе встречаются разные точки зрения. Одни исследователи, например, полагают, что институт административной преюдиции при теоретически и тактически продуманном его применении может способствовать прекращению общественно вредной деятельности «начинающего» правонарушителя до того момента, когда он перейдет в категорию преступников. Сторонник этой позиции — С. Ф. Милоков [5, с. 257].

Есть и другое мнение, говорящее о необоснованности, неправомерности и несправедливости закрепления в законе административной преюдиции; об опасности возникновения ситуации, когда лицо, которое совершило деяние с более высокой степенью общественной опасности, но впервые, будет подлежать лишь административной ответственности, в то время как другое лицо, виновное в совершении менее общественно опасного (или вредного) деяния, но уже привлекавшееся ранее за аналогичное правонарушение к административной ответственности, будет подлежать уголовной ответственности и понесет уголовное наказание [6, с. 257]. Так, Э. Н. Жевлаков пишет, что «проступок, сколько бы раз он ни повторялся, не может перерасти путем количественного накопления в новое качество — преступление» [2, с. 74].

И все-таки в современном российском законодательстве встречаются проявления административной преюдиции (например, ст. 6.1.1 КоАП РФ может перейти в ст. 116.1 УК РФ). Используются также понятия «неоднократность» (ст. 14.10 КоАП РФ и ст. 180 УК РФ) и «систематичность» (ст. 6.10 КоАП РФ и ч.1 ст. 151 УК РФ) совершения деяния.

Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день законодательные средства отграничения административных правонарушений и преступлений остаются недостаточно разработанными. Это может повлечь ошибки в квалификации противоправных деяний, неправильное применение норм административной и уголовной ответственности и как следствие нарушение прав и свобод граждан. В связи с этим необходимо введение единой терминологической основы административно-деликтного и уголовного права. Следует также теоретически проработать такой критерий, как общественная опасность деяния, и в административной, и в уголовной сферах. На практике это позволит более объективно и точно оценивать характер совершенного противоправного деяния и давать ему соответствующую квалификацию.

Список литературы

1. Волков А. М. Административное право России: учеб. — М.: Проспект, 2016. — 328с.
2. Жевлаков Э. Н. Уголовно-правовая охрана окружающей природной среды в Российской Федерации: учеб.-метод. комплекс — М.: Научн.-иссл. ин-т проблем укрепления законности и правопорядка, 2002. — С. 73–76.
3. Ишмухаметова С. И., Масыгутов Л. Э. К вопросу о соотношении административного правонарушения и уголовного преступления // Наука, образование и культура. — 2018. — № 4 (28). — С. 52–55.
4. Константинов П. Ю., Соловьева А. К., Стуканов А. П. Взаимосвязь административных правонарушений и преступлений: проблемы теории и практики // Правоведение. — 2005. — № 3. — С. 58–74.
5. Милуков С. Ф. Административное и уголовное законодательство: рядом или вместе // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: мат. IV междунар. научн.-практ. конф., посв. 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 27–28 мая 2004 г. — М.: ЛексЭст, 2005. — С. 376–379.
6. Шавырина А. С. Вопросы соотношения преступлений и смежных административных правонарушений // Пробелы в российском законодательстве. — 2010. — № 1. — С. 256–260.— <https://cyberleninka.ru/article/n/11-4-voprosy-sootnosheniya-prestupleniy-i-smezhnyh-administrativnyh-pravonarusheniy> (дата обращения: 18.10.2019).

УДК 347.634

Зейналов Ильгам Шахин оглы,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
ilgam_zeynalov@mail.ru

Проблемы реализации родительских прав в условиях лишения свободы

Всеобщая декларация прав человека определяет, что семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на за-

щиту со стороны общества и государства. В ст. 38 Конституции РФ устанавливается, что материнство и детство, семья охраняются государством.

Во второй части настоящей статьи указывается, что забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей. Следует отметить, что, хотя Конституция РФ первоочередно закрепляет право на материнство, в ст. 72 также выделяется вопрос отцовства. Тем самым создается юридическое равноправие отца и матери в реализации родительских прав.

В семейных правоотношениях особое место занимают права несовершеннолетнего. Приоритет интересов и благосостояния детей во всех сферах жизни государства закреплен в Конвенции о правах ребенка. Федеральным законом от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ установлено, что ребенок — это лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия). Государство и законные представители несовершеннолетних обязаны поддерживать достойный образ жизни ребенка [6].

Однако на практике возникают некоторые трудности. Ключевая проблема заключается в том, что в условиях лишения свободы гражданину затруднительно реализовать родительские права и обязанности, хотя при этом обязанности по содержанию детей никто не снимает [7].

В правовой литературе отмечается, что родители обязаны всегда обеспечивать защиту интересов детей [8]. Заявлен тезис, что права и обязанности родителей неотделимы [9]. Высшие суды исходят из того, что воспитание и содержание ребенка есть равное право и обязанность родителей [2]. В ст. 37 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными в местах лишения свободы определено, что лицам, лишенным свободы в рамках уголовного наказания, следует предоставлять возможность общаться через регулярные промежутки времени и под должным надзором с их семьями [1].

Законодательством предусмотрено несколько форм взаимодействия осужденных родителей с детьми. В ст. 89 УИК закрепляется право осужденных на краткосрочные свидания продолжительностью не более четырех часов. Приказ Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295 определяет, что осужденным женщинам и мужчинам, имеющим ребенка в возрасте до 14 лет, являющимся единственным родителем могут предоставляться дополнительные встречи.

Осужденные имеют право на кратковременные переговоры по телефону и ведение корреспонденции. Адресатом может выступать семья. Данное право реализуется за счет средств осужденного. Однако на практике в реализации данных форм общения встречаются некоторые трудности.

Ребенок может не изъявлять желание общаться с родителем. При этом фактически родитель не имеет возможности установить

и устранить причины. Осужденный не имеет контактной информации для обратной связи. В таком случае переписка и общение через средства связи невозможны. Причем ФСИН и иные уполномоченные органы не обязаны осуществлять поиск соответствующих сведений.

В пределах предметной области исследования необходимо отметить, что Конституцией РФ и федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ гражданин обязывается проходить срочную военную службу по призыву. Уставные требования вооруженных сил к военнослужащим срочной службы изначально ограничивают в реализации родительских прав [10]. При этом наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части представляет большую опасность для реализации права человека на воспитание ребенка.

Представляется, что в настоящее время необходимо расширить перечень форм реализации прав родителей, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Необходимо снять необоснованные барьеры, препятствующие реализации родительских прав осужденных. Целесообразно предоставить им возможность общаться дистанционно, посредством видеоконференций, подобно тому как посредством средств обратной связи они общаются с представителями защиты, судьями и т. д. [11]. В настоящее время использовать такую связь для общения с ребенком они не имеют возможности.

Оправданно предоставление осужденному возможности присутствовать на родительских собраниях в учреждениях образования в порядке и на условиях, предусмотренных для формы свидания. Родитель сможет получать всю необходимую информацию, связанную с получением его ребенком образования.

В случае получения информации о серьезном заболевании ребенка необходимо предоставлять осужденному возможность посещать его на территории учреждения здравоохранения. Это расширит участие осужденного в реализации родительских прав и обязанностей. Родитель сможет находиться рядом с ребенком в сложной для него жизненной ситуации.

По случаю окончания обучения в учреждениях образования целесообразно предоставлять осужденному право присутствовать на торжественных мероприятиях либо обеспечивать такую возможность посредством видеоконференции. Нужно создать систему обмена информацией между органами ФСИН и территориальными органами опеки и попечительства в части предоставления осужденному контактной информации, позволяющей обеспечить его связь с ребенком и иными членами семьи.

Следует, однако, обратить внимание на юридическую практику. Только суд вправе приговорить к уголовному наказанию и определить, какое именно наказание подлежит применению.

Так, например, своим решением суд смягчил наказание в отношении гражданки Н, поскольку на ее иждивении находится несовершеннолетний ребенок и она не лишена родительских прав [3]. Следовательно, в данном случае юридический статус родителя находится в более устойчивом состоянии.

В другом случае суд назначил более жестокое наказание не лишённому родительских прав отцу несовершеннолетнего, являющемуся единственным родителем. Суд исходил из того, что если ребенка будет опекать бабушка, то его права и законные интересы не будут нарушены мерой уголовного наказания в отношении его отца [4].

Еще один пример из практики: суд приговорил женщину к более жестокому наказанию, поскольку она лишена родительских прав и ребенок остается на иждивении отца, который ведет законопослушный образ жизни [5].

В таких ситуациях необходимо обязать суд проверять не только права ребенка при назначении наказания его родителям, но и возможность исполнения последними своих обязанностей в условиях пребывания в исправительных учреждениях.

Подводя итог, можно сделать вывод, что в настоящее время требуется расширение форм участия осужденных в жизни детей. Современные информационно-коммуникационные технологии позволяют это сделать. Родительские права и обязанности являются единым целым. Лишение осужденного возможности реализовать родительские права автоматически создает препятствие для исполнения им своих обязанностей по воспитанию ребенка. В этой связи необходимо пересмотреть подход к ограничению в правах осужденных, имеющих несовершеннолетних детей.

Список литературы

1. *Абрамова Н. Г.* Защита материнства и детства в пенитенциарной системе Российской Федерации // Изв. Тульск. гос. ун-та. Экономические и юридические науки. — 2017. — № 4. — С. 71–75.
2. *Вавилова Л. В.* Российское и зарубежное законодательство и теоретические основы регламентации выездов осужденных за пределы исправительных учреждений // Вестн. Междунар. ин-та экономики и права. — 2017. — № 2. — С. 87–100.
3. *Звонов А. В.* Соотношение условного осуждения и наказаний, альтернативных изоляции от общества // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2016. — № 4. — С. 106–111.
4. *Зубенко В. М.* Конституционное право на семейные связи в условиях пенитенциарных учреждений и гарантии реализации // Право и современные государства. — 2015. — № 2. — С. 32–46.

5. Латышева Л. А. Особенности содержания и ресоциализации женщин, имеющих малолетних детей, в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран // Научн.-практ. журнал Вологодск. ин-та права и экономики ФСИН. — 2018. — № 1. — С. 69–75.

6. Тюфяков Н. А., Урусов А. А. Особенности правового положения осужденных, отбывающих наказание в колониях-поселениях // Вестн. Омск. юр. акад. — 2018. — № 2. — С. 181–186.

УДК 342.31

Савосин Никита Алексеевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
nikizab14@gmail.com

Проблемы принятия федерального конституционного закона «О Конституционном собрании»

Несмотря на большое многообразие разных по своей сущности законопроектов ФКЗ «О Конституционном собрании», ни один из них так и не был одобрен Государственной Думой РФ: либо законопроекты отклонялись в первом чтении, либо вообще не доходили до этой стадии. Разумеется, возникает разумный вопрос: в чем причина?

Основная причина, по которой в Российской Федерации до сих пор не принят ФКЗ «О Конституционном собрании», заключается в определенном сопротивлении со стороны государства. Несмотря на то что правительство РФ в своих официальных отзывах не раз указывало на существенные упущения в финансово-экономическом обосновании соответствующих законопроектов и поэтому не рекомендовало их к принятию, представители профильных комитетов во время выступлений в Государственной Думе РФ высказывали совсем иную позицию.

В сентябре 2012 г. при обсуждении проекта ФКЗ «О Конституционном собрании», разработанного депутатами Б. Б. Надеждиным, А. И. Лукьяновым, В. В. Володиным и В. А. Крюковым, глава комите-

та по конституционному законодательству и государственному строительству Государственной Думы В. Н. Плигин заявил, что «в настоящих условиях, при отсутствии инициативы, внесенной субъектами права законодательной инициативы, указанными в статье 134 Конституции Российской Федерации, то есть при отсутствии надобности в созыве Конституционного собрания, созыв которого носит по своей сути специальный характер, как считает комитет, входит в противоречие со смыслом статьи 135 Конституции Российской Федерации, устанавливающей гарантии неизменности действия демократических институтов Российской Федерации в виде дополнительных усложненных процедур пересмотра глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации». В дальнейшем Государственная Дума также придерживалась данной позиции. В декабре 2015 г. депутат Государственной Думы Д. Ф. Вяткин прямо указал, что принятие данного федерального конституционного закона в ближайшее время «нецелесообразно и даже вредно».

Безусловно, возникает вопрос: действительно ли ст. 135 Конституции РФ подразумевает, что принятие такого федерального конституционного закона допустимо лишь в случае, если Федеральное собрание примет решение о созыве Конституционного собрания? Единственное легальное толкование данной статьи Конституции РФ может дать только Конституционный Суд РФ, однако такой вопрос он еще не рассматривал. Следовательно, позицию, изложенную большинством депутатов Государственной Думы, можно считать не более чем субъективной доктринальной точкой зрения, не имеющей своего выражения в российских источниках права.

Нельзя сказать, что позиция законодателя в этом вопросе в корне неправильна. Напротив, позиция государства обусловлена прежде всего стремлением сохранить стабильность Конституции РФ и всего конституционного строя страны. Однако нашим законодателям необходимо понять два факта.

Во-первых, принятие ФКЗ «О Конституционном собрании» никоим образом не нарушает стабильность конституционного строя государства. Безусловно, возникает определенный механизм, позволяющий начать данный процесс. Однако сам по себе механизм, сложность его «запуска» уже являются рычагом, способным обеспечить стабильность конституционного строя.

Во-вторых, в случае если решение о пересмотре будет принято, это будет означать еще один важный факт: в обществе начались кардинальные изменения и дальнейшее существование государства в том виде, в каком оно существует сейчас, поставлено под вопрос. В этих условиях будет сложно говорить о взвешенности в принятии столь важного федерального конституционного закона. Ошибки же чреватые опасными последствиями для общества и государства.

Поэтому законодателю нецелесообразно считать принятие ФКЗ «О Конституционном собрании» попыткой дестабилизации государства. Риски есть всегда, однако рассмотрение законопроекта в стабильный период, с привлечением к разработке ученых и общественности поможет разработать закон, который будет гарантировать, что, если решение о созыве Конституционного собрания все же будет принято, оно не совершит ошибок и сможет принять правильное решение.

Вторая проблема касается определения Конституционного собрания. В юридической науке уже давно выработана точка зрения, согласно которой Конституционное собрание следует рассматривать как орган учредительной власти. Тем не менее даже сегодня ученые, пытаясь дать ему определение, не всегда используют термин «учредительный орган власти». Так, например, С. А. Авакьян характеризует Конституционное собрание как «учредительный орган государственной власти Российской Федерации, создание и деятельность которого нацелены на подтверждение неизменности действующей либо разработку новой Конституции, ее принятие или вынесение на референдум» [1, с. 325]. Несколько иное определение дает О. Е. Шишкина, называя Конституционное собрание представительным органом государственной власти [5, с. 8].

В то же время в проектах ФКЗ «О Конституционном собрании» мы находим формулировки, которые порой кардинально различаются. Так, один проект называет Конституционное собрание «временным действующим высшим законодательным органом государственной власти Российской Федерации», другой — «временным действующим представительным и законодательным органом Российской Федерации». Подобные формулировки не только не свидетельствуют о том, что Конституционное собрание должно являться именно учредительным органом, а дают основание рассматривать Конституционное собрание как некий «надпарламентский» орган государственной власти, каким, например, являлся Съезд народных депутатов России по отношению к Верховному совету [4, с. 291]. Любопытно и то, что именно Съезд народных депутатов России (а не Верховный совет, который по сути являлся российским парламентом) имел полномочия по принятию новой Конституции РФ.

Дискуссионным и одним из ключевых является вопрос о способе формирования Конституционного собрания. Отчасти эта проблема производна от предыдущей. Как видно из анализа подавляющего большинства законопроектов, они не предусматривают проведения выборов в Конституционное собрание, отдавая предпочтение формированию данного органа из представителей законодательной, исполнительной и судебной власти. Чем вызвано такое стремление законодателя отстранить народ от непосредственного формирова-

ния Конституционного собрания, сказать трудно. Однако упускается один важный нюанс: легитимность Конституционного собрания. Конечно, нельзя не согласиться с тем, что формирование Конституционного собрания путем простого включения в него представителей законодательной, исполнительной и судебной власти является наиболее простым, оперативным, менее ресурсозатратным способом, также повышающим гарантии профессионализма членов данного органа [2, с. 79–80]. Вместе с тем в случае формирования Конституционного собрания так, как предлагают большинство субъектов законотворческой инициативы, можно будет ставить под сомнение легитимность деятельности данного органа, а следовательно, и легитимность всех решений, которые будут вынесены Конституционным собранием.

ФКЗ «О Конституционном собрании» должен определять Конституционное собрание именно как учредительный орган власти. Данная характеристика будет не только отражать истинный характер Конституционного собрания, но и во многом способствовать дальнейшему изучению сущности учредительной власти.

Немаловажным аспектом должно стать формирование Конституционного собрания исключительно на основе прямых всеобщих выборов гражданами Российской Федерации. Да, данная концепция имеет много недостатков, которые были указаны выше, однако легитимность Конституционного собрания безусловно намного важнее. Конституционное собрание, конечно, можно собрать оперативно, при минимальных затратах и с учетом привлечения высококвалифицированных кадров. Однако все это будет бессмысленно, если оно будет нелегитимным. Известный правовед О. Е. Кутафин писал: «...народу принадлежит учредительная власть (...) для решения базовых, кардинальных вопросов (...) именно народ имеет право принимать конституцию и посредством ее учреждать те основы общественного и государственного устройства, которые народ для себя выбирает» [3, с. 87]. Именно народу надлежит принимать столь важное решение, как подтверждение неизменности Конституции или разработка новой. Осознание этой идеи пришло еще 1917 г., при принятии решения о формировании Учредительного собрания.

Список литературы

1. *Авакьян С. А.* Конституционное право России: Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. — Т. 1. — 864 с.

2. *Дерхо Д. С.* К вопросу об оптимальных путях нормативной регламентации созыва и деятельности Конституционного собрания // Проблемы права. — 2015. — № 6. — С. 76–84.

3. *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм. — М.: Норма, 2008. — 544 с.

4. *Чиркин В. Е.* Государствоведение: учебник. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрист, 2000. — 384 с.

5. *Шишкина О. Е.* Конституционное собрание Российской Федерации как орган учредительной власти: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — Екатеринбург, 2004. — 25 с.

УДК 347.1

Лугманов Радик Рашитович,
студент ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»,
Россия, Санкт-Петербург,
lugmanov-radik@rambler.ru

Принцип добросовестности как политико-правовой метод

Добросовестность в европейской цивилистической традиции воспринимается как принцип, под которым обычно понимается основополагающее начало, ключевая идея права, определяющая и выражающая его сущность [1], [4, с. 91]. Правовой принцип это объективное свойство права, закономерность общественного развития. Встречается мнение, что принцип права не возникает по воле законодателя или ученых, а лишь открывается ими. Как следствие, допустимо, что принцип может как закрепляться в законе, так и обнаруживаться в праве без непосредственного закрепления. С другой стороны, оба указанных утверждения могут не иметь никакого практического значения, если оборот не нуждается в искусственных изобретениях законодателя и ученых-юристов в целом либо в отдельных аспектах.

Стоит отметить, что понятие добросовестности получило довольно широкое распространение во многих европейских правопорядках (ст. 1104 ГК Франции), § 242 ГГУ, ст. 288 ГК Греции; ст. 1366 и 1375 ГК Италии; абз. 1 ст. 7 ГК Испании; абз. 1 ст. 2 ГК Швейцарии и т. д.), а также на постсоветском пространстве (Ст. 5, ст. 8 ГК Грузии, ст. 5, ст. 8 ГК Казахстана; ст. 2 ГК Белоруссии, ст. 1013 ГК Латвии,

ст. 138–139 ГК Эстонии и т. д.), что, однако, ни в коей мере заранее не предопределяет единообразие понимания добросовестности, его содержательного наполнения и регуляторного значения.

В общем эта идея находит подтверждение в результатах сравнительно-правового исследования «Good Faith in European Contract Law» под руководством С. Уиттакера и Р. Циммерманна [8]. Представители четырнадцати правовых порядков должны были решить предложенные кейсы так, как это сделали бы их национальные суды с точки зрения господствующей практики. Затем, полученные результаты сравнивались и давалась оценка. В итоге выяснилось, что в ряде случаев решения казусов в разных правовых порядках совпадают, однако их обоснование заметно отличается и далеко не всегда используется категория добросовестности, при этом схожие по механике своего действия институты используются как со ссылкой на добросовестность, так и без нее [6].

Очень яркими примерами в этом смысле являются Англия и Франция. Если первая до сих пор не признает широкий принцип добросовестности, то Франция, несмотря на положения кодекса о добросовестном исполнении договора, почти два столетия шла своим путем, игнорируя данные положения. С другой стороны, более молодой (по времени появления кодекса) германский правовой порядок имел близкий по содержанию § 242 ГГУ, который довольно быстро стал своего рода магнитом, притягивающим значительную часть инструментов, опосредующих то или иное вмешательство в правовую систему.

Если же посмотреть на отечественный правовой порядок, то даже беглое знакомство с ГК 1922, 1964 гг., а также ГК РФ до изменений 1 марта 2013 года показывает, что добросовестность (принцип) как руководящее начало гражданского права, отсутствовала в системе правового регулирования. Советскому и российскому гражданскому праву известна была добросовестность лишь в т.н. субъективном смысле, что означает состояние неосведомленности лица об определенных юридически значимых обстоятельствах. Но добросовестность в субъективном смысле – это никакой не принцип, а лишь исключение из нормального развития хозяйственных связей, когда бы по общему правилу поведение заинтересованного лица не должно было вызвать тот правовой эффект, на который была направлена его воля, но во имя, например, стабильности оборота в некоторых случаях правовой порядок допускает этот самый правовой эффект.

Для восприятия добросовестности в качестве принципа, справедливо было бы сначала поставить вопрос о его содержании. Однако, ни во времена написания работы И.Б. Новицкого [3] более 100 лет назад, ни после изменений в ГК РФ (п. 3 ст. 307 ГК РФ, ст. 434.1 ГК РФ) данная правовая категория не имела и не имеет сколько-нибудь ясного содержания. Более того, если одновременно учесть 1) традиционно

выделяемые в западной литературе функции добросовестности (дополняющую, корректирующую, конкретизирующую и ограничивающую), 2) доминирующий в советском праве (как и в значительной степени в современном российском праве) юридический позитивизм, который признает государство в качестве единственного источника действующего права, и который требует неукоснительного исполнения законов государственными органами, гражданами и иными лицами (принцип законности) 3) принятое в науке гражданского права деление добросовестности на объективную и субъективную, то возникает сильное подозрение, что появлением п. 3 ст. 1 ГК РФ, п. 1 и п. 5 ст. 10 ГК РФ, п. 3 ст. 307 ГК РФ, ст. 434.1 ГК РФ в действительности не раскрывался без того известный, но имплицитный принцип добросовестности, а лишь вводился в российский гражданский оборот. При этом мы признаем, что формула «знал или должен был знать» давно была известна отечественному частному праву, что само по себе, однако, совершенно не обязательно должно объясняться признанием в нашем правовом порядке принципа добросовестности (особенно в контексте понимания добросовестности в «эталонном» для сравнительного анализа германском правовом порядке).

В контексте изложенного естественным образом возникает вопрос о понимании добросовестности в объективном смысле [8, с. 30], чего, как мы утверждаем, прежде не было в российском правовом порядке.

Своего рода классическое для отечественного гражданского права понимание добросовестности в объективном смысле выражается в нахождении некоего стандарта поведения (внешнего мерил), который проявляется в честном поведении участников оборота, учитывающим права и законные интересы других лиц [8, с. 31]. При этом развитие зарубежного (особенно если говорить о Германии) понимания добросовестности и накопление соответствующего эмпирического материала длилось на протяжении всего XX века, что нельзя сказать про отечественную доктрину. В настоящее время можно выделить три точки зрения по поводу соотношения объективной и субъективной добросовестности: 1) самостоятельное значение двух указанных видов добросовестности, 2) отрицание субъективной добросовестности, 3) критика деления добросовестности на два вида [2, с. 78].

Представляется, однако, что такое понимание добросовестности отчасти удобное для отечественного проявления добросовестности (причем в субъективном смысле), не совсем точно подходит для эталонного понимания добросовестности в немецком праве, в котором говорить о некоем стандарте добросовестности (поведения) не совсем корректно, учитывая совершенно различные случаи обращения к данному принципу, которые соответствуют той или иной функциональной области его применения и которые даже внутри одной функциональной области могут разрешаться по новому (ситуативно)

в зависимости от множества привходящих в данном рассматриваемом случае обстоятельств.

Однако, принципы права, предполагающие определенный масштаб равной реакции за равное поведение, неизбежно нуждаются в значительной степени абстракции от всего частного и незначительно отличающегося. В противном случае, это будет уже не принцип, и даже не правовая норма, а скорее инструкция по применению с детальной казуистической регламентацией общественных отношений.

Главная наша претензия к выделению такой правовой категории как добросовестность в объективном смысле заключается в неспособности правовой науки выработать четкое и непротиворечивое определение, которое поможет раскрыть содержание данного правового явления. Довольно странно выбирать в качестве эталона поведения то, что не поддается определению и не имеет заранее понятное и предсказуемое содержания в виде тех самых образцов поведения, с которыми суд будет сличать конкретное поведение участников спора путем *ex-post* контроля. Более того, представляется, что любая попытка наполнить данное правовое явление конкретным содержанием обречена на провал, поскольку такое определение будет либо слишком узким по объему, либо слишком широким, объединяющим в себя несовместимые явления. Например, в одном из подобных определений добросовестность выражается через позицию лица, уважающего своего контрагента, осмотрительность лица, разумную осторожность, исправное выполнение своих обязанностей [5]. Такой взгляд на добросовестность явно узкий, а в чем-то даже бесполезный («исправное выполнение своих обязанностей»). Однако, в той же работе автор пытается дать определение добросовестности уже через признание воли другой стороны, необходимость соответствия поведенческих установок принципам справедливости и общеправовым ценностям. Такое понимание добросовестности становится слишком широким и противоречивым.

Если обратить внимание на развитие данного института в Германии, то можно заметить, что германская доктрина и практика давно перестала пытаться дать определение добросовестности (*True und Glauben*), наполнив ее одним единственным содержанием. Из принципа добросовестности произошло несколько доктрин, которые и стали конкретными регуляторами общественного поведения, но никак не сама добросовестность. Современное немецкое право знает много проявлений принципа добросовестности: *Verträge mit Schutzwirkung zugunsten für Dritter*, *Rechtsmißbrauch*, *venire contra factum proprium*, *nemo auditur turpitudinem suam allegans*, *Verwirkung*, *Verhältnismäßigkeit*, *culpa in contrahendo*, *Wegfall der Geschiftsgrundlage* [7]. Более того, на основании § 241 (II) и § 242 BGB германская доктрина и практика выводит вспомогательные обя-

зательства, которые довольно сложно причислить к некоторому эталону поведения. Вспомогательные обязательства – это требования вполне определенного поведения, которые вменяются судом ответчику ретроспективно всякий раз с учетом конкретных обстоятельств дела. Например, требования проявлять лояльность (*Leistungstreuepflicht*), требования по хранению (*Aufbewahrungspflicht*), обязанности по обслуживанию (*Erhaltungspflicht*), обязанность соблюдать осторожность (*Obhutspflicht*), обязанность по сотрудничеству (*Mitwirkungspflichten*), а также обязанность по разъяснению и информированию (*Aufklärungs- und Informationspflichten*).

В целом, представляется, что нет никакой субъективной или объективной добросовестности как принципа права. Добросовестность не норма права и не принцип. Она не имеет раз и навсегда данного содержания. Добросовестность – это ни больше ни меньше, а политико-правовой метод, приводящий в движение самые разнообразные доктрины и правила в случаях, когда признается невозможность следовать формальным требованиям закона или договора. В зависимости от конечной цели права, наука и практика может предлагать конкретные решения, которые будут дополнять, толковать или исправлять имеющееся регулирование по отношению к данной конкретной ситуации. В основе таких доктрин и правил будут лежать ценности, которые в данном случае представляются в качестве доминирующих, например, ценность обеспечения социальной равенства и справедливости, защита слабой стороны, стабильность оборота, экономическая эффективность и т. д. Каждая из данных ценностей будет требовать своих специфических правовых способов обеспечения. Соответственно, правила, генерируемые для достижения таких целей, будут со временем собирать группы казусов, решаемых единообразно, постепенно формируя позитивное право.

Список литературы

1. *Бокарева Е. А.* Принцип добросовестности в гражданском праве России // Научный форум: сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. — М., Изд. «МЦНО», 1970.

2. *Нам К. В.* Принцип добросовестности. Некоторые проблемы развития доктрины // Вестник гражданского права. — 2017. — № 6. Том 17.

3. *Новицкий И. Б.* Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. — 2006. — № 1.

4. *Общая теория государства и права: учебник/ под ред. С. Ю. Намумова, А. С. Мордовца, Т. В. Касаевой.* — Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2018.

5. *Скловский К. И.* Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // *Хозяйство и право.* — 2002. — № 9.
6. *Ширвиндт А. М.* Принцип добросовестности в Гражданском кодексе и сравнительной юриспруденции. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // *КонсультантПлюс.*
7. *Ergman, BGB, 12. Auflage. Schmidt, Otto, 2008.* — 7194 p.
8. *Whittaker S., Zimmermann R.* Good Faith in European Contract Law. Cambridge University press, 2000. — P. 720.

УДК 347.628.41

Гомонова Надежда Дмитриевна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
6976gnd@gmail.com

Гражданское партнерство (правовой аспект)

По предположениям ЛГБТ-сообщества, на территории России проживают приблизительно 214 тыс. однополых пар, совместно ведущих домашнее хозяйство [4]. Следовательно, возникает необходимость их юридической защиты. Генеральным директором российского международного информационного агентства «Россия сегодня» Д. К. Киселевым в 2019 г. было предложено изменить Гражданский кодекс РФ: «Внести такую категорию, как гражданский союз». Телеведущий пояснил, что «тем самым мы уберем все претензии ЛГБТ».

На опыте иностранных государств проанализируем социальный институт гражданского партнерства (союза), чтобы сделать вывод о перспективности его введения в России как способа обеспечения юридической защиты однополых пар.

Гражданское партнерство — легализованная в ряде государств форма семейного союза двух лиц для организации совместной жизни — заключается посредством регистрации в установленном законами этих государств порядке. Целями введения данной формы, как правило, являются обеспечение юридического признания однополых

пар и предоставление им прав, преимуществ и обязанностей, во многом аналогичных (а в некоторых случаях идентичных) супружеству.

Один из первых известных нам случаев узаконивания однополых отношений находим в древних критских законах, которыми регулировалось «сожителство мужчины с мужчиной» [4, с. 435]. Их мы можем назвать праформой гражданских партнерств. В современном понятии гражданские партнерства были впервые введены в Дании в 1986 г., а впоследствии и в других странах мира.

Несмотря на то что из гражданских партнерств вытекают разные права и обязанности в зависимости от государства, в котором они заключены, можно выделить общие условия для вступления в них: гражданское партнерство вправе заключить совершеннолетние, дееспособные лица, не состоящие в прямом родстве, не состоящие в другом зарегистрированном партнерстве или браке, являющиеся гражданами государства, узаконившего такие партнерства, и проживающие на территории этого государства.

Партнерства не всегда обусловлены сексуальной ориентацией и гендером партнеров. Например, во Франции в рамках Гражданского договора солидарности (PACS) и однополые, и разнополые пары имеют право вступить в гражданское партнерство. PACS дает таким парам почти те же права, что и женатым, но гражданское партнерство легче аннулировать. Похожие системы действуют в Нидерландах, Бельгии, Люксембурге, Андорре, Греции, Гибралтаре, Эстонии, на Мальте и Кипре.

Однако в других группах стран право заключения гражданского партнерства зависит от пола его участников: в Израиле союз без брака возможен только для гетеросексуалов, а в ряде государств (Дания, Германия, Ирландия) гражданское партнерство ввели исключительно для однополых пар [2].

Правовой статус партнера чаще всего отличается от правового статуса супруга. По этому признаку можно выделить три вида гражданских партнерств (союзов).

1. Номинальный союз: пары, состоящие в гражданском партнерстве, практически не имеют прав и обязанностей по отношению друг к другу. Союз носит символический характер. Так, закон от 1999 г. разрешил однополые официальные союзы на территории федеральной земли Гамбург («гамбургские браки»), однако от их регистрации никаких прав и обязанностей для пар не возникало.

2. Облегченный брак имеет ограничения в отношении некоторых прав. Например, в Швейцарии, Венгрии, Чехии, Германии партнерская пара в отличие от супружеской лишена права быть усыновителями, за исключением случаев усыновления одним партнером родного ребенка/детей другого партнера (Германия). Ограничения могут касаться иных прав, например права на смену фамилии при заключе-

нии партнерства (Швейцария, Венгрия), права на лечение бесплодия (Швейцария) [3].

В Бразилии пары, находящиеся в гражданском партнерстве, получают почти те же права, что и женатые, кроме права наследования [2].

А в рамках Гражданского договора солидарности (PACS) во Франции партнеры могут потерять право на семейное пособие и пособие по вдовству. Также, в отличие от супругов оба партнера владеют имуществом в раздельном режиме (за исключением случаев, когда иное указано в соглашении о заключении договора PACS). Отсутствует и процедура получения французского гражданства вследствие заключения PACS [5]. Особые условия существуют для приобретения родительских прав при рождении одним из партнеров ребенка: отец получает родительские права, только если признает их, до того как ребенку исполнится 1 год; по достижении ребенком этого возраста отцу могут быть предоставлены совместные с матерью родительские права при определенных условиях [6].

3. Фактический союз: отсутствие юридической разницы между партнерством и браком. Примерами служат ЮАР и страны, в которых гражданское партнерство стало подразумевать идентичные юридические права в вопросах налогов, пенсий и наследования, а с введением однополых браков регистрация новых гражданских партнерств была вовсе отменена (Дания, Германия, Ирландия) [2].

Таким образом, юридическая форма гражданских партнерств (союзов) разнообразна и в значительной степени условна: она может подразумевать как ограниченное в сравнении с браком количество прав, так и их полный спектр. Фактически являясь контрактом, гражданский союз заключается между двумя физическими лицами с целью организации их совместной жизни и обеспечивает минимальную юридическую безопасность, находясь между простым сожительством и браком.

Применимы ли гражданские союзы в сфере российского права? Как подчеркнул Конституционный Суд РФ, «и Конституция Российской Федерации, и международные правовые нормы исходят из того, что одно из предназначений семьи — рождение и воспитание детей» (определение Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 496-О). В связи с этим большинство вытекающих из российского брака прав и обязанностей относятся к защите детства, материнства и отцовства. Однако в иностранных государствах однополые пары с помощью гражданских партнерств в первую очередь отстаивают права в вопросах налогов, пенсий, наследования, трудовых прав, права посещения своего партнера в медицинском учреждении. В российском законодательстве не предусмотрены подобные нормы, регулирующие семейную жизнь, поэтому данные союзы будут лишь номинальными и не смогут гарантировать права однополым парам, однако как способ регистрации отношений помогут избежать бурных дебатов, свя-

занных с традиционной трактовкой понятия «брак». Однополые пары также получают юридическое признание от государства.

Список литературы

1. *Аристотель*. Соч.: в 4 т. / пер. с древнегреч.; общая ред. А. И. Доватура. — М.: Мысль, 1983. — Т. 4. — 830 с.
2. Брак или партнерство? У британцев будет больше выбора // BBC: сайт. — 2018. — URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45724508> (дата обращения: 21.02.2019).
3. *Максимович Л. Б.* Однополое партнерство // Большая российская энциклопедия: сайт. — 2018. — URL: <https://bigenc.ru/law/text/3476046> (дата обращения: 12.01.2019).
4. Социологи подсчитали однополые пары // Газета.ру: сайт. — 2015. — URL: <https://www.gazeta.ru/social/2015/04/24/6654269.shtml> (дата обращения: 12.02.2019).
5. Effets d'un Pacs // Service-Public.fr: сайт. — 2019. — URL: <https://www.service-public.fr/particuliers/vosdroits/F1026> (дата обращения: 11.01.2019).
6. Mariage, Pacs ou concubinage (union libre): quelles différences? // Service-Public.fr: сайт. — 2019. — URL: <https://www.service-public.fr/particuliers/vosdroits/F1026> (дата обращения: 10.01.2019).

УДК 347.7

Журавский Дмитрий Анатольевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
61sukirtimid@gmail.com

К вопросу об открытом доступе в научных знаниях

Несмотря на свое закрепление уже в XVIII в., авторское право можно считать относительно молодым институтом как права интеллектуальной собственности, так и гражданского права в целом. В наше время продолжают споры по поводу целесообразности его суще-

---

© Журавский Д. А., 2019.

ствования в сфере имущественных прав при относительно полном признании прав личных неимущественных. Особенно остро обстоят дела по данному вопросу в сфере науки. Подтверждением тому служит усиление распространения такого явления, как научное пиратство. По всему миру появляются пиратские партии, выступающие за реформирование законодательства в сфере интеллектуальной собственности, а в некоторых случаях — за отмену копирайта в полном объеме. Есть примеры действий отдельных личностей, таких как Аарон Шварц, которому в июле 2011 г. в США были предъявлены обвинения в подключении к компьютерной сети MIT и последующем скачивании с сервера некоммерческой организации JSTOR 4,8 млн статей. JSTOR является владельцем одной из крупнейших баз научных материалов. Доступ к большинству из них возможен только организациям, которые оформили дорогостоящую подписку. По версии обвинения, Интернет-активист собирался выложить статьи на файлообменники, часть из которых доступна только по платной подписке. Позже Аарон Шварц совершил самоубийство. Также появляются различные устойчивые системы научного пиратства — Интернет-ресурсы, предоставляющие бесплатный доступ к научным статьям в закрытых журналах. Одним из таких Интернет-ресурсов является Sci-Hub, созданный казахстанским ученым и программистом Александрой Элбакян. История Александры Элбакян и ее взаимодействия с авторским правом довольно типична: будучи еще студенткой, при написании диплома в университете она столкнулась с необходимостью знакомства с научными работами и статьями, которые можно получить только по платной подписке. Так она стала участником научных форумов в сети «Интернет», которые помогали участникам скачивать научные статьи без оплаты. Впоследствии Александра Элбакян создала автоматизированный ресурс Sci-Hub. На сайте Sci-Hub указано, что их движение борется с неравенством в доступе к знаниям во всем мире, его участники утверждают, что научные знания должны быть доступны каждому человеку независимо от его дохода, социального положения, географического положения и т. д. Также там говорится о необходимости отмены права интеллектуальной собственности или законов об авторских правах, ограничивающих доступ к научным и образовательным ресурсам. О неравенстве в доступе к научным знаниям говорит и Наталья Трищенко в работе «Открытый доступ к науке». Проблема информационного неравенства проявляется как на уровне государства, так и на примере каждого отдельного человека. Но если в Европе и США речь идет о невозможности сделать карьеру, то в развивающихся странах отсутствие доступа к научной и культурной информации ограничивает способность всего общества развиваться, добиваться научно-технических прорывов и внедрять инновации, которые зачастую необходимы вовсе не для реализации национальных амбиций, а для выживания населения [7, с. 11].

Кто же закрывает науку для общества? Как полагает Елена Салицкая, будет ошибкой сказать, что вершиной труда ученого является научное открытие [3]. Противники открытого доступа к научным знаниям чаще всего приводят следующий аргумент: если кто-то потратил огромное количество времени, денег и сил на исследование, то почему это должно быть в свободном доступе? Это же труд автора. Он тратил свое время, свой талант на создание конечного продукта и вправе решать, будет он бесплатным или нет. Федеральный прокурор США по делу Аарона Шварца Кармен Ортис заявляла, что воровство есть воровство и не важно, использован при этом компьютер или лом, украдены документы, данные или доллары.

Неужели многие ученые в погоне за прибылью, роялти, готовы идти на социальную несправедливость в отношении доступа к своим научным произведениям в ущерб интересам научного сообщества и прогресса в целом? Представляется, что нет. Есть вполне обоснованное мнение, свидетельствующее, что авторам научных произведений очень важна и нужна обратная связь с аудиторией, возможность ознакомить людей со своим научным трудом, в то время как истинными монополистами в сфере научных знаний в мире являются крупные научные бизнес-издательства. Такие издательства, как «Elsevier», «Springer» и «Wiley-Blackwell», которые поглотили многих конкурентов, публикуют более 40% от общего числа научных статей. Например, средняя стоимость чтения каждой статьи через Интернет-сервисы «Elsevier» при отсутствии подписки составляет чуть более 30 долл. вне зависимости от года издания. Библиотеки теперь тоже под бременем таких астрономических цен. Например, средняя стоимость годовой подписки на журнал по химии составляет 3 792 долл. Некоторые журналы стоят более 10–20 тыс. долл. в год. При этом авторы научных статей, как правило, не получают достойного вознаграждения за свои труды — стимулами для них являются престиж и возможность получения выгодных грантов в дальнейшем.»Times higher education» пишет что, прибыль крупнейшего в мире научного издательства «Elsevier» в 2017 г. оценивается более чем в 1 млрд евро (913 млн фунтов), рентабельность «Elsevier» составила 36%. По сравнению с 2016 г. прибыль выросла на 68 млн фунтов. С каждым годом прибыль издательств продолжает расти. Издательства, в свою очередь, утверждают, что они вынуждены устанавливать такие цены для покрытия затрат на печать и распространение и что их вклад в конечный продукт значителен (по словам «Springer»), поскольку они «разрабатывают бренды журналов и развивают цифровую инфраструктуру, которая произвела революцию в обмене научными результатами за последние 15 лет». Джордж Монбио опровергает это, говоря, что если бы их операции действительно были такими сложными, дорогостоящими и ценными, как они утверждают, рентабельность 40% была бы нереальна [2]. Проблема за-

ключается в том, что сами ученые стремятся публиковаться в лучших журналах с лучшим импакт-фактором, таким образом популяризируя и продвигая издателей-монополистов, поддерживая действующую модель публикаций в сфере науки. Более того, университеты вынуждены покупать продукцию издателей-монополистов. Научные статьи публикуются только в одном месте, и научные сотрудники университета обязаны знать эти статьи, чтобы следить за развитием исследований. Таким образом, издательства-монополисты выступают дорогостоящими посредниками между учеными и миром. В таких условиях возникает вопрос: как познакомиться с научными достижениями? Альтернативой стало движение за открытый доступ к научным знаниям.

Научное пиратство представляет собой радикальный и незаконный метод. Александра Элбакян и Sci-Hub уже подвергались судебному преследованию, в связи с чем пиратский ресурс был заблокирован на территории США. Таким образом, в сложившейся системе законодательства научное пиратство представляется уязвимым и нежизнеспособным. Александра Элбакян, являясь отличным программистом, слабо обосновывает свою позицию с точки зрения права и морали. Более разумным и перспективным представляется движение открытого доступа к научным знаниям. В 2001 г. в Будапеште была принята Будапештская инициатива открытого доступа, положившая начало этому движению. Под открытым доступом инициатива подразумевает свободный доступ к научной информации через публичный Интернет и право каждого пользователя искать и делать ссылки на полнотекстовые статьи, читать, загружать, копировать, распространять, распечатывать, проводить поиск роботами-индексаторами, вводить их как данные в программное обеспечение или использовать для других законных целей при отсутствии финансовых, правовых и технических преград, за исключением тех, которые регулируют доступ к собственно Интернету [1]. Единственным ограничением на воспроизводство и распространение и единственным условием копирайта в этой области должно быть право автора контролировать целостность своей работы и обязательные ссылки на его имя при использовании работы и ее цитировании. Инициатива указывает на совмещение старой традиции и новой технологии, где старой традицией является «готовность ученых и исследователей безвозмездно публиковать плоды своих трудов в научных изданиях для получения и распространения новых знаний». Новой технологией становится Интернет. Модель открытого доступа проста: есть выход в Интернет — есть доступ. Инициатива предлагает осуществлять через Интернет свободный доступ к литературе, которую ученые предоставляют обществу без требования финансового вознаграждения. Для реализации открытого доступа инициатива предусматривает два пути: создание открытых архивов и создание альтернативных (открытых) научных журналов. Создание

архивов также называют зеленым типом открытого доступа. Зеленый тип предполагает сохранение старой модели публикации через научный журнал с параллельным размещением статьи в репозитории, чем и является архив. Такой способ сталкивается с одной главной сложностью: издатели ограничивают одновременную публикацию статьи в открытом доступе. Таким образом, зеленый тип менее привлекателен для открытого доступа, чем золотой.

Золотой тип предполагает, что автор сразу публикует свой материал в открытом научном журнале. Но и здесь есть минус: в некоторых журналах автор сам оплачивает публикацию своей работы. Именно оплата публикации до сих пор вызывает множество споров. В качестве минуса также указывается, что в ряде случаев открытые журналы представляют низкое качество научных знаний, поскольку такие журналы не рецензируются. Однако Д. А. Семячкин утверждает, что журналам открытого доступа приходится тщательнее подходить к качеству публикуемых работ ввиду гораздо большей потенциальной аудитории, которой надо доказывать свою состоятельность [4, с. 83]. Тем не менее открытые журналы в ряде случаев несколько отходят от провозглашенного будапештской инициативой принципа полной свободы и могут взимать плату за дополнительный сервис, а также устанавливать тип открытой лицензии, который, например, дает возможность прочтения научной статьи без ее дальнейшего использования в своей научной деятельности.

Таким образом, журналы открытого доступа далеко не совершенны, имеют некоторые минусы и отходят от провозглашенных принципов. Но даже в такой форме открытый доступ дает свои плоды. Д. А. Семячкин указывает, что открытый доступ повышает видимость публикации и увеличивает ее аудиторию. Это не только способствует росту числа читателей издания, но и привлекает новых авторов, поиск которых проблематичен для большинства журналов [5, с. 46]. Н. Д. Трищенко указывает на увеличение цитируемости, что повышает престиж как автора, так и самого журнала. Ученые могут обмениваться научными знаниями, существенно ускоряя научный прогресс. Д. А. Семячкин полагает, что открытость в перспективе позволит государству повысить прозрачность науки и как следствие сократить нерациональные затраты на нее. Станет возможным уйти с одной стороны от финансирования дублирующих исследований, с другой — от двойных затрат: сначала непосредственно на проведение исследования, а затем на доступ к его результатам [6, с. 89]. Несмотря на перспективы, которые может дать открытый доступ, менять старую модель, находить баланс в этом вопросе оказалось весьма непросто.

В России ситуация с продвижением открытого доступа к научным знаниям неоднозначна. С одной стороны, государство не поддерживает открытый доступ. Например, в приказе Минобрнауки РФ для

включения рецензируемых научных изданий в Перечень ВАК никак не регламентируется обязанность издания размещать в Интернете полные тексты научных статей и не определяется право использования (лицензия), форма и способ их размещения. Последний глобальный национальный проект «Наука» также не содержит никаких перспектив развития открытого научного доступа. В отличие от Евросоюза, который в мае 2016 г. принял решение о том, что к 2020 г. результаты всех научных исследований, проведенных за счет государства, должны быть опубликованы в открытом доступе. С другой стороны, существует пример частной инициативы. Прежде всего, это Дмитрий Семячкин, Михаил Сергеев и Евгений Кисляк — создатели открытого архива «КиберЛенинка», который входит в пятерку открытых архивов мира (по данным Webometrics) и является крупнейшим легальным научно-образовательным ресурсом рунета. Архив «КиберЛенинка» заключил договор с Институтом научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН). Начиная с февраля этого года ИНИОН будет размещать свои журналы в открытом доступе по открытой лицензии. Согласно договору, подписанному 22 февраля 2019 г., актуальные и архивные материалы 31 научного журнала, серийных и продолжающихся изданий Института будут размещены в открытом доступе в течение 60 дней. Это важнейший шаг в движении открытого доступа для России, хотя темпы развития открытого доступа оставляют желать лучшего.

Преимущества открытого доступа очевидны. Далее выбор за мировым сообществом. Государствам необходимо прислушаться к сторонникам открытого доступа и реформировать положения авторского права, дабы сделать научные знания более открытыми и доступными на внеэкономической основе. В противном случае дальнейшее развитие ограничений в доступе к результатам научных исследований послужит сдерживанию прогресса, ущемлению прав целых сообществ на доступ к результатам научно-технической революции, распространению научного пиратства и правового нигилизма в сфере науки.

Список литературы

1. Будапештская инициатива открытого доступа (англ. The Budapest Open Access Initiative, BOAI) // URL: <https://www.budapestopenaccessinitiative.org/translations/russian-translation> (дата обращения: 20.02.2019).

2. Монбио Дж. Помещики в науке: Как научные издания получили феодальные права? // URL: http://scepsis.net/library/id_3110.html (дата обращения: 20.02.2019).

3. Салицкая Е. А. Научное открытие как объект правовой охраны // URL: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/13140> (дата обращения: 20.02.2019).

4. Семячкин Д. А. Открытый доступ к науке: мифы и реальность // Университетская книга: информ.-аналит. ж-л. — 2014. — № 3. — С. 82–84.

5. Семячкин Д. А., Сергеев М. А., Кисляк Е. В. Открытый доступ как нативная реклама научного журнала // Университетская книга: информ.-аналит. ж-л. — 2016. — № 7. — С. 45–49.

6. Семячкин Д. А., Сергеев М. А., Кисляк Е. В. Возможные пути развития открытой науки в России // Научная периодика: проблемы и решения. — 2015. — № 2. — С. 89–94.

7. Трищенко Н. Д. Открытый доступ к науке: Анализ преимуществ и пути перехода к новой модели обмена знаниями / под ред. И. И. Засурского; Ассоциация Интернет-издателей. — М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. — С. 200.

УДК 342.6

Рыженков Иван Владимирович,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
egorsolovey@rambler.ru

Административно-правовой статус Федеральной службы судебных приставов России

В настоящее время механизм исполнительной деятельности государства служит предметом серьезных научных исследований [2]. Многие административные производства рассматриваются как исполнительные, а административный процесс — как исполнительный процесс. Принудительное исполнение выступает ключевой составляющей исполнительной деятельности и подвергается значительному реформированию. Качественная деятельность Федеральной службы судебных приставов (ФССП) России во многом определяет уровень правозаконности и привлекает к себе внимание общественности [1].

В административно-юрисдикционной деятельности ФССП России центральное место занимает исполнительное производство, призванное обеспечивать неукоснительное исполнение решений суда и

других юрисдикционных органов [1] и тем самым верховенство закона в правовом государстве.

Административно-правовая деятельность ФССП России характеризуется как служебная. В связи с этим особый интерес представляет правовой статус судебного пристава как государственного служащего и статус службы судебных приставов в целом. Конституция России предполагает четкое разграничение функций государственных органов по цели их деятельности. Однако федеральный закон о судебных приставах не включает специальную норму о цели службы. Полагаем, что это нормативное упущение следует ликвидировать. Согласно положениям федеральных законов о судебных приставах и об исполнительном производстве, судебные приставы должны защищать права и свободы граждан, законные интересы юридических лиц, обеспечивать безопасность, правопорядок, законность в установленной сфере деятельности [3]. Отметим, что такие задачи соответствуют задачам законодательства об административной ответственности и административного производства по делам об административных правонарушениях, которые установлены Кодексом РФ об административных правонарушениях.

Характеристика должности судебного пристава в системе государственной службы порождает дискуссии. У специалистов возникает стремление относить службу в ФССП к иным видам службы, поскольку на это указывает совокупность основных полномочий: обеспечение безопасности, законности и правопорядка, защита нарушенных прав и свобод человека, борьба с преступностью, силовое обеспечение установленного порядка деятельности судов и др.

Сравнительно недавно на ФССП России возложена функция по контролю над деятельностью коллекторских структур. Указанные полномочия рядом ученых относятся к полномочиям правоохранительных служб, хотя понятие «правоохранительная служба» не введено в законодательство. Все это указывает на выход за рамки полномочий и правового статуса федерального государственного гражданского служащего, которым ныне нормативно обладает судебный пристав.

Современный характер деятельности ФССП России свидетельствует о необходимости внесения изменений в нормативные акты, регулирующие правовой статус ФССП России и ее должностных лиц. В настоящее время интенсивно разрабатывается новая концепция государственной службы в органах принудительного исполнения. Так, обращает на себя внимание предложенный проект федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Вышеуказанным федеральным законом, призванным реформировать деятельность ФССП России, должны быть урегулированы

правоотношения, связанные с поступлением на службу в органы принудительного исполнения, ее прохождением и прекращением, а также с определением правового положения (статуса) сотрудника. Кроме того, в проекте закона определяется место службы в органах принудительного исполнения в системе государственной службы Российской Федерации и пр.

Таким образом, можно говорить о новом периоде реформирования системы принудительного исполнения в Российской Федерации путем изменения правового статуса судебного пристава и перестройки системы органов принудительного исполнения.

Список литературы

1. *Власова Ю. И.* Должность судебного пристава как элемент в системе государственной службы Российской Федерации // Вестник исполнительного производства. — 2016. — № 3. — С. 107–111.

2. *Новиков А. Б., Рагозина Н. А.* Исполнительная деятельность в конституционной концепции правового государства // Вопросы российского и международного права. — 2018. — Т.8, № 10А. — С. 84–89.

3. *Секаева Т. М.* Исполнительное производство как форма административной деятельности Федеральной службы судебных приставов // Форум молодых ученых. — 2019. — № 5. — С. 1127–1131.

УДК 342.9

Плющенко Анна Анатольевна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
a.plyushchenko@yandex.ru

Проблемы определения оснований административного иска

Право на судебную защиту прав и свобод каждого гражданина, в том числе путем судебного обжалования решений, действий (бездействия) органов государственной власти и их должностных лиц, гарантировано

Конституцией РФ. Согласно ст. 118 Конституции РФ, судебная власть в Российской Федерации осуществляется посредством гражданского, административного, конституционного и уголовного судопроизводства.

Административное судопроизводство предполагает рассмотрение и разрешение дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений. Его порядок установлен Кодексом административного судопроизводства РФ (далее: КАС РФ). Однако для обращения с административным иском требуется наличие определенных оснований, т. е. обстоятельств, влекущих за собой право требования административного истца [4, с. 128].

Основания административного иска делятся на:

а) фактические — юридические факты, на которых административный истец основывает свои требования;

б) правовые — правовые нормы, обосновывающие требования истца.

Эти два элемента-основания неразрывно связаны. Так, конкретные жизненные обстоятельства трансформируются в юридические факты только в случае, если именно с ними правовая норма связывает возникновение, изменение или прекращение спорного права или законного интереса. [3, с. 127–128].

Фактические основания иска, свидетельствующие о нарушении права или угрозе его нарушения, обосновывают административный иск, исходя из необходимости предоставления защиты нарушенному или оспариваемому субъективному публичному праву субъекта спорного материального правоотношения.

Рассматривая фактические основания административного иска, можно выделить три основные группы таких фактов, предложенные А. Б. Зеленцовым.

Во-первых, это правопродуцирующие факты, которые определяют источник возникновения субъективных прав и обязанностей стороны, свидетельствуют о наличии у истца субъективного права, для защиты которого он обращается в суд.

Во-вторых, это факты легитимации — факты, свидетельствующие о надлежащем характере сторон, определяющие субъекта спорного правоотношения как истца.

В-третьих, это факты, являющиеся непосредственным поводом к иску. Повод выступает основной причиной предъявления иска и представляет собой предшествующее предъявлению иска событие. В качестве повода следует рассматривать непосредственно факт действительного или предполагаемого нарушения субъективных прав и законных интересов одной стороны действиями (бездействием) или решениями другой стороны административного правоотношения.

Правовой элемент административного иска состоит из норм материального права, предусматривающих условия возникновения, из-

менения или прекращения нарушенного (оспоренного) права или законного интереса, а также способы его защиты [1, с. 438].

Отсутствие указаний на правовое основание административного иска создает угрозу отказа при принятии искового заявления. Обязательным условием является нарушение или затрагивание прав, свобод и законных интересов заявителя оспариваемым нормативным правовым актом, обжалуемым решением, действием (бездействием). Это следует из смысла п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ, согласно которому при отсутствии такого нарушения или затрагивания прав суд отказывает в принятии административного искового заявления.

С одной стороны, п. 3 ч. 1 ст. 128 КАС РФ конкретизирует положения ст. 46 Конституции РФ и указывает на обеспечение судебной защиты лицу только в случае, если его права и свободы были нарушены или имеется реальная угроза их нарушения. Данное положение подтверждается разъяснением Конституционного Суда РФ в определении от 28 января 2016 г. № 109-О.

С другой стороны, рассматриваемое основание отказа в принятии административного иска несет в себе значительный конфликтный заряд в связи с тем, что заявители и судьи по-разному трактуют затрагивание или нарушение прав, свобод и законных интересов. Даже суды различных инстанций рассматривают одни и те же обстоятельства по-разному.

Например, Т. обратился в суд с административным иском с заявлением, в котором просил признать незаконными действия (бездействие) органов прокуратуры по рассмотрению его обращения. Определением районного суда в принятии административного иска была отказано. Свою позицию суд обосновал тем, что, согласно ответу прокурора на обращение Т., по результатам прокурорской проверки нарушений законодательства выявлено не было, а потому оснований для применения мер прокурорского реагирования не имелось. По мнению судьи, ответ прокурора носил информационный характер и не содержал какого-либо властного волеизъявления, которое порождало бы правовые последствия. В связи с этим данный ответ не подлежал оспариванию в порядке гл. 22 КАС РФ.

С указанными выводами вышестоящий суд не согласился. Отменяя определение об отказе в принятии административного искового заявления, суд республики подчеркнул, что требования Т. сводились к ненадлежащему рассмотрению его обращения, а не к обжалованию ответа прокурора. Вопрос о том, затрагивались ли права Т. действиями (бездействием) прокуратуры, мог быть разрешен только в рамках рассмотрения административного дела с учетом объяснения сторон и исследования письменных доказательств (апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 4 декабря 2017 г. по делу № 33а-10151/2017).

В связи с изложенным обоснованно встает вопрос о пределах свободы усмотрения суда на стадии решения вопроса о принятии или об отказе в принятии административного иска. Отчасти данный вопрос неоднократно рассматривался Конституционным Судом РФ еще до принятия КАС РФ. Суть правовой позиции Конституционного Суда РФ сводилась к тому, что при оспаривании нормативного правового акта лицу, которое считает, что его права нарушены, нельзя отказывать в принятии искового заявления. Убежденность заявителя в нарушении его прав — это тот фактор, который в данном случае блокирует усмотрение суда, даже если очевидно, что права истца не затронуты и не нарушены.

В качестве примеров можно привести определения Конституционного Суда РФ от 24 января 2006 г. № 3-О, от 20 октября 2005 г. № 513-О и от 8 июля 2004 г. № 238-О.

Представляется, что обозначенная позиция Конституционного Суда РФ актуальна и в настоящее время, хотя следует отметить, что она не относится к случаям обжалования решений, действий (бездействия) органов власти и их должностных лиц. И это справедливо, поскольку суды не должны рассматривать весь массив беспредметных исковых заявлений [2, с. 33–35].

Таким образом, условие о нарушении или затрагивании прав, свобод и законных интересов истца служит необходимой предпосылкой, одним из главных оснований права на предъявление административного иска. Суды общей юрисдикции активно используют свое право на «отсеивание» тех административных исковых заявлений, из которых следует, что права заявителя не нарушены и не затронуты. Однако данное условие является оценочным, что приводит к неоднозначности его понимания и препятствует единообразию судебной практики. В связи с этим на данном этапе существует необходимость некоторой конкретизации рассматриваемого основания административного иска путем издания официальных разъяснений Верховного Суда РФ.

Список литературы

1. *Зеленцов А. Б., Ястребов О. А.* Судебное административное право: учебник / Рос. ун-т Дружбы народов; Юр. ин-т. — М.: Статут, 2017. — 766 с.
2. *Тарибо Е. В.* Нарушение и затрагивание прав и свобод как предпосылки права на административный иск // Судья. — 2017. — № 3. — С. 32–36.
3. *Тунина Н. А.* Административный иск как средство защиты нарушенного публичного права. — Калининград: Изд-во Балт. фед. ун-та, 2013. — 199 с.

4. *Фадеева И. В., Лахтина Т. А.* Административный иск как средство защиты публичных прав и разрешения административно-правового спора // Вестник экономической безопасности. — 2017. — № 2. — С. 126–129.

УДК 342.9

Кругликов Владимир Викторович,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
kruglikov89@bk.ru

К вопросу об обеспечении общественного порядка в Российской Федерации

На всем протяжении существования государства вопросы охраны общественного порядка всегда стояли на одном из первых мест. Обеспечение должного уровня и состояния общественного порядка — залог благоприятных условий для развития гражданского общества, состояния защищенности прав и интересов населения, а равно и экономического прогресса. Это основные причины, обуславливающие стремление любого государства к общественному порядку, в отсутствие которого социально-экономическое развитие и прогресс становятся невозможными.

Участие в охране общественного порядка принимают множество субъектов, обладающих как государственным, так и негосударственным статусом. Все эти субъекты в совокупности образуют систему охраны общественного порядка, системообразующим ядром которой выступают органы внутренних дел. Именно Министерство внутренних дел (МВД) России и входящие в его структуру органы внутренних дел (прежде всего, полиция) выступают основными субъектами охраны общественного порядка в Российской Федерации. В соответствии со ст. 1 федерального закона «О полиции» охрана общественного порядка наряду с другими элементами составляет назначение полиции.

Категория «общественный порядок» в российской правовой действительности применяется, как правило, для обозначения опреде-

ленной области социальных отношений, находящихся под государственно-правовой охраной, и конкретизации полномочий субъектов правоохранительной системы. Анализируемая дефиниция характеризуется широтой и многоплановостью. Тем не менее одной из традиционных проблем административно-правовой науки является отсутствие единого подхода к раскрытию категории «общественный порядок», ее предмета и составляющих элементов, что в серьезной степени усложняет механизм применения данного термина [2, с. 52].

По мнению К. С. Бельского, с политико-правовой точки зрения общественный порядок представляет собой общественную благоустроенность и организованность всех элементов общества, включает в себя все области отношений в социуме, регулируемых различными социальными нормами. Фундаментом общественного порядка автор признает правопорядок в обществе [1, с. 85]. Полагаем, что это конституционный правопорядок.

В свою очередь, А. С. Пивоваров отмечает, что общественный порядок как важнейшая составляющая правовой основы повседневной жизни людей включает в себя совокупность социальных отношений, формирующуюся и эволюционирующую в рамках взаимодействия ее субъектов, как правило, в общественных местах, и урегулированную юридическими и другими общественными нормативами, реализация которых обеспечивает личную и общественную безопасность людей, обстановку спокойствия, согласованности и ритмичности общественной жизни [2, с. 54]. Здесь актуальным представляется понимание категорий «общественное место» и «общественное мероприятие».

К настоящему времени в юридической науке сформировались два базовых подхода к пониманию общественного порядка. Ряд специалистов определяют данную категорию как детерминированную правовыми нормами и сложившимися в обществе традициями совокупность социальных отношений, имеющих место преимущественно в общественных местах, а равно отношений, складывающихся вне указанных мест, но по своему содержанию обеспечивающих охрану жизни, здоровья, общественное спокойствие, нормальные условия для деятельности предприятий, учреждений, организаций.

Другая распространенная точка зрения предлагает понимать общественный порядок как регулируемую юридическими и другими общественными правилами совокупность отношений в обществе, установление и охрана которых лежит в основе поддержания состояния общественного и личного спокойствия граждан, уважения их чести, достоинства и морально-нравственных устоев.

Наибольшие угрозы для общественной безопасности таят в себе именно групповые, внезапные, а в еще большей степени организованные формы нарушений общественного порядка. Угрозы такого рода

еще более возрастают в условиях проведения публичных и иных массовых мероприятий.

Эффективность функционирования системы государственных субъектов, обладающих компетенцией в области превенции и пресечения групповых нарушений общественного порядка и массовых беспорядков, прямо связана с потребностью в совершенствовании правовых и организационных основ соответствующих видов административной деятельности. Посягательства на общественный порядок, совершаемые группой лиц, и тем более массовые беспорядки всегда вызывают значительный резонанс в обществе.

Происшествия такого рода существенно нарушают права и свободы граждан, формируют значительные барьеры для нормального функционирования транспортной инфраструктуры, связи, и иных общественно значимых систем. Указанные характеристики групповых нарушений общественного порядка определяют обязанность субъектов системы охраны общественного порядка быстро и эффективно реагировать как на сами нарушения, так и на детерминирующие их обстоятельства.

Нарушения общественного порядка, совершаемые группой лиц, обусловлены в большинстве случаев хулиганскими мотивами. Как правило, такие ситуации усугубляются употреблением их участниками алкогольной продукции и наркотических средств, что значительно увеличивает степень их общественной опасности. Хулиганство — это всегда публичное действие, осуществляемое в присутствии окружающих, зачастую сопровождающееся насилием над людьми, актами вандализма и иными социально опасными проявлениями.

Сегодняшние реалии, к сожалению, требуют признать, что субъекты системы охраны общественного порядка, и в первую очередь полиция, далеко не во всех случаях дают эффективный ответ на такого рода дестабилизирующие факторы. Практика свидетельствует о том, что подразделения полиции нередко оказываются технически и организационно неподготовленными к предупреждению и пресечению групповых нарушений общественного порядка, когда требуется использование соответствующих тактических приемов и схем, а также специальных технических средств, адекватных имеющим место нарушениям общественного порядка.

Список литературы

1. *Бельский К. С.* Феноменология административного права. — Смоленск, 1995. — 144 с.

2. *Пивоваров А. С.* Дискуссионные подходы к определению понятия «общественный порядок» // Российская юстиция. — 2013. — № 3. — С. 52–54.

Золотарева Ефросиния Павловна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
frokatzol@mail.ru

Проблемы установления признаков организованной группы

Организованная группа является одной из самых сложных форм соучастия в преступлении. Такое преступное формирование отличается единым умыслом состоящих в ней лиц, направленным на совместное преодоление сложностей, возникающих при осуществлении преступных действий. Деятельность участников такой группы лиц необходимо рассматривать в совокупности, поскольку при данной форме соучастия необходим не только предварительный сговор на совершение преступления, но и распределение ролей.

Проблемы квалификации преступлений, совершенных в составе организованной группы, а соответственно, и установления признаков таких преступлений как нельзя актуальны, поскольку, по данным портала Правовой статистики России, только в 2018 г. в Российской Федерации было выявлено 9693 лица, являющихся участниками преступных сообществ и организованных групп, а в первой половине 2019 г. их количество достигло уже 5585 человек [2].

В соответствии с законодательством, действующим на территории Российской Федерации, организованная группа обладает следующими признаками:

- обязательное участие нескольких лиц;
- объединение соучастников до начала выполнения объективной стороны преступления;
- устойчивый характер группы;
- совершение одного или нескольких преступлений как целью преступного объединения.

Представляется, что наибольшую сложность при квалификации вызывает понятие «устойчивость». Постановления Пленумов Верховных Судов СССР и Российской Федерации определяли, что понятие «устойчивость» характеризуется предварительным планированием преступных деяний, совершаемых участниками формирования, подготовкой средств, используемых для реализации преступного умысла

группы, подбором и подготовкой всех ее участников, распределением между ними преступных ролей, продумыванием обеспечительных мер, направленных на сокрытие преступлений, подчиненностью организатору группы (согласно постановлению Пленума Верховного Суда СССР № 11 от 5 сентября 1986 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности»; с изм. от 30 ноября 1990 г.), а также постоянным составом участников, согласованностью действий, неизменностью форм и методов реализации преступных планов, длительным существованием объединения (согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 17 января 1997 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм»). Данные перечни критериев являются открытыми, и многие из указанных критериев присущи и другим формам соучастия.

Приговор Дзержинского районного суда Санкт-Петербурга по делу №1-8/2014 установил, что преступление было совершено Зайферт, Кириенко, Горакком и Глинским в составе организованной группы. Суд исходил из следующих признаков: стабильность и устойчивость преступной группы, которая выразилась в длительном временном промежутке ее существования; согласованность действий подсудимых, предварительное планирование преступного деяния; распределение ролей между соучастниками, каждый из которых, действуя во исполнение единой цели на хищение, четко исполнял отведенную ему роль; руководящая роль Зайферт, которая обладала безусловным для других подсудимых авторитетом в области знания законодательства, а также являлась лицом, обладающим в силу своей профессиональной деятельности определенными связями во властных структурах; установка на существование до достижения результата, т. е. длительность. Несмотря на то что группа была создана для реализации одного преступного замысла, преступление совершалось в течение длительного времени и требовало тщательной подготовки и планирования, четкого определения роли каждого участника.

В приведенном примере суд уделил особое внимание именно доказанности устойчивости организованной группы, поскольку преступление было совершено одно, а значит, этот признак остается единственным, отделяющим данную группу лиц от иного преступного формирования, которое выделяет законодатель: группы лиц по предварительному сговору.

Однако неким критерием устойчивости по своей сути обладает и группа лиц по предварительному сговору, которая объединилась с вполне устойчивой целью: совершение одного преступления [1, с. 6–7].

К тому же, по мнению ряда правоведов, в настоящей момент в судебной практике остаются нерешенными вопросы распределения ролей в группе лиц по предварительному сговору. Законодатель допускает возможность квалифицировать как организованную группу

объединение лиц для совершения одного преступления. Именно поэтому нельзя четко разграничить понятия «организованная группа» и «группа лиц по предварительному сговору».

В приведенном приговоре также уделяется внимание длительности времени, затраченного на подготовку преступления. Между тем данный признак не является обязательным для квалификации организованной группы, но влияет на возможность применения к ней признака устойчивости. Именно длительность существования организованной группы делает ее опасной, способной существовать в различных обстоятельствах, сохранять стабильность и внутреннее распределение ролей [3].

Согласно приговору Смольнинского районного суда по делу № 1-14/2019 в отношении Рудя, Попова, Кузнецовой и Богданова, организованная группа, созданная Рудем, существовала в период с 14. Декабря 2014 г. по 1 апреля 2016 г. На протяжении всего времени формирования характеризовалось сплоченностью, устойчивостью, единой целью, направленной на совершение тяжких корыстных преступлений, наличием организатора — Рудя, четким определением ролей участников группы, тщательным планированием нескольких преступлений, неизменностью метода их совершения.

В данном случае указанная организованная группа существовала в течение сравнительно недолгого времени. Согласно приговору суда, на ее счету, три эпизода мошенничества, совершенных группой лиц в особо крупном размере. При этом для совершения преступлений организатор не всегда задействовал одного исполнителя.

Таким образом, в судебной практике встречаются как случаи длительного существования организованной группы, созданной для исполнения одного преступного деяния, так и случаи, когда такое преступное формирование совершает преступления неоднократно, причем за относительно небольшой промежуток времени своего существования [4, с. 134].

Анализируя судебную практику и уголовный закон, можно прийти к выводу, что единого мнения относительно определения признаков организованной группы не существует. Есть лишь основные признаки, зачастую сходные с признаками группы лиц по предварительному сговору.

Поэтому, пока в законодательной формулировке «организованной группы» остается возможность считать таковой соучастников, совершивших одно преступление, неизбежна нечеткость границы между данными понятиями.

Список литературы

1. *Быков В.* Признаки организованной преступной группы // Законность. — 1998. — № 9. — С. 4–8.

2. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации // URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 07.10.2019).

3. *Нахаева Е. Р.* Понятие и признаки организованной группы // Научное сообщество студентов XXI столетия: Общественные науки: сб. ст. по мат. LIX междунар. студ. научн.-практ. конф. № 11(58). — <https://sibac.info/studconf/social/lix/87828> (дата обращения: 07.10.2019).

4. *Прозументов Л. М.* Организованная группа как форма соучастия в преступлении // Вестн. Томск. гос ун-та. — 2010. — № 338. — С. 132–135.

УДК 342.9

Гришин Андрей Евгеньевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
grishinandrey@yandex.ru

Государственное управление как «административный» и «исполнительный» процесс

Сегодня в науке нет единого определения государства, но большинство существующих мнений сходятся в том, что это особая организация, осуществляющая управление общественной жизнью. Любому обществу необходимо решение проблем, отражающих публичный интерес. По этой причине общество в социально-политическом механизме предоставляет государству совокупность властных полномочий по управлению публичными делами. Государственная власть — часть современной публичной власти.

Современное научное представление выражено в том, что государственное управление — это юридически властная деятельность всех органов публичной власти по осуществлению возложенных на них полномочий. Как указывает Б. В. Россинский, до недавнего времени в нашей стране государственное управление понималось как деятельность исполнительных и распорядительных органов. Теперь же оно рассматривается более широко, как совокупная деятельность всех ветвей власти и иных государственных органов. При этом управление как принятие управленческого решения и дальнейшее исполнение

© Гришин А. Е., 2019.

принятого решения требует от органов законодательной, исполнительной и судебной власти и других государственных органов постоянного оперативного воздействия на объекты управления [5, с. 11].

Таким образом, мы имеем дело с процессом повседневного регулирующего воздействия на общественные отношения, т. е. с управленческим процессом, который регламентируется нормами права и может быть назван юридическим процессом. Используя определение соотношения понятий юридического процесса и связанного с ним процессуального права, данное Е. Г. Лукьяновой, мы видим, что этот юридический процесс имеет свои разновидности (например, законодательный или судебный) [3, с. 41–42]. И они, в свою очередь, регулируются соответствующими отраслями права, в том числе процессуальными. Обратим внимание на такие соответствия:

- конституционное право — конституционный процесс;
- бюджетное право — бюджетный процесс;
- административное право — административный процесс и др.

Соответственно, можно говорить об административном процессе как о самостоятельном (обособленном) юридическом процессе в сфере современного государственного управления. Особо следует подчеркнуть, что этот процесс регулируется нормами административного права.

Такой административный процесс демонстрирует совокупность нормативно определенных административных операций уполномоченных органов и должностных лиц государственного управления (причисленных не только к исполнительной власти) по осуществлению возложенных на них исполнительно-распорядительных функций. Иными словами, административный процесс — это правовое обеспечение управленческой деятельности.

В. Д. Сорокин определяет административный процесс «как деятельность, в ходе осуществления которой возникают общественные отношения, регулируемые нормами административно-процессуального права» [6, с. 128–129].

В то же время административный процесс являет «урегулированную процессуальными нормами деятельность исполнительных органов (должностных лиц) по рассмотрению и разрешению различного рода индивидуальных административных дел, возникающих в сфере государственного управления, в порядке реализации задач и функций исполнительной власти» [1, с. 385–386].

Сегодня в российской науке существуют три основные концепции административного процесса: юрисдикционная, управленческая и интегративная.

«Юрисдикционная» концепция ограничивает административный процесс небольшой частью правоприменения: рассмотрением административных споров и применением мер принуждения.

Помимо отношений по осуществлению принуждения управленческая концепция включает в административный процесс отношения так называемого положительного управленческого характера.

Исследуя административный процесс в такой сфере государственного управления, как таможенное регулирование, А. Б. Новиков указывает на две формы государственной управленческой деятельности в административном процессе: позитивную (государственное содействие) и негативную (государственное принуждение). При этом административный процесс как управленческий юридический процесс включает в себя административные производства юрисдикционного и неюрисдикционного типа [4, с. 12–13].

Думается, что широкое понимание административного процесса с позиции управленческой концепции корреспондирует современным позициям законодательной и нормотворческой концепций [2, с. 281].

В свете интегративного подхода административный процесс — это не только деятельность органов публичной администрации по разрешению подведомственных административных дел, но и административное правосудие (судебный административный процесс).

В этой связи конституционная норма о правосудии, выраженном административным судопроизводством, подлежит исполнению не в административном, а в судебном процессе (судопроизводстве).

Как видим, такое понимание административного процесса охватывает правотворческую, правоприменительную, правонаделительную и юрисдикционную деятельность государственных органов.

Таким образом, об административном процессе можно говорить как о сумме производств.

Далее стоит рассмотреть исполнительный процесс как разновидность административного процесса.

В узком понимании исполнительный процесс осмысливается лишь как деятельность уполномоченного органа принудительного исполнения. Но исполнительный процесс как инновационная правовая категория имеет более объемное содержание.

Исполнительный процесс, опосредующий исполнительную деятельность государства (и вообще публичной власти), в новейших административно-правовых исследованиях воспринимается как конституционный синоним административного процесса.

В широком смысле исполнительный процесс — нормативно урегулированная деятельность государственных органов, ориентированная на разрешение исполнительных (административных) дел. Указанный процесс не становится в ряд судебных процессов (гражданского или уголовного).

Таким образом, исполнительный процесс является продолжением и составной частью юридических процессов государственного управления, администрированием конституционных задач и функций.

Список литературы

1. Административное право: учебник / под ред. Ю. М. Козлова, Л. Л. Попова. — М.: Юристъ, 2001.— 726 с.
2. Кузнецов А. Н., Маренков А. А. Административный процесс. — Саратов: Вузовское образование, 2015. — Ч. 1: избр. лекции / под ред. Г. В. Алексеева. — 499 с.
3. Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. — М., 2003. — 240 с.
4. Новиков А. Б. Административный процесс в механизме таможенного регулирования Российской Федерации и таможенного союза Евразийского экономического сообщества: дис. <...> д-ра юр. наук. — СПб., 2011. — 511 с.
5. Россинский Б. В. Исполнительная власть как субъект государственного управления // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. ст. по мат. X юбилейной междунар. научн.-практ. конф. (Сорокинские чтения), 22 марта 2019 г. / под общей ред. А. И. Каплунова. — СПб.: СПб ун-т МВД России, 2019. — С. 11–15.
6. Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право. — М., 1972. — 240 с.

УДК 321

Ленюский Андрей Александрович,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
ruver001@rambler.ru

Некоторые проблемы формирования единообразной судебной практики через призму деятельности Пленума Верховного Суда РФ

Несмотря на то что постановления Пленума Верховного Суда РФ призваны унифицировать процесс правоприменения, в некоторых

случаях принятие того или иного постановления может привести к совершенно противоположному результату: сформировать в рамках одной правовой системы противоречивую судебную практику [1, с. 3]. Наибольшую актуальность такая проблема может получить в тех ситуациях, когда Верховный Суд РФ переосмысливает те или иные уже выработанные вопросы квалификации и «меняет ориентиры» нижестоящих судов, призывая к смене подходов и как следствие к установлению различного правового положения осужденных лиц. Но что делать с многолетней практикой, которая осуществлялась по старым правилам?

Примечательно, что ГПК РФ предусматривает подобное и в п. 5 ч. 4 ст. 392, которая посвящена основаниям для пересмотра судебных постановлений в связи с новыми или вновь открывшимися обстоятельствами, указывает, что новыми обстоятельствами (помимо прочего) следует считать изменение практики применения правовой нормы в постановлении Пленума Верховного Суда РФ. УПК РФ, в свою очередь, подобное положение не содержит. Можно предположить, что законодатель умышленно пошел на такой шаг, а значит, данная норма в современной системе уголовно-правовых отношений не нужна [2, с. 14]. Однако современная практика применения уголовного закона доказывает обратное. Попробуем обосновать актуальность заявленной проблемы с помощью некоторых примеров. При этом необходимо отметить, что в данной работе не ставится цель разработать конечную редакцию нормы об изменении приговора в связи с изменением практики применения закона Верховным Судом РФ. Статья призвана рассмотреть влияние изменений правовых позиций Верховного суда РФ на судебную практику и разрешить вопрос о необходимости реформирования уголовного законодательства.

Ярким примером внесения неопределенности в практику правоприменения служит постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24. Согласно абз. 2 п. 10 постановления, передачу или получение взятки следует считать оконченными как действия для квалификации состава преступления в соответствующем размере с момента передачи (получения) хотя бы части взятки даже в случаях, когда такая часть самостоятельно не образует соответствующего размера, охватываемого умыслом виновного.

Несмотря на спорность, данная рекомендация была воспринята судами разных уровней, которые были вынуждены выносить соответствующие приговоры. Так, приговором Центрального районного суда г. Барнаула № 1-150/2018 1-4/2019 от 30 января 2019 г. по делу № 1-150/2018 Шматов В. Н. признан виновным в получении взятки в особо крупном размере, несмотря на то что получил только половину обговоренной суммы (отдельно не образующей особо крупный размер).

До вышеуказанных изменений практика определения размера взятки согласовывалась с общей теорией, и в случае, когда после передачи части единой взятки преступление прерывалось на передаче оставшихся частей, действия виновного подлежали квалификации как покушение на дачу/получение взятки в соответствующем размере.

Так, например, С. договорился с Назаренко П. П. о передаче последнему взятки двумя равными частями за допуск к защите диплома. После передачи первой части взятки он обратился в правоохранительные органы, и передача второй части осуществлялась уже в рамках ОРМ. Кировский районный суд г. Самары в приговоре № 1-42/2013 от 28 июня 2013 г. по делу № 1-42/2013 в отношении Назаренко П. П. отметил, что, поскольку вторая часть взятки была передана в рамках ОРМ, действия виновного надлежит квалифицировать как покушение на получение взятки в значительном размере. Данный приговор был вынесен 28 июня 2013 г., за 11 дней до принятия вышеуказанным постановлением нового подхода. Тем, кто совершил подобные деяния после указанной даты, «повезло меньше». Шматов В. Н. и множество других лиц не могли рассчитывать, в частности, на применение ст. 66 УК РФ.

Ситуация с изменчивостью правовых позиций Верховного Суда РФ еще более усложняется, когда принимаются разъяснения, в соответствии с которыми улучшается положение лиц, совершивших преступление. При этом уголовное законодательство не содержит каких-либо специальных норм, посвященных этому вопросу, и регулирование осуществляется точно таким же образом, как и при ухудшении правового положения лиц.

В п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 июля 1997 г. № 8 указывалось, что, если виновный осуществляет незаконную предпринимательскую деятельность и уклоняется от уплаты налогов, его деяние необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 171 (незаконное предпринимательство) и ст. 198 УК РФ (уклонение от уплаты налогов), поскольку налогообложению подлежат доходы в связи с осуществлением любых видов предпринимательской деятельности (видимо, в том числе и преступной). Впоследствии было опубликовано постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23. В п. 16 указанного постановления говорилось, что «действия лица, признанного виновным в занятии незаконной предпринимательской деятельностью и не уплачивающего налоги (...) охватывается составом преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ». При этом лица, которые к моменту принятия нового постановления отбывали наказание по совокупности ст. 198 и 171 УК РФ, оказались в очень трудном положении. Ни одна из перечисленных статей не декриминализована, оснований для применения нормы ст. 10 УК РФ нет, поскольку подходы Верховного Суда РФ не являются источниками уголовного права и изменение по-

нимания нормы Верховным Судом РФ не может служить основанием для пересмотра приговора.

Поскольку Верховный Суд РФ дает разъяснения, его деятельность, соответственно, направлена на раскрытие истинного смысла нормы, принятой законодателем. Изменение подхода свидетельствует о переосмыслении и исправлении понимания, существовавшего ранее. Неизбежно возникает вопрос: почему лица, осужденные по совокупности ст. 171 и 198 УК РФ, должны претерпевать все последствия совокупности преступлений (например, такие как в ст. 69 УК РФ), когда оказывается, что законодатель в действительности вложил в данные нормы не тот смысл, что был использован судами в момент вынесения приговоров? При этом изменчивая судебная практика ставит осужденных в различное правовое положение в зависимости от того, какое разъяснение действовало в момент совершения соответствующего преступления.

В подобной ситуации оказался Рахматуллоев З. Б. Он был осужден за покушение на сбыт наркотических средств, совершенное в 2013 г., и просил вышестоящие суды переквалифицировать его противоправные деяния как приготовление к сбыту, указывая, что Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 15 июня 2006 г. № 14 (в ред. от 23.12.2010) расценивал перевозку, фасовку и раскладку наркотических средств (что и совершил виновный) как приготовление. Получив отказ вышестоящих судов, Рахматуллоев обратился в Конституционный Суд РФ. Отказывая в принятии к рассмотрению его жалобы, суд отметил, что «в случаях, когда речь идет о сопоставлении одного официального судебного толкования нормы с другим, более новым, ее толкованием при решении вопроса о том, какое из них применимо <...> необходимо исходить из конституционных принципов равенства и справедливости, а также требования формальной определенности норм, с тем чтобы избежать нарушения общих принципов правового регулирования и правоприменения...» Вышестоящие суды, руководствуясь новой редакцией постановления от 30 июня 2015 г. № 30, отказывали в переквалификации деяния как приготовления к сбыту.

Вместе с тем подобное положение дел вызывает несколько вопросов. Предположим, что наряду с Рахматуллоевым З. Б. свой приговор обжаловало иное виновное лицо, совершившее в тот же период аналогичное деяние. Предположим, его судебное разбирательство было завершено до 30 июня 2015 г. В таком случае вероятно, что суды ориентировались бы на понимание перевозки, фасовки и раскладки как приготовления к сбыту, как и рекомендовал в то время Верховный Суд РФ. Иными словами, можно предположить, что квалификация действий осужденных в определенной степени зависела бы от скорости работы следователей и судебного разбирательства, от загруженности судов и т. д.

Учитывая ранее сказанное, отметим, что подобную практику изменения правовых позиций в ходе толкования норм уголовного закона Верховным Судом РФ нельзя безусловно признать негативным явлением. Изменение подходов зачастую является результатом трансформации общественных отношений, выбора определенного курса развития общества и в целом имеет социальную обусловленность. Однако движение вперед нельзя осуществлять без оглядки на прошлое и без приведения его в соответствие с новыми ориентирами. Без подобной работы изменчивость правовых позиций Верховного Суда РФ будет и впредь нарушать стройность системы отправления правосудия и не будет способствовать достижению поставленной перед ним цели: обеспечения единообразия применения уголовного законодательства Российской Федерации.

Список литературы

1. *Даниелян А. С., Гелиева И. Н.* Постановления Пленума Верховного Суда РФ как форма выражения судебного правотворчества // *Юридическая наука.* — 2018. — № 4. — С. 3–6.
2. *Гонцов Н. И., Реутов В. П.* О юридической природе и видах предписаний, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации // *Вестн. Пермск. ун-та. Юридические науки.* — 2014. — № 3 (25). — С. 10–22.

УДК 343.8

Рандожский Валерий Александрович,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
metr991@mail.ru

Исполнение уголовного наказания в виде обязательных работ

В настоящее время судам позволено применять большее количество уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы на определенный срок. Данный факт может свидетельствовать, с одной

стороны, об усилении гуманизации уголовного законодательства, с другой — о возможной «перегруженности» уголовно-исполнительной системы и ее неспособности справиться с существующим количеством осужденных к лишению свободы [1, с. 12–15].

В любом случае с точки зрения положения осужденного наличие большого количества альтернативных лишению свободы уголовных наказаний тенденция позитивная.

Если проследить историю появления альтернативных лишению свободы наказаний, то в 2005 г. в качестве уголовного наказания стали назначать обязательные работы, через 5 лет начали применять ограничение свободы, в 2011 г. расширили перечень составов, где в качестве наказания могут назначаться исправительные работы. Последней новеллой стало появление в 2017 г. принудительных работ

Одним из первых уголовных наказаний, являющихся альтернативой лишению свободы, стали обязательные работы, т. е. бесплатный труд осужденного. Возможность применения обязательных работ в качестве уголовного наказания было закреплено в Уголовном кодексе РФ в 1996 г. Однако на практике такие наказания не назначались еще в течение 9 лет.

Во многом это было связано с отсутствием нормативной правовой базы, закрепляющей механизм претворения в жизнь данного вида наказаний.

Только федеральным законом «О введении в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде обязательных работ» этот вид уголовного наказания был введен в действие.

Согласно нормам Уголовного кодекса РФ, продолжительность обязательных работ может составлять от 60 до 480 часов. Стоит отметить, что данный вид наказания применяется и к лицам, не достигшим совершеннолетия, однако в этом случае продолжительность работ составляет от 40 до 160 часов.

Началом срока отбывания обязательных работ является день выхода осужденного на работу. Контроль над исполнением наказания в виде обязательных работ лежит на уголовно-исполнительной инспекции по месту жительства осужденного.

В течение некоторого времени в нормах уголовного и уголовно-исполнительного законодательства содержались существенные противоречия относительно организаций, в которых осужденные должны отбывать обязательные работы.

До 2006 г. при реализации данного вида наказания правоприменители сталкивались с коллизией норм Уголовного кодекса РФ и норм Уголовно-исполнительного кодекса РФ. В частности, нормы Уголовного кодекса РФ устанавливали, что осужденные отбывают наказание в виде обязательных работ на объектах, которые определены орга-

нами муниципальной власти совместно с уголовно-исполнительной инспекцией. А нормы Уголовно-исполнительного кодекса РФ регламентировали данную ситуацию следующим образом: обязательные работы должны осуществляться только на предприятиях, подведомственных органам муниципальной власти.

Понятие «предприятия, подведомственные органам муниципальной власти» намного уже, чем «объекты, определяемые органами муниципальной власти», поэтому в 2006 г. данная коллизия была устранена, нормы приведены в единообразии [2, с. 16–19].

Кроме того, следует учитывать, что в большинстве случаев указанный вид наказания применяется судом в отношении лиц, не имеющих легальных источников дохода, не работающих и зачастую ведущих асоциальный образ жизни, злоупотребляющих спиртными напитками.

Список литературы

1. *Гай Е. В.* Совершенствование мер контроля за условно осужденными — залог эффективного применения меры уголовно-правового характера // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2016. — № 3. — С. 12–15.

2. *Лосева С. Н., Гарник С. В.* Организация труда осужденных в условиях реформирования УИС // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2016. — № 3. — С. 16–19.

УДК 342.9

Шевчук Дмитрий Михайлович,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
dv90958@yandex.ru

Административно-правовое регулирование деятельности участкового уполномоченного полиции

Несение службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом им административном участке осуществляется по основ-

ным направлениям деятельности, регламентированным ведомственным нормативным правовым актом [2, с. 95].

В случае выявления правонарушений при несении службы на своем административном участке участковый уполномоченный полиции незамедлительно принимает меры для пресечения данного правонарушения, а также ведет профилактическую работу способствующую предупреждению данных правонарушений. В частности, проводится индивидуальная работа с гражданами, состоящими на профилактическом учете, например с гражданами, в отношении которых установлен административный надзор; с гражданами, которые недавно освободились из исправительных учреждений; с гражданами, которые совершают правонарушения в семейно-бытовой сфере; с гражданами страдающими алкогольной или наркотической зависимостью, состоящими на учете в наркологическом диспансере, а также с гражданами, находящимися под наблюдением врача психиатра (если такой контроль необходим). В ходе профилактических бесед данным лицам разъясняется их моральная и правовая ответственность перед обществом и государством [1, с. 120].

Участковый уполномоченный полиции также рассматривает сообщения граждан о преступлениях и об административных правонарушениях, совершаемых на его административном участке. Кроме того, в обязанности участкового уполномоченного полиции входит осуществление охраны общественного порядка и обеспечение общественной безопасности в жилом секторе. Сообщения граждан о правонарушениях участковый уполномоченный полиции рассматривает строго в соответствии с требованиями, предъявляемыми к данной процедуре. В случае отсутствия на административном участке участкового пункта полиции прием граждан ведется в помещении территориального органа внутренних дел [3, с. 121–122].

Участковый уполномоченный полиции ведет производство по делам об административных правонарушениях. В ходе проведения профилактического обхода административного участка при выявлении административного правонарушения, в частности нарушения правил миграционного учета иностранных граждан, а также распития алкогольных напитков в общественном месте, мелкого хулиганства и других проявлений явного неуважения к обществу, виновные лица незамедлительно привлекаются к административной ответственности.

Между тем организацию деятельности участковых уполномоченных полиции необходимо совершенствовать, учитывая при этом необходимость соблюдения прав и свобод человека (гражданина), соблюдения законности, публичности, взаимодействия с иными подразделениями органов внутренних дел, применения достижений науки и техники, современных информационных и инфокоммуникаци-

онных технологий. Очень важную роль играет уважение и доверие общества (граждан), отсутствие личной заинтересованности должностного лица [4, с. 40–41].

Основная проблема в организации деятельности участковых уполномоченных полиции это возложение на них функций, которые должны выполнять другие подразделения органов внутренних дел с учетом специфики их работы. Например, на охрану общественного порядка в рамках проведения массовых мероприятий, приуроченных к какой-либо дате или событию, территориальные отделы полиции выделяют определенную часть личного состава из числа участковых уполномоченных, несмотря на то что данные мероприятия проходят не на территории административных участков этих сотрудников. Кроме того, участковые уполномоченные полиции выполняют совсем не свойственные им функции, в частности конвоирование подозреваемых, обвиняемых.

Возложение на участковых уполномоченных полиции дополнительных задач, не входящих в их должностные обязанности, лишает их возможности полноценно осуществлять обход своего административного участка, вести профилактическую работу с гражданами, состоящими на учете. Кроме того, нехватка времени не позволяет качественно готовить материалы проверки зарегистрированных в дежурной части территориального отдела полиции сообщений граждан, что приводит к их возврату на доработку из органов прокуратуры и суда. Данные обстоятельства существенно ухудшают условия несения службы, а также способствуют увеличению криминогенной обстановки на административном участке, что, в свою очередь, порождает недоверие граждан к сотрудникам полиции [5, с. 120–121].

Участковым уполномоченным полиции зачастую приходится работать в выходные и праздничные дни, что способствует нежеланию трудиться в данном подразделении и некомплекту личного состава подразделения.

Для качественного несения службы участковым уполномоченным полиции, владения информацией об оперативной обстановке на обслуживаемом административном участке, ведения полноценной профилактической работы с гражданами, состоящими на учете в отделе полиции, необходимо создать следующие условия:

- полностью укомплектовать штат участковых уполномоченных полиции;
- установить точное количество административных участков, которые может обслуживать один участковый;
- не допускать привлечения участковых уполномоченных полиции к выполнению задач, не связанных с обслуживанием закрепленных за ними административных участков.

Список литературы

1. Анохина С. Ю., Бережкова Н. Ф., Васильев Ф. П., Лятифо-ва Т. С. Правовое положение полиции МВД России: учебник / ред. Ф. П. Васильев. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 816 с.
2. Адмиралова И. А. Административно-правовое обеспечение прав и свобод граждан в деятельности полиции: моногр. — Домоде-дово: ВИПК МВД России, 2015. — 258 с.
3. Деятельность участкового уполномоченного полиции: курс лек-ций / под ред. А. Г. Гришакова. — Барнаул: Барнаульск. юр. ин-т МВД России, 2016. — 199 с.
4. Гришаков А. Г., Кузнецова Л. В., Федяев Е. А. Деятельность участковых уполномоченных полиции на административном участке: учеб.-метод. пособие. — 2-е изд., доп. и перераб. — Барнаул: Барна-ульск. юр. ин-т МВД России, 2014. — 124 с.
5. Костенников М. В. Административная деятельность ОВД: учебник для вузов / под ред М. В. Костенникова, А. В. Куракина. — М.: Юрайт, 2017. — 521 с.

УДК 342.9

Черных Евгения Анатольевна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
ignatchenko.e.a@mail.ru

Административно-правовое регулирование оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции

В настоящее время необходимость выработки эффективного мето-да и форм регулирования государством оборота алкогольной и спирто-содержащей продукции предполагает процесс поиска законодателем, юристами, политиками и представителями бизнеса оптимального варианта государственного воздействия на оборот и производство алкогольных продуктов [1, с. 173]. Административно-правовое регу-лирование оборота алкогольной продукции подтверждает роль госу-

дарства в части гарантий конституционных прав и законных интересов организаций и граждан в рамках осуществления организованной экономической деятельности в данной сфере.

Определяя понятие административно-правового регулирования оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции, следует отметить, что такое регулирование представляет собой комплекс мер, применяемых уполномоченными органами государственной власти и органами местного самоуправления и направленных при использовании правовых средств на отношения, опосредующие действия по поставке, хранению, перевозке и розничной продаже алкогольной продукции, с целью защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан и добросовестных участников рынка алкогольной и спиртосодержащей продукции [2, с. 915]. Действующая модель административно-правового государственного регулирования оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции должна быть направлена на выработку подхода, учитывающего уровень экономического развития государства и связанные с ним интересы государства и потребителей, а также на стимуляцию развития алкогольного рынка при условии обеспечения действенной реализации субъектами такого бизнеса их деятельности.

Существующую на сегодняшний день тенденцию в государственном регулировании в данной области можно обозначить как стремящуюся к усилению и централизации контроля со стороны государства. Это подтверждается в том числе введением единой системы учета оборота спиртосодержащих и алкогольных напитков, которая предполагает обязанность граждан и компаний вносить данные о продаже, приобретении, перевозке или хранении медицинского спирта или спиртосодержащих лекарств [3, с. 73].

Правовое регулирование в сфере оборота спиртосодержащей и алкогольной продукции в Российской Федерации осуществляется на уровне федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (далее: закон № 171-ФЗ), который можно назвать ключевым нормативным правовым актом, регулирующим рассматриваемую сферу [4, с. 32]. Указанный закон определяет существенные моменты регулирования, закрепляя правила для предпринимательской деятельности на алкогольном рынке, предусматривая контроль над их соблюдением, фиксируя правовые меры воздействия на участников алкогольного рынка, которые допускают нарушения в защите прав предпринимательства во внесудебном и судебном порядках.

В ст. 16 закона № 171-ФЗ законодатель детально проработал и закрепил особые требования к розничной продаже алкогольной продукции при оказании услуг общественного питания, а также к потре-

блению алкогольной продукции, которые заключаются во введении ограничений, запретов и предписаний. В то же время нормы уголовного законодательства, например в ст. 151.1 Уголовного кодекса РФ от 13 июня г. 1996 № 63-ФЗ, и административного законодательства в ст. 14.16. Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ, обеспечивают такие меры воздействия. Кроме того, закон № 171-ФЗ закрепляет полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации, которые сводятся к осуществлению лицензионного контроля, установлению разного рода дополнительных ограничений по времени, условиям и месту розничной продажи алкогольной продукции и др.

Оценивая эффективность административно-правового регулирования алкогольного рынка, следует провести экскурс в 2010-й и 2011 гг., когда имели место рост масштабов производства и оборота нелегальной алкогольной продукции, сокращение поступления акцизных доходов в бюджеты разных уровней, что, в свою очередь, повлекло необходимость внесения большого числа изменений и дополнений в регулирующее алкогольную индустрию законодательство.

На законодательном уровне изменения последовали в ряде федеральных законов. В результате были внесены существенные поправки, которые свелись к расширению перечня алкогольной продукции, установлению дополнительных требований, ограничений и запретов для розничной продажи, потребления алкогольной продукции, установлению новых лицензионных требований и конкретизации критериев, которыми должны быть наделены субъекты предпринимательской деятельности, специализирующиеся на розничной торговле алкогольной и спиртосодержащей продукцией [5, с. 33].

Указанные выше изменения привели к ужесточению административно-правового регулирования по отношению к производителям и поставщикам спиртного, но вместе с тем возростание акцизов и повышение минимальных цен явились следствием увеличения риска нелегального оборота такой продукции.

Однако законодатель продолжает вести активную работу в части внесения целесообразных изменений в действующие законы, усиления административной ответственности за оборот алкогольной продукции без лицензии с применением такой санкции, как конфискация; введения запрета на продажу алкогольной продукции через вендинговые автоматы.

Констатируя рассмотренные особенности административно-правового регулирования и некоторые недоработки на законодательном уровне, можно наблюдать, что действующее законодательство в рассматриваемой сфере регулярно совершенствуется с учетом вновь возникающих на практике проблем. Представляется важным дальнейшее профессиональное регулирование и развитие нормативно-правовой

базы с привлечением представителей экспертного сообщества, которое учитывало бы социально-экономические последствия применяемых мер.

Список литературы

1. *Панова И. В., Ерохин В. М.* К вопросу о государственном регулировании алкогольного рынка // *Право*. — 2018. — № 1. — С. 158–174.
2. *Копылова О. П., Гусева Т. А.* Государственное регулирование производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции на территории Российской Федерации: состояние и тенденции развития // *Административное и муниципальное право*. — 2016. — № 1. — С. 913–921.
3. *Глушко Т. Ю.* Государственное регулирование производства и оборота алкогольной продукции: ключевые особенности и проблемы // *Государственное управление*. — 2014. — № 43. — С. 68–80.
4. *Максимов А. А.* Теоретико-правовые основы государственного регулирования в сфере производства и оборота этилового спирта, спиртосодержащей и алкогольной продукции // *Административное право и процесс*. — 2019. — № 1. — С. 31–34.
5. *Берзин В. А.* Государственная политика в области винодельческого виноградарства, производства, оборота и потребления винодельческой продукции: моногр. — М., 2010. — 603 с.

УДК 341

Чизухина Ольга Николаевна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции»
(РПА Минюста России),
Россия, Санкт-Петербург,
helga-uhta@mail.ru

Международная трудовая миграция в Европе

В настоящее время большое внимание уделяется вопросу международной трудовой миграции в мире, и в частности в Евросоюзе, поскольку в настоящее время перемещение людей происходит в беспрецедентных масштабах. Прежде всего, миграция происходит в по-

исках лучшей работы, причем в той или иной степени это касается как стран-доноров, так и стран-реципиентов. Миграция оказывает большое влияние на суверенитет, внутреннюю политику, демографический уровень и экономику стран, а какое именно, положительное или отрицательное, зависит от конкретной ситуации. Чаще всего такое влияние по своей сути является совокупностью положительного и отрицательного внешних эффектов.

Позиции исследователей, занимающихся этой проблематикой, почти одинаковы в плане наличия положительных и отрицательных внешних эффектов для принимающих стран и стран выбытия. Однако относительно каналов и интенсивности такого влияния существуют большие разногласия. Это обусловлено множественностью трактовок самого понятия международной трудовой миграции и большим количеством конкурирующих теорий, с помощью которых пытаются объяснить сущность и основные факторы международной трудовой миграции.

Как справедливо отмечают Ю. Гуменюк и Г. Гоголь, возможности конкурирующих подходов к объяснению сути международной рабочей миграции достаточно ограничены, а их количество еще не достигло «критической массы», и «мы не имеем оснований считать на этом этапе возможным разработку теории, которая могла бы объективно объяснить влияние миграционных факторов на развитие национальных экономик и установить реальные причины их успеха или неудач» [2, с. 484–497].

Однако в современных условиях указанное Дж. Хиксом влияние международной трудовой миграции на выравнивание спроса/предложения на рабочую силу в разных странах в ряде случаев не наблюдается. Более того, можно констатировать, что целый ряд международных миграционных потоков осуществляет противоположное воздействие: повышает существующий избыток предложения рабочей силы в некоторых развитых странах.

Объектом исследования являются международные потоки трудовых ресурсов.

Цель исследования — комплексное научное обоснование теоретических и практических основ внешних эффектов международной трудовой миграции.

В стране-доноре в результате трудовой миграции происходит сокращение выпуска продукции, уменьшаются доходы работодателей, однако заработная плата оставшихся работников увеличивается.

Международная трудовая миграция эффективно воздействует на экономику страны — реципиента трудовых ресурсов: увеличивается выпуск продукции, растут доходы работодателей, но уменьшается заработная плата на рынке труда.

Прямая связь международной трудовой миграции с производительностью национальной экономики по логике должна проявляться во влиянии ее на объем одного из базовых факторов производства —

человеческого капитала. Однако дать реальную конкретную оценку эффекта влияния динамики международных миграционных процессов трудовых ресурсов на национальные экономики весьма сложно. Если преобладает нелегальная миграция, то такие эффекты, как правило, остаются за пределами официальной статистики, а следовательно, недоступны для исследования. Так, в профессиональной литературе на основании корреляционно-регрессионного анализа доказывалось, что приток трудовых мигрантов положительно влияет на динамику ВВП в Чехии и Польше, но при этом ухудшает ее в Испании.

Такую разновекторность действия притока иностранных мигрантов на динамику ВВП объясняют активной политикой правительств первых двух из указанных стран по привлечению в экономику легальных международных трудовых мигрантов из Восточной Европы, что становится фактором экономического роста. А в Венгрии и Румынии, например, большое число трудовых мигрантов — нелегалы, деятельность которых находится за пределами официальной статистики.

В целом влияние трудовой миграции на общественное производство является положительным, поскольку объем выпуска продукции в обеих странах после притока мигрантов повысился.

Вывод, который можно сделать из простой графической модели влияния перемещения трудовых ресурсов между странами на экономики этих стран заключается в том, что перераспределение трудовых ресурсов приводит к их эффективному использованию в наднациональном масштабе.

Однако графическая модель влияния международной трудовой миграции на экономику стран-доноров и стран — реципиентов рабочей силы не учитывает социальную защиту, уровень которой в стране-реципиенте, как правило, значительно выше, чем в стране-доноре. Существование системы социальной защиты приводит к ситуации, когда в экономике страны-реципиента существуют незанятые ниши на рынке труда. Местное население не проявляет заинтересованности в трудоустройстве в такие ниши и предпочитает получение пособия по безработице. Поэтому повышение уровня безработицы и уменьшение заработной платы в экономике страны-реципиента даже в случае массовой миграции не наблюдается.

Следует учитывать и динамические аспекты миграции трудовых ресурсов, прежде всего специалистов высокой квалификации. Некоторые зарубежные исследователи отмечают, что в случае даже потенциальной возможности эмигрировать в будущем у молодых людей из страны — экспортера трудовых ресурсов появляются стимулы к инвестициям в свое образование. В таком случае международная миграция высококвалифицированных трудовых ресурсов положительно воздействует на экономику страны-экспортера из-за влияния таких инвестиций на сферу образования и внутренний рынок труда страны.

В высококвалифицированных специалистах заинтересованы, как правило, развитые страны, испытывающие кадровый дефицит. Эта проблема актуальна для европейских государств, где при высоком уровне безработицы высококвалифицированные рабочие места остаются незаполненными [4, с. 101]. В связи с этим в Евросоюзе с 2009 г. действует директива о так называемой «голубой карте», которая облегчает высококвалифицированным специалистам въезд в страну, порядок пребывания и трудоустройства.

Целесообразно ввести эффект передмиграционного инвестирования в образование. Существует даже определенное пороговое значение таких инвестиций, при котором увеличение числа высококвалифицированных рабочих на внутреннем рынке за счет совершенствования системы образования и подготовки кадров превысит потери от миграции части высококвалифицированных трудовых ресурсов за границу. Развитие системы образования будет способствовать повышению квалификации будущих работников, не планирующих эмигрировать для работы за границей.

При наличии избыточного предложения высококвалифицированных рабочих на внутреннем рынке международная миграция части из них вообще не оказывает негативного влияния на экономику страны — донора высококвалифицированных трудовых ресурсов. В таком случае «бегство интеллекта» обычно вызывает потерю определенной доли рабочих высокой квалификации, однако в случае избытка их предложения на национальном рынке труда указанный отрицательный эффект компенсируется дополнительной подготовкой национальной системой образования новых поколений высококвалифицированных трудовых ресурсов за счет денежных переводов мигрантов [5, с. 1335–1374]. По мнению автора статьи, это можно считать еще одним проявлением эффекта мультипликации в косвенном действии денежных переводов мигрантов на экономику страны — донора трудовых ресурсов.

Испания является одной из наиболее «удобных» стран для миграции ввиду весьма высокого уровня жизни и качественной медицины и в то же время низких налогов и коммунальных платежей [3, с. 61–72]. Кроме того, высококвалифицированным специалистам предоставляются льготные условия для получения вида на жительство. Испания единственная страна Европейского союза, осуществляющая легализацию нелегальных мигрантов при определенных условиях. Миграция положительно влияет и на демографическую ситуацию в стране [1, с. 11–14].

В то же время наблюдается большое количество нелегальных мигрантов, попадающих в Испанию с моря. В основном это выходцы из африканских стран и государств Ближнего Востока, которые используют южные города Испании как транзитные для дальнейшего попадания в страны Евросоюза. Это приводит к повышению уровня преступности и не может не настораживать власти страны.

Вопросы миграции важны и сложны ввиду особенностей проблемы перетекания человеческих ресурсов, влияния миграции на суверенитет стран, на безопасность, уровень преступности, комфортность проживания мигрантов и коренного населения.

Список литературы

1. Грушина М. И., Грунина Ю. А. Эволюция миграционной политики Испании в период кризиса // Манускрипт. — 2018. — № 5 (91). — С. 11–14.
2. Гуменюк Ю. П., Гоголь Г. П. Теоретические аспекты исследования влияния международной миграции рабочей силы на развитие экономической системы // Вестн. Омск. нац. ун-та. — 2009. — Вып. 657. — С. 484–497.
3. Кожановский А. Н. Современное испанское общество и «новое переселение народов» // Латинская Америка. — 2018. — № 10. — С. 61–72.
4. Миграционные проблемы в Европе и пути их решения / отв. ред. О. Ю. Потемкина, Н. Б. Кондратьева // Докл. Ин-та Европы РАН. — М.: ИЕ РАН, 2015. — № 315. — 144 с.
5. Borjas, G. J. The Labor Demand Curve is Downward Sloping: Reexamining the Impact of Immigration on the Labor Market // The Quarterly Journal of Economics. — 2003. — Vol. 118, № 4. — P. 1335–1374.

УДК 342.9

Чантурая Даниил Зурабиевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
chanturaya@bk.ru

Незаконное вознаграждение от имени юридического лица: характеристика правонарушения

Значимость освещения проблемы коррупционных правонарушений обусловлена тем, что в настоящее время в Российской Федерации наиболее активно реализуется политика противоборства коррупцион-

ным проявлениям, которая нашла отражение во введении для юридических лиц ответственности за их совершение. На законодательном уровне процесс борьбы с коррупцией зафиксирован в федеральном законе от 8 марта 2006 г. №40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» и в федеральном законе от 25 июля 2006 г. №125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию». Кроме того, федеральный закон от 25 декабря 2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» гласит, что, в случае если от имени или в интересах юридического лица осуществляются организация, подготовка и совершение коррупционных правонарушений, к юридическому лицу могут быть применены меры ответственности.

Так, незаконное вознаграждение от имени юридического лица — это правонарушение, предусмотренное ст. 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (КоАП РФ). Диспозиция данной статьи представляет собой регламентацию таких незаконных действий, как передача, предложение или обещание ценных бумаг или иного имущества, оказание услуг имущественного характера либо предоставление имущественных прав, которые осуществляются от имени или в интересах юридического лица либо в интересах связанного с ним юридического лица по отношению к определенной группе лиц (в частности, например, должностному лицу, лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, и др.), за совершение действия (бездействия) должностным лицом, лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации, которое связано с занимаемым им служебным положением.

Некоторая особенность возбуждения административного производства по делам, связанным с незаконным вознаграждением от имени юридического лица, заключается в том, что полномочиями по возбуждению обладает исключительно прокурор, рассмотрение дела осуществляет мировой судья. В соответствии с материалами судебной практики для такой системы рассмотрения данного рода дел характерно, что административные правонарушения, предусмотренные ст. 19.28 КоАП РФ, как правило, являются следствием возбужденных уголовных дел о взяточничестве или коммерческом подкупе. Материалы уголовных дел по даче/получению взятки, коммерческому подкупу, совершенным в интересах юридического лица, используются прокурором при возникновении вопроса о привлечении организаций к административной ответственности [1, с. 93]. Таким образом, совершение физическим лицом указанных действий, подпадающих под запрет уголовного законодательства, служит основанием для привлече-

ния к ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ, а процесс рассмотрения дела о совершении административного правонарушения происходит либо параллельно расследованию уголовного дела, либо после его завершения и рассмотрения в суде.

Следует отметить, что действующая редакция ч. 1 ст. 19.28 КоАП РФ обусловлена изменением с течением времени характера правоотношений данного типа и более детальным регулированием антикоррупционного законодательства. [2, с. 267]. В частности, новая редакция дополнена составом деяния и включает в том числе незаконные передачу и обещание; расширен перечень субъектов, в чей адрес осуществляются указанные действия (иностранное должностное лицо и публичная международная организация); объект правонарушения дополнен предоставлением имущественных прав. Кроме того, представляется важным, что данное правонарушение считается состоявшимся и в случае, когда имеет место аффилированность, т. е. когда указанные в статье противоправные деяния совершаются от имени и в интересах не только юридического лица, но и юридического лица, которое прямо или косвенно с ним связано. Это позволяет достигать целей реального привлечения правонарушителей к ответственности [3, с. 51].

Вместе с тем диспозиция нормы рассматриваемого правонарушения не лишена ряда недоработок, которые зачастую вызывают затруднения в практическом применении. В частности, речь идет о том, что законодатель не отражает какие-либо специальные требования к лицу, действующему в интересах компании. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что данный законодательный пробел разрешим. Лицами, выступающими в качестве привлекаемых к административной ответственности за незаконное вознаграждение от имени юридического лица, становятся руководители, главные бухгалтеры, начальники коммерческих отделов, поскольку замещение такого рода должностей предполагает осуществление действий в интересах компании.

Отдельного рассмотрения требует и вопрос ответственности за «незаконное вознаграждение от имени юридического лица». В частности, санкция ст. 19.28 КоАП РФ содержит такое дополнительное наказание, как конфискация стоимости услуг имущественного характера и иных имущественных прав. Однако анализ положений данной статьи во взаимосвязи со ст. 3.2 и 3.7 КоАП РФ указывает на то, что такого рода санкция противоречит законодательно установленным правилам, поскольку содержит закрытый перечень предметов конфискации, к которым относятся орудия и предметы административного правонарушения, являющиеся объектами материального мира, т. е. вещами [4, с. 76].

Более того, в соответствии с имеющейся законодательной формулировкой рассматриваемые правонарушения можно условно разделить на три самостоятельных деяния: передачу, предложение и обе-

щение незаконного вознаграждения в интересах юридического лица. Такое разделение важно для проведения разграничения между ними с целью сравнения степени общественной опасности и понимания характера и средств доказывания. При выявлении фактов предложения или обещания незаконного вознаграждения в интересах юридических лиц должностные лица сталкиваются с определенными сложностями в части их фиксации. Под предложением незаконного вознаграждения понимается явным образом выраженное волеизъявление незамедлительно либо в ближайшем будущем осуществить передачу денежных средств, ценных бумаг или иного имущества. Следовательно, такое предложение имеет вид материального блага. Разграничение понятий «обещание» и «предложение» незаконного вознаграждения производится в результате выявления инициатора такого вознаграждения: международные договоры в области противодействия коррупции указывают, что наличие конкретной договоренности между взяткодателем и взяткополучателем свидетельствует об обещании взятки, в то время как такая договоренность не свойственна предложению взятки.

Указанное выше разграничение подтверждает практическую необходимость законодательно установить отдельные размеры ответственности и за предложение, и за обещание, поскольку форма вины и степень последствий за эти правонарушения разная. Поэтому два упомянутых деяния заслуживают особого внимания, в том числе ввиду того, что, несмотря на распространенный характер таких правонарушений, большинство из них остаются латентными.

Учитывая затронутые выше особенности состава правонарушения, предусмотренного ст. 19.28 КоАП РФ, с точки зрения необходимости создания превентивных мер для борьбы с ними следует отметить важность использования государством эффективных антикоррупционных мер в части доработки законодательного регулирования и использования организациями как потенциальными правонарушителями норм внутреннего регламента юридического лица, которые в соответствии с действующим гражданским законодательством должны предусматривать не только полномочия лица, совершающего указанные действия, но и сам характер разрешенных ему действий, а также степень автономности его поведения во взаимоотношениях с третьими лицами [5, с. 47].

Список литературы

1. Багаутдинов Ф. Н. Предложение или обещание незаконного вознаграждения в интересах юридического лица (статья 19.28 КоАП РФ) // Ж-л российского права. — 2017. — № 12. — С. 91–101.

2. Хутуев В. А. Незаконное вознаграждение от имени юридического лица как административное правонарушение: история и перспек-

тива // Пробелы в российском законодательстве. — 2018. — № 5. — С. 266–269.

3. *Бессчастный С. А., Скорик В. Н.* Административная ответственность юридических лиц, от имени или в интересах которых совершаются коррупционные правонарушения // Законность. — 2015. — № 6. — С. 50–52.

4. *Ремизов П. В.* Критический анализ юридических норм об административной ответственности за совершение коррупционных правонарушений // Юридическая наука и практика. — 2017. — № 1. — С. 75–76.

5. *Хорунжий С. Н.* Ответственность за незаконное вознаграждение от имени юридического лица: межотраслевой аспект антикоррупционного регулирования в условиях модернизации современной правовой среды // Административное право и процесс. — 2015. — № 10. — С. 46–49.

УДК 341

Сулягин Семен Данилович,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
semen96@yandex.ru

Особенности определения правового статуса гражданина (подданного) в странах Европы

Не вызывает сомнений, что в каждом из ста девяносто семи признанных государств существует свой объем прав, предоставленных гражданам того или иного государства, и обязанностей перед этим государством, которые необходимо выполнять. Данные отличия существуют в том числе и в странах Европы, несмотря на тот факт, что с 1948 г. европейские державы осуществляют политику единообразия правовых норм и ценностей (политика региональной интеграции), одним из результатов которой стало образование в 1993 г. Европейского союза. Помимо этого многие из современных государств по-разному квалифицируют и определяют свою правовую связь с жителями стра-

ны. В первую очередь это связано с историческими и культурными особенностями развития государства, менталитетом населения и уровнем его правовой культуры.

Примером, наиболее ярко демонстрирующим иной подход в определении статуса жителей конкретного государства в рамках Европы, является Великобритания. Исторически сложилось, что привычный нам «гражданин» в данной стране является «подданным», т. е. состоит в правовой связи не с государством, а с монархом. Однако уже в начале 90-х гг. XX в. в связи с исследованием определений институтов гражданства и подданства в новом законе Великобритании «О государственной принадлежности» (1981 г.) в российской литературе указывалось, что «термин «британские подданные» заметно утратил свое прежнее политическое значение» [1].

В настоящее время в Великобритании понятия и гражданства и подданства определяются одним словом «citizenship», однако имеется четкое различие между словом «citizen» (гражданин) и «subject» (подданный). В связи с особенностями английского языка с относительно недавних пор были введены специальные термины: «британский гражданин» (british citizen) и «британская национальность» (british nationals).

В первую группу попадают физические лица, которые имеют непосредственную политико-правовую связь с Соединенным Королевством, во вторую — абсолютно все граждане Содружества наций.

С исторической точки зрения институт подданства, как уже было указано, олицетворял связь физического лица с монархом, а буквально этот институт трактовался как «нахождение под данью». Возникший во Франции XVIII в. институт гражданства означал принадлежность лица к населению данного государства. В современных условиях различия между институтами гражданства и подданства нивелировались, и даже в традиционной монархии — Великобритании — для обозначения юридической принадлежности лица государству все шире используется термин «гражданин» [2].

Таким образом, до сих пор остаются непонятными объективные причины, по которым российская правовая наука и общество классифицируют граждан Великобритании как подданных Британской короны, если на протяжении практически сорока лет даже сами жители Великобритании таковыми себя не считают. Норвегия и Бельгия, например, тоже являются монархическими, но правовые отношения жителей и государства выражаются в этих странах с использованием института гражданства, а не подданства.

В Германии, Финляндии, Австрии и других европейских странах правовой статус жителя того или иного государства выражается через более привычный российскому обществу институт гражданства. Институт гражданства в каждой конкретно взятой стране развивался

параллельно с соседними странами, и отличий в трактовке данного института не имеется. Но каждое государство в соответствии со своим национальным законодательством закрепляет либо больший, либо меньший объем прав и обязанностей, предоставляемых гражданам.

Так, например, воинская обязанность все еще сохраняется в форме обязательного призыва молодых людей в Финляндии, Австрии, Эстонии, Греции, Украине и Литве. Стоит обратить внимание, что на референдуме, проведенном в 2013 г., граждане Австрии высказались за сохранение данной дополнительной обязанности [4]. Так или иначе, все европейские страны руководствуются Всеобщей декларацией прав человека и не могут лишать своих жителей прав, предоставленных данным документом.

Таким образом, объем прав, предоставленных гражданам, проживающим в Европе, практически одинаков. Различие состоит лишь в количестве обязанностей, которые требует выполнять то или иное государство.

В 1993 г. страны Европы образовали определенную организационную структуру: Европейский союз (ЕС). Одновременно с этим Маастрихтским договором введено положение о гражданстве Европейского союза, которое дополняет национальное гражданство, но не подменяет его. Иными словами, нельзя быть гражданином ЕС, не имея гражданства государства — члена ЕС. Возможно, данное положение является первым шагом к образованию транснационального гражданства как следствия процесса глобализации в мире. Однако некоторые ученые считают, что применительно к институту гражданства невозможно предположить построение в будущем «космополитической империи, которая впервые не будет иметь периферии и внешнего измерения» [3].

Правовой статус гражданина Европейского союза не упрощает решение вопросов в области семейного права, экономической безопасности и в налоговой сфере. Преимуществом данного вида наднационального гражданства в настоящий момент является право свободного передвижения и проживания в рамках Европейского союза, что закреплено в Директиве 2004/38/ЕС. Ни одно другое объединение государств такого масштаба не может себе это позволить. В случае если предположить, что идея общего (транснационального) гражданства получит развитие, что выразится в применении единых норм семейного, гражданского, корпоративного права, потребует разрешения вопрос национального суверенитета государств на осуществление правосудия, целостности границ и т. п.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящий момент в странах Европы не существует отличий в определении правового статуса жителя государства независимо, является ли он гражданином либо подданным. Кроме того, даже сами подданные себя таковыми

не считают и выражают свои отношения с государством через термин «гражданин». Объем предоставляемых прав гражданам идентичен, поскольку приоритетным документом в данном вопросе является Всеобщая декларация прав человека, а отличия регулируются на национальном уровне и зависят от особенностей и менталитета населения. Идея «общего» гражданства для граждан Европы практически не развивается, и вероятность ее осуществления крайне мала по причине независимости государств ЕС, а также неопределенности правовых последствий ее реализации.

Список литературы

1. *Боярс Ю. Р.* Вопросы гражданства в международном праве. — М.: Междунар. отн-я, 1986. — С. 46.
2. *Дмитриев Ю. А., Моисеева Е. Ю.* Комментарий к федеральному закону «О гражданстве Российской Федерации» (постатейный). — М.: Деловой двор, 2014. — 240 с.
3. *Kumm M.* Who's Afraid of the Total Constotution? // *Germal Law*. —Berlin, 2005. — P. 340.
4. *Austrians vote to keep compulsory military service.* // URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-21110431> (дата обращения: 12.10.2019).

УДК 341

Щербаков Никита Анатольевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
nikish1985@yandex.ru

Влияние международных договоров ЕАЭС на законодательство его участников

Имеются два пути улучшения и обновления механизма имплементации для реализации международных обязательств государств.

1. Международные (внешние) меры, которые гармонично влияют на работу механизма имплементации.

2. Внутренние меры, принимаемые в самой стране, обязанной выполнять условия договоров, которые реализуют международные обязательства. Выбирается нужный формат для принимаемых мер, каким он должен быть и будет выполняться в дальнейшем. Это является вопросом исключительно внутригосударственным, но до тех пор, пока независимая юрисдикция страны сама не заставит себя быть должной какому-либо способу или конкретной форме реализации международного обязательства.

Первый пункт устанавливает законные сроки исполнения обязательств, чтобы обусловленные страны могли фактически взаимно выполнять условия процедуры имплементации (на данный момент они не установлены). Нужен устоявшийся для этого четкий механизм, важны зафиксированные и задокументированные даты выполнения данных обговоренных обязательств. Следует всегда учитывать вопрос об одинаково справедливом применении мер к странам — участникам договоров.

Государственные обязательства должны выполняться и на международном уровне. В этом юридическом контексте интерес представляет пример реализации международного имплементационного механизма в рамках договора ЕАЭС, по которому решения для Российской Федерации играют важную роль. Например, п. 1 ст. 111 Договора о ЕАЭС гласит, что международные договоры и решения органов Союза подлежат опубликованию на официальном сайте Союза в сети «Интернет». До опубликования они не вступают в силу.

Современные интеграционные процессы в сфере экономической деятельности на большей части постсоветского пространства характеризуются завершением формирования единой полноценной таможенной территории и единого экономического пространства. В результате процесс совершенствования законодательств стран — участниц Договора ЕАЭС, направленный на упрощение и гармонизацию таможенных процедур, унификацию и гармонизацию нормативных правовых актов, получил новый толчок и стал быстрее совершенствоваться. Кроме того, в России продолжается совершенствование нормативно-регулирующего международного таможенного сотрудничества.

До 2015 г. таможенные правоотношения стран, вступивших в договор о Таможенном союзе, регулировал 31 международный договор, включая статьи Таможенного кодекса, который затрагивает отношения стран-участниц в Таможенном союзе. 9 из них утратили силу, когда появился новый Договор о Евразийском экономическом союзе.

Разная нормативная база участников соглашения часто вызывает проблемы в правоприменении. Важно качественно переделать их структуру, как требует Договор о ЕАЭС.

Обязательные к исполнению общие соглашения лежат в основании требований международного стандарта. ВТО — это нормативный обра-

зец для всех современных торговых норм. В целях совершенствования деятельности таможенных органов в рамках ЕАЭС разработан Таможенный кодекс ЕАЭС, который был введен в действие с 1 января 2016 г.

Очередной Таможенный кодекс создавался как ответ на текущие пробелы и проблемы в правоприменении для участников данного торгового Союза.

Новый документ сильно отличается от устаревшего образца. На это указывает оформление кодекса: 9 разделов и 60 глав (ранее 8 и 50 соответственно). Только за счет своевременного обновления таких правовых документов может совершенствоваться законодательство.

В тексте Таможенного кодекса Союза кодифицированы положения 16 действующих международных договоров, регулирующих таможенные правоотношения. При его подготовке учитывались актуальные результаты переговорного процесса по шести существующим проектам международных договоров, как имеющих самостоятельный предмет регулирования, так и вносящих изменения в предыдущий Таможенный кодекс и иные международные договоры, регулирующие таможенные правоотношения в пределах влияния на ЕАЭС. Следует отметить Протокол о внесении изменений в Таможенный кодекс, разрабатываемый по решению Комиссии Таможенного союза с 2011 г. Почти все положения этого проекта, находившегося к началу разработки Таможенного кодекса ЕАЭС на высокой стадии готовности к подписанию и введению в действие, успешно скорректированы и практически полностью, без существенных изменений включены в новый проект Таможенного кодекса ЕАЭС, что ощутимо ускорило и упростило подготовку проекта Таможенного кодекса Союза.

После вступления в силу Таможенного кодекса ЕАЭС осталось только пять отдельных действующих соглашений и международных договоров, которые хотя косвенно и затрагивают некоторые актуальные таможенные вопросы, но фактически не регулируют основную часть сегодняшних таможенных правоотношений [1, с. 427]. Это второстепенные соглашения, касающиеся регулирования процесса работы объединенной коллегии таможенных служб, правовой деятельности представительств таможенных служб и в случае нарушения договоров особенностей привлечения недобросовестных участников к административной и уголовной ответственности.

Новый документ позволил уменьшить бюрократию в послесудетской юрисдикции, поскольку заменил множество международных договоров, ссылающихся, в свою очередь, на другие аналогичные договоры.

В обновленном Кодексе стоит отметить и инновационные особенности:

1) электронная форма становится основной, письменная форма будет применяться только в особых случаях;

2) декларации будут сами автоматически заполняться в соответствии с развивающимися тенденциями и технологиями нашего времени;

3) перестает быть обязательным предъявление документов проверяющему органу;

4) улучшается процесс передачи поступающей информации на действующей территории;

5) унифицируются особенности таможенного декларирования товаров, перемещаемых в любом (несобранном или разобранном) виде, допускается применение неполного таможенного декларирования и периодического таможенного декларирования;

6) установленный срок сокращается до 4 часов, но в документе прописаны исключения при особых ситуациях;

7) устанавливается возможность выпуска товаров под обеспечение уплаты таможенных пошлин, налогов, в случае если таможенный контроль, начатый до выпуска товаров, не находится в завершенной стадии;

8) совершенствуется институт уполномоченных экономических операторов;

9) получают новое толкование некоторые устаревшие процедуры Кодекса;

10) облегчается прохождение таможенных процедур.

Улучшение действующих механизмов в России за счет совершенствования условий пребывания в ЕАЭС — перспективное направление деятельности. Статья 15 Конституции РФ имеет здесь принципиальное значение. В настоящее время имплементация весьма несовершенна. Международные обязательства принуждают участников к выполнению. Часто из-за пробелов в законодательстве об этом практически ничего не говорится, только некоторые вопросы урегулированы на уровне Конституции РФ в ФЗ «О международных договорах Российской Федерации». Применение международных норм правоприменители зачастую связывают с необходимостью внесения изменений в национальное законодательство, в случае если международные договоры устанавливают иные правила. Многие отдельные положения международных соглашений исполняются автоматически. Например, согласно федеральному закону «О международных договорах Российской Федерации», положения международных договоров, не требующие дополнительно обязательного издания внутригосударственных актов для применения правовых норм, действуют в Российской Федерации непосредственно. Правовые акты тоже часто помогают исполнять существующие соглашения. Нельзя постоянно изменять и улучшать только свое, сложившееся годами законодательство. Применение самоисполнимых положений международных договоров, действующих в рамках ЕАЭС, является одним из популярных способов повышения эффективности их применения странами ЕАЭС [2, с. 63]. Сроки имплементации сейчас точно не называются.

Еще одна общая важная задача для стран, входящих в ЕАЭС, состоит в том, что правовые акты на уровне стран (особенно остро проблема касается законодательных актов, в основном устанавливающих административную и уголовную ответственность) в развитие различных интеграционных обязательств, договорных и недоговорных, не должны противоречить как друг другу, в том числе и в пределах установления ответственности, с тем чтобы избежать следующей за такими ошибками угрозы неравномерного воздействия на субъектов хозяйствования, физических лиц, а также иных негативных последствий несоординированных механизмов реализации обязательств государствами-партнерами в цепочке действия механизма интеграции.

Таким образом, в результате постоянной работы, проводимой в правовом процессе совершенствования законодательства ЕАЭС для соответствия заданным внешним параметрам, национальные правовые системы мало только правильно организовать — для объективных результатов важно учитывать правовой результат имплементации договорных и созданных образований.

Список литературы

1. *Бекашев К. А., Моисеев Е. Г.* Право Евразийского экономического союза. — М.: Проспект, 2015. — 160 с.
2. *Буторина О. В.* Европейская интеграция. — М.: Дело, — 2014. — С. 63.

УДК 341

Сеидов Рафазль Юрьевич,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
Rseidov@hk.ru

Устав ООН и глобальные вопросы современности

Организация Объединенных Наций (ООН) — это глобальная политическая организация, занимающаяся вопросами международного

мира и стабильности. ООН была официально создана в 1945 г., когда после кровопролитных событий Второй мировой войны лидеры ряда стран предложили создать новую глобальную организацию для поддержания мира и предотвращения военных действий.

Первоначально в ООН входили 51 государство-член, а сегодня организация со штаб-квартирой в Нью-Йорке насчитывает 193 члена.

Основные инициативы ООН включают предотвращение конфликтов путем изучения вариантов обеспечения мира, предоставления продовольствия и медицинской помощи в чрезвычайных ситуациях и оказания гуманитарной помощи миллионам людей во всем мире. Хотя ООН иногда критикуют за ее политику, бюрократию и неоправданно высокие расходы, она выполнила сотни успешных миротворческих миссий.

После Первой мировой войны международная группа создала Лигу Наций для разрешения споров между странами. Когда началась Вторая мировая война, инициатива потерпела неудачу, но выдвинула на первый план необходимость новой, реформированной организации, которая могла бы способствовать глобальному миру.

В августе 1941 г. Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль провели секретное совещание, на котором обсуждали возможность осуществления международных мирных инициатив. Они выступили с декларацией под названием «Атлантическая хартия». [5, с. 859].

1 января 1942 г. представители 26 стран-союзниц встретились в Вашингтоне, чтобы подписать Декларацию Организации Объединенных Наций.

Основные принципы и структура Устава ООН были определены лидерами на Конференции ООН по международной организации в Сан-Франциско 25 апреля 1945 г.

Согласно документу, четыре основные цели ООН состоят в следующем:

- поддерживать международный мир и безопасность;
- развивать дружеские отношения между народами;
- добиваться международного сотрудничества в решении международных проблем;
- быть центром согласования действий наций в достижении общих целей [6, с. 335].

За прошедшие годы роль ООН расширилась от организации, занимающейся миром и безопасностью, до организации, которая занимается широким кругом глобальных проблем. Сегодня ООН предлагает решение проблем, связанных со здравоохранением, окружающей средой, уголовным правосудием, положением беженцев и др.

ООН также столкнулась с критикой за содействие глобализации, недостаточную эффективность, поддержку провокационной политики, предложение противоречивых вариантов здравоохранения, из-

лишний бюрократизм, предоставление одним странам большей власти, чем другим, и расходование слишком большого количества денег.

ООН была создана с главной целью поддержания мира и безопасности во всем мире. Тем не менее она была более успешной в областях, которые ее отцы-основатели в 1945 г. считали менее значимыми, таких как ликвидация колониализма, защита прав человека и т. п.

ООН нуждается в реформе, чтобы привести свои цели в соответствие с ее деятельностью. Мир 1945 г. сильно отличался от мира XXI в. Многие из структур и процессов ООН отражают ушедшую эпоху — изменения, которые произошли за последние 74 года, должны быть приняты во внимание [4, с.733].

За период с 1945 г. возникли новые глобальные проблемы, такие как нехватка природных ресурсов, быстрое увеличение населения, состояние окружающей среды, изменение климата, распространение оружия массового уничтожения и новые внутренние конфликты, представляющие угрозу миру.

Кроме того, некоторые структуры ООН продемонстрировали неэффективность. В частности, ООН неспособна заставить государства платить членские взносы, миссии миротворчества проваливаются, Совет Безопасности (СБ) не в силах предотвратить геноцид в Руанде и т. д. [2, с. 591].

Тем не менее существуют острые разногласия по поводу того, какие структуры следует реформировать. Многие небольшие государства выступают за более эффективную многостороннюю организацию, однако наиболее влиятельные правительства, как правило, высказываются против укрепления института и используют свою власть, чтобы остановить любые существенные изменения. Внесение изменений в сложную структуру и процессы ООН оказалось чрезвычайно трудной задачей, особенно когда речь идет о «конституционных изменениях», поправках к Уставу ООН (до сих пор принято только три).

Несмотря на быстрый рост в процессе деколонизации и усиление давления с целью расширения СБ, убедительные доводы в пользу постоянного членства таких крупных держав-членов, как Германия и Япония, а также развивающихся стран, таких как Индия, Египет и Нигерия, до сих пор не увенчались успехом.

Кроме того, вето, предоставленное пяти постоянным членам, которые могут отклонить решения СБ, делает реформирование чрезвычайно трудным.

В 1965 г. СБ был расширен с шести непостоянных членов до десяти, однако это осталось единственным процессом расширения СБ за всю его историю. В условиях количественного роста государств и появления новых крупных держав, таких как Индия, Бразилия, ЮАР, Турция и других, претендующих на повышение своего статуса в ООН, проблема недопредставленности в СБ по-прежнему не решена.

В 1993 г. была создана Рабочая группа открытого состава Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу о справедливом представительстве и расширении членского состава Совета Безопасности и другим, связанным с этой структурой вопросам [3, с. 843].

В 1997 г. Разали Исмаил, президент ГА в 1996-1997 гг., предложил Рабочей группе план реформы, включая расширение и методы работы. Однако план не увенчался успехом.

Еще одну попытку реформирования СБ предпринял Кофи Аннан, создавший Группу высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам [1]. Однако, несмотря на все усилия последних 20 лет, СБ не терпел больших изменений.

Таким образом, очевидно, что Устав ООН нуждается в реформах. Существует ряд проблем, касающихся работы Секретариата ООН, различных миссий на местах, бюрократии, отсутствия прозрачности в работе ООН. Например, программа «Нефть в обмен на продовольствие» во время санкций ООН против Ирака выявила наличие высокого уровня коррупции в ООН.

Одна из проблем заключается в том, что ООН не функционирует должным образом, когда речь заходит о ее основной функции — поддержании международного мира и безопасности. Правительство США сейчас занимается этим вопросом по нескольким причинам. Одна из них состоит в том, что Трамп и его администрация разочарованы отсутствием решения проблемы с Северной Кореей. Кроме того, санкции ООН не помешали дальнейшему развитию ядерных и ракетных программ Северной Кореи.

Список литературы

1. Аннан Кофи. Обновление Организации Объединенных Наций: программа реформы (A/51/950), 14.07.1997 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N97/189/81/IMG/N9718981.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.10.2019).

2. Гюлджян Г. Г., Тюренкова К. А. К вопросу о реформировании Организации Объединенных Наций // Молодой ученый. — 2015. — № 21. — С. 590–592.

3. Зверев П. Г. Изменение парадигмы международной безопасности и международное миротворчество ООН в 1990-е годы // Молодой ученый. — 2014. — № 4. — С. 843–845

4. Кварацхелия Т. Т. Основные причины и проблемы в реформировании ООН // Молодой ученый. — 2016. — №12. — С. 732–734.

5. Назарова А. И. Теоретические вопросы обеспечения международной безопасности // Молодой ученый. — 2014. — № 4. — С. 859–861.

6. *Хаматишина Г. А.* Значение Организации Объединенных Наций в борьбе с международным терроризмом // Молодой ученый. — 2017. — № 2. — С. 334–337.

УДК 342.9

Шубина Юлия Владимировна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
julsoni@mail.ru

О некоторых исключениях из конкурсного порядка замещения должностей государственной гражданской службы

Общепризнано, что именно конкурсный порядок замещения должностей государственной гражданской службы выступает гарантом реализации конституционного права граждан на равный доступ к государственной службе и предусмотрен законодателем в качестве основного способа назначения на должность. Однако законом названы исключения из существующей процедуры. Рассмотрение таких изъятий важно, ввиду того что сужение сферы применения конкурсной процедуры может отрицательно сказаться на формировании профессионально подготовленного корпуса служащих, способно препятствовать притоку новых, молодых кадров в органы государственного управления, снизить эффективность борьбы с коррупцией в государственном аппарате и поставить под угрозу равенство граждан в реализации их прав [2, с. 88].

Существующие исключения из конкурсного порядка замещения должностей гражданской службы можно разделить на две группы: абсолютные, когда проведение конкурса невозможно, и относительные, когда выбор остается за представителем нанимателя. Особый интерес вызывает первая группа. В этой связи остановимся более подробно на абсолютных исключениях, указанных в ч. 2 ст. 22 федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ФЗ № 79-ФЗ).

Пункт 1 указанной статьи гласит, что конкурс не проводится «при назначении на замещаемые на определенный срок полномочий должности гражданской службы категорий «руководители» и «помощники (советники)». В данном случае необходимо одновременное выполнение двух положений: соответствие должности определенной категории и замещение ее на условиях срочного служебного контракта. Следует отметить, что п. 1 ч. 4 ст. 25 ФЗ № 79-ФЗ предоставляет возможность выбора вида служебного контракта для должностей гражданской службы категории «руководители». Однако критерии выбора между бессрочным и срочным служебным контрактом для заключения со служащими, назначаемыми на должности данной категории, федеральным законом не урегулированы и остаются на усмотрение органов государственной власти субъекта Российской Федерации или же представителя нанимателя.

Единого реестра данных должностей не существует, не определены требования к установлению нормативным правовым актом государственного органа перечня должностей категории «руководители». Таким образом, имеется возможность расширения списка случаев заключения срочного служебного контракта, что сокращает количество ситуаций, требующих проведения конкурса на гражданской службе. Обозначенный пробел в правовом регулировании анализируемых отношений на практике позволяет представителю нанимателя самостоятельно определять содержание списка должностей «срочников» и назначать на них доверенных лиц без проведения конкурса.

Для иллюстрации актуальности данной проблемы следует отметить, что в настоящее время в Санкт-Петербурге проводится кадровая политика, направленная на заключение срочных служебных контрактов со всеми гражданскими служащими категории «руководители» высшей и главной группы должностей, а также уменьшение срока их контрактов до минимального (с пяти лет до одного года) [1]. Такое распоряжение высшего руководства города законодательно не закреплено, оформлено лишь в виде письма в исполнительные органы государственной власти Санкт-Петербурга (далее: ИОГВ СПб), руководство которых, в свою очередь, закрепляет во внутренних нормативных документах ограничение срока принятия на службу одним годом (например, приказ администрации Московского района Санкт-Петербурга от 3 апреля 2019 г. № 121-п «Об утверждении перечня должностей, замещение которых осуществляется на основании срочного контракта»).

Таким образом, в результате недостаточного урегулирования этого вопроса конкурсную процедуру минуют все назначаемые в ИОГВ СПб руководители, начальники отделов, управлений и их заместители. Имеющееся на данный момент необоснованно широкое использование права заключения срочных служебных контрактов с гражданскими служащими, замещающими должности категории «руководители»,

может быть преодолено принятием правового акта, регламентирующего формирование перечня должностей категории «руководители», замещение которых осуществляется на основании срочных служебных контрактов, с указанием в нем исключительно должностей первого заместителя и заместителей руководителя ИОГВ СПб, предусмотренных п. 3 ст. 7-1 закона Санкт-Петербурга от 1 июля 2005 г. № 399-39 «О государственной гражданской службе Санкт-Петербурга».

Раскрывая тему абсолютных исключений подробнее, необходимо указать, что, исходя из п. 2 ч. 2 ст. 9 ФЗ № 79-ФЗ, должности категории «помощники (советники)» все без изъятия должны замещаться на определенный срок, равный сроку полномочий лиц, для содействия которым учреждены эти должности.

Становится очевидным, что перечисленные категории должностей, согласно ч. 2 ст. 9 ФЗ № 79-ФЗ исключающие проведение конкурсной процедуры, составляют ровно половину всех существующих категорий должностей гражданской службы («руководители», «помощники (советники)», «специалисты», «обеспечивающие специалисты»). Тем самым формируется весьма многочисленный состав гражданских служащих, назначаемых на должности без проведения конкурса. По своему размеру он не сопоставим с основным корпусом служащих из категорий специалистов, однако, без сомнения, обладает большим влиянием, властью и полномочиями.

Необходимо также отметить, что исключение из конкурсного порядка замещения должностей сделано для лиц вышеупомянутых категорий, замещающих должности исключительно на определенный срок. Возникает вопрос: зачем выделять их в отдельную группу исключений, если ч. 3 этой же ст. 22 ФЗ № 79-ФЗ гласит о непроведении конкурса в случае заключения срочного служебного контракта.

Некоторые исследователи причиной такого дублирования называют стремление законодателя разграничить служащих на так называемых «политических» и «карьерных». При этом к «политическим» законодатель относит назначаемых на срок полномочий руководителя лиц, немаловажным достоинством которых является личная преданность и доверие к ним руководителя [3, с. 10].

Представляется, что достаточно оставить одно положение, закрепляющее что конкурс на гражданской службе не проводится при назначении на должности, замещение которых осуществляется на основании срочных служебных контрактов.

Таким образом, предусмотренные п. 1 ч. 2 ст. 22 ФЗ № 79-ФЗ условия замещения должности гражданской службы без проведения конкурса являются недостаточно обоснованными и законодательно урегулированными. Позиция Конституционного Суда РФ [4, с. 415], полагающего, что необходимость заключения срочного служебного контракта в случаях, когда законом или иным нормативным правовым актом закреп-

плено назначение на должность на определенный срок, в равной мере распространяется на всех лиц, претендующих на замещение должности гражданской службы, и поэтому не нарушает права граждан на равный доступ к гражданской службе, представляется малоубедительной.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что уже в силу самой правовой конструкции из конкурсного порядка замещения должностей гражданской службы может быть исключена любая значимая должность.

Список литературы

1. Беглов запретил трудоустраивать чиновников-руководителей в Смольный более чем на год // URL: <https://www.fontanka.ru/2019/03/10/015/> (дата обращения: 12.10.2019).

2. *Завгородний А. В., Иванкина Т. В.* Конкурсный подбор кадров государственных гражданских служащих // Трудовое право. — 2010. — № 7. — С. 81–88.

3. *Качушкин С. В.* К вопросу о соотношении статуса государственных должностей и статуса государственных гражданских служащих в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. — 2011. — № 6. — С. 10–13.

4. Специфика регулирования труда отдельных категорий работников: учеб. пособие для магистров / под ред. Н. Л. Лютова, И. С. Цыпкиной — М.: Проспект, 2018. — 448 с.

УДК 347.6

Рыбина Маргарита Федоровна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
mfrybina@mail.ru

Правовое регулирование семейных отношений, осложненных иностранным элементом

Вопросы правового регулирования семейных отношений, осложненных иностранным элементом, в настоящее время чрезвычайно ак-

туальны, поскольку возросла возможность свободного перемещения между государствами, а активная трудовая миграция и процессы глобализации способствуют росту количества интернациональных браков. Соответственно, растет и количество разводов.

Семейные правоотношения, включающие в себя элемент иностранного происхождения, понятие хотя и повсеместно распространенное, но с точки зрения правового регулирования весьма сложное. Для начала необходимо определить понятия иностранного гражданина и иностранного элемента.

Понятие «иностранный гражданин» определено в ч. 1 ст. 2 федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». По мнению законодателя, иностранный гражданин представляет собой лицо, обладающее доказательствами подданства иностранному государству и не имеющее при этом российского гражданства. По суждению Н. И. Марышевой, иностранный элемент рассматривается с точки зрения придания ему соответствующей «окраски» и может выражаться в иностранном гражданстве одного из участников или его отсутствии, проживании участников семейных правоотношений за рубежом, нахождении объекта прав за рубежом [5, с. 111]. По мнению А. Г. Егоровой, иностранный элемент расценивается как зарубежная юридическая модель общественного отношения, которая, в свою очередь, выступает катализатором возникновения юридических отношений в отличной от национальной правовой среде [1, с. 176–178]. М. Иссад указывает, что нормы международного частного права будут действовать исключительно в случае принадлежности участников правоотношений разным странам [3, с. 14].

В сфере частного правового регулирования присутствие иностранного элемента предполагает допущение со стороны государств использования норм не только «своего», но и «чужого» права. Сложность заключается в том, что матримониальные нормы государств различаются, даже понятие «брак» имеет разное значение. В Германии под браком понимается и простое сожительство, в ряде стран допускается многоженство, признаются однополые браки.

Правовое регулирование вышеуказанных отношений имеет двухуровневую систему: международный и национальный уровни.

Международный уровень включает в себя заключение двусторонних и многосторонних соглашений между государствами по семейным вопросам. Наиболее известные международные договоры в области правового регулирования брачно-семейных отношений это Гаагские конвенции о заключении и признании действительности браков 1978 г., о признании разводов и решений о раздельном жительстве супругов 1970 г., о праве, применимом к режимам собствен-

ности супругов 1978 г. Участие России в международных договорах, затрагивающих семейные отношения, ограничено: ни одна из вышеуказанных конвенций не была ратифицирована. Однако российские теоретики отмечают сходство некоторых положений отечественного законодательства с Конвенцией о заключении и признании действительности браков (Гаага, 14 марта 1978 г.).

Национальный уровень правового регулирования целесообразно рассматривать на примере нашего государства. В России к основным нормативным правовым актам, регулирующим семейные правоотношения, осложненные иностранным элементом, относятся Семейный кодекс РФ (далее: СК РФ) и федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния». Раздел VII СК РФ включает в себя систему норм, регламентирующую подлежащее применению право. Большая часть коллизионных норм предполагает применение права иностранных государств. Однако рассматриваемый раздел СК РФ не содержит подробного понятийного аппарата. В нем отсутствуют понятие «иностраннный элемент» и конструкции общих понятий международного частного права.

В связи с национальными особенностями правового регулирования семейных отношений, вызванными, например, разным вероисповеданием, актуальным остается вопрос о форме и условиях заключения браков.

На территории Российской Федерации брак будет признан, если он заключен в органах ЗАГС. В Германии действительным считается брак, заключенный в государственных органах, в Италии — церковный брак при условии его последующей государственной регистрации, в Великобритании церковный брак признается и без дополнительной регистрации.

По российскому законодательству условия заключения брака на территории Российской Федерации определяются для каждого из лиц, вступающих в брак, законодательством государства, гражданином которого лицо является в момент заключения брака, с соблюдением требований ст. 14 СК РФ в отношении обстоятельств, препятствующих заключению брака. В соответствии со ст. 12 СК РФ для заключения брака необходимы взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак, и достижение ими брачного возраста. Условие о добровольном согласии обеих сторон на вступление в брак поддерживается законодателями большинства стран, но существуют и исключения. Например, в Индии женщину могут выдать замуж без ее согласия.

Во многих странах существует отличный от России возрастной ценз для вступления в брак, во Франции — 15 лет, в Алжире — 18 лет для женщин и 21 год для мужчин [7].

Действующее российское законодательство не запрещает гражданам заключать брак за рубежом. Брак будет признан в случае, если он заключен в соответствии с законодательством государства, на территории которого регистрируется брак, а также при отсутствии обстоятельств, идущих вразрез с положениями СК РФ (в части ст. 14 СК РФ). Брак, заключенный в дипломатических представительствах или консульских учреждениях Российской Федерации, дополнительного признания не требует [4, с. 32].

Вопросы расторжения брака в зарубежных государствах регулируются различным образом. В отличие от России, где на практике развод между супругами не составляет особого труда, во многих европейских странах законодательно закреплен длительный срок, в течение которого супруги, желающие развестись, проживают отдельно друг от друга, так называемый «срок для примирения». Так, например, в Италии этот срок составляет 3 года, в Испании — 1 год [2, с. 102]. Большое внимание уделяется инициатору и причинам расторжения брака. В зависимости от причин на виновную сторону может быть наложена специальная ответственность за несохранение брака. В России ответственность за расторжение брака не предусмотрена.

В вопросах расторжения брака на территории России применению подлежит отечественное право (ст. 160 СК РФ). Вне зависимости от места фактического проживания гражданин Российской Федерации сохраняет право на расторжение брака в судебном порядке в российском суде, при этом гражданство супруга значения не имеет.

Такой подход представляется узким и императивным. С одной стороны, подобная жесткость регламентирована защитой интересов граждан. С другой — в условиях глобализации и необходимости стандартизации права, обеспечения его идентичности такой подход рассматривается как устаревший и не в полной мере отвечающий сложившимся в международном частном праве тенденциям правового регулирования семейных отношений. Стоит отметить, что европейская модель правового регулирования брачно-семейных отношений более гибкая в вопросе расторжения брака, а прямолинейный подход свойствен мусульманским странам, где решение вопроса о разводе привязано к волеизъявлению мужчины [6]. С точки зрения российского законодателя, целесообразным было бы расширить право выбора супругами применимого к правоотношениям законодательства.

Хочется отметить, что в рамках одной статьи невозможно отобразить все особенности правового регулирования семейных правоотношений с участием иностранного элемента, в связи с чем выделены лишь наиболее распространенные и спорные моменты.

Список литературы

1. *Егорова А. Г.* Национальное право и иностранный элемент // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. D. Экономические и юридические науки: научн.-теор. ж-л. — 2013. — № 6. — 230 с.
2. *Ершова Ж. Г.* Расторжение брака в международном частном праве // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по мат. XXXIX междунар. студ. научн.-практ. конф. — 2016. — № 2 (38). — 170 с.
3. *Иссад М.* Международное частное право / пер. с фр.; ред. и послесл. М. М. Богуславского; примеч. Л. Р. Сюкияйнена. — М.: Прогресс, 1989. — 400 с.
4. *Ильина О. Ю.* Брак как форма государственного признания отношений между мужчиной и женщиной // Семейное и жилищное право. — 2006. — № 4. — 75 с.
5. *Марышева Н. И.* Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 328 с.
6. Journal of Marriage and Family / Publ. by National Council on Family Relations. — 2009. — Vol. 71, No. 3, Aug. — P. 592–607.
7. United Nations. Department of Economic and Social Affairs: World Marriage Data // URL: <https://esa.un.org/fips/Index.html#/maritalStatusData> (дата обращения: 02.09.2019).

УДК 343.8

Ревункова Ксения Михайловна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции»
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
revunkova@mail.ru

Предупреждение рецидива преступлений женщин, отбывших наказание в виде лишения свободы

Проблема предупреждения преступлений, совершаемых женщинами, в последние годы привлекает все более пристальное внимание

публицистов, юристов, психологов, социологов и сотрудников правоохранительных органов, поскольку является серьезной проблемой для всего российского общества.

Согласно данным статистики, в 2018 г. на территории России совершили преступления 145,5 тыс. женщин, что составляет 15,7% от общего числа лиц, преступивших закон [7]. За последние 10 лет доля преступлений, совершенных женщинами, в среднем варьирует в пределах 14–16%. В современной женской преступности выделяют ряд опасных тенденций. На сегодняшний день число наркопреступлений, совершаемых женщинами, увеличилось более чем в три раза. Наблюдаются интенсивный рост тяжких деяний, совершаемых женщинами, немотивированная жестокость и снижение возраста правонарушительниц [5, с. 73].

Но наибольшую тревогу вызывает увеличение удельного веса рецидивных преступлений среди женщин [4, с. 37–41]. Анализ динамики женской преступности за период 2015–2018 гг. показывает, что в 2018 г. показатель рецидива среди женщин был одним из самых высоких: 39,7% (+8,7%) [7].

Опасность рецидива заключается не только в повторном совершении преступления, но и в возможности вовлечения в него других лиц. Исследования показали, что среднестатистический рецидивист за свою «карьеру» вовлекает в совершение преступления до 8 человек [6, с. 25]. Основываясь на этом, рецидивную преступность можно считать своеобразным генератором преступности.

От женской рецидивной преступности страдает не только общество в целом, но и его отдельные институты, прежде всего институт семьи. Семья всегда являлась основной ячейкой общества, и феминизация рецидивной преступности против семьи разрушает традиционный уклад жизни людей, способствует переоценке социально-нравственных ориентиров и росту уровня социальной напряженности, а также влияет на развитие девиантного поведения населения.

У женщин-рецидивисток криминогенные качества выражены сильнее, чем у рецидивистов-мужчин. Это выражается в большей социальной запущенности, проявляющейся в алкоголизации, утрате социально полезных связей, нравственной деградации, бездомности, многократности судимостей. Причиной тому служит неподготовленность женщин к жизненным трудностям, с которыми они неизбежно сталкиваются после освобождения из мест лишения свободы.

В процессе отбывания наказания в виде лишения свободы женщина обязана подчиняться режиму учреждения, в котором она находится, следовать определенным правилам и традициям, вынуждена общаться с ограниченным кругом лиц. Ей приходится изменить сте-

реотип поведения и привычки. Преступницы теряют устоявшиеся навыки общения, социальные и семейные связи, жилье и т. д. В связи с этим женщины испытывают моральные и психологические трудности, связанные с адаптацией. После освобождения их профессиональные навыки не соответствуют требованиям рынка труда, и женщина оказывается без внешней поддержки. Основная проблема, с которой сталкиваются лица женского пола рассматриваемой категории, это невозможность самостоятельно организовать свою жизнь, вернуться в общество и справиться с возникающими трудностями, не прибегая к криминальным способам решения насущных проблем.

В настоящее время предупреждение рецидива преступлений среди женщин, отбывших наказание в виде лишения свободы, является залогом общегосударственной стратегии профилактики преступности [1, с. 4].

В числе профилактических работ с женщинами важно место занимает пенитенциарное и постпенитенциарное предупреждение преступлений, направленное на ресоциализацию осужденных женщин.

Ресоциализация (социальная реабилитация) осужденных женщин, находящихся в исправительных учреждениях, представляет собой систему последовательных этапов. Условно их можно разделить на четыре периода.

Первый период — адаптация к условиям исправительного учреждения. Для снижения риска рецидива преступности в будущем необходимо в период адаптации уделить особое внимание размещению осужденных женщин с учетом степени тяжести и направленности преступления, количественного показателя нахождения в исправительном учреждении (первый или повторный), возможных психологических отклонений заключенных. Так, совместное отбывание наказания здоровой осужденной и осужденной, имеющей различные психические заболевания, может пагубно сказаться на психике первой, что затруднит процесс ресоциализации.

Второй период — отбывание основного срока наказания (зависит от назначенного срока наказания). В данный период необходимо отслеживать психические и физические силы осужденных и не допускать их истощения, усилить контроль над общением между осужденными и пресекать возможное создание групп антиобщественной направленности. Жизнедеятельность осужденных в период отбывания наказания в местах лишения свободы должна быть организована таким образом, чтобы корректировались их психика и личностные установки.

Отбывание основного наказания может исчисляться несколькими месяцами, несколькими годами или даже десятилетиями. В этой связи

не стоит забывать, что некоторые осужденные имеют детей. Поддержка связи между матерями и детьми может послужить хорошим антикриминогенным фактором. Для возрождения и усиления материнских чувств необходимо организовать процесс временного воссоединения между ними. Женщины, проявляющие материнскую заботу о детях, более склонны к положительной ресоциализации после освобождения.

Третий период — подготовка к освобождению. В рамках этого периода законодатель предлагает ряд мер для подготовки осужденных к освобождению, такие как посещение «Школы подготовки осужденных к освобождению», проведение профилактических бесед, рассмотрение вариантов помощи лицам, отбывшим наказание. Не стоит забывать, что уже в этот период следует задуматься о поиске работы.

Для современной российской экономики характерен крайне неблагоприятный процесс прекариатизации, который отражается в динамических и структурных показателях распространения среди граждан, в том числе и среди женщин, нерегулярной занятости [2, с. 32]. Ситуация неформальной занятости, изменчивость трудовых отношений зачастую именно у женщин вызывает состояние психологического неблагополучия. Чаще всего в этот процесс вовлекаются малообразованные женщины. И хотя многие традиционно «женские» в нашей стране специальности и экономические сферы розничной торговли и услуг не требуют наличия высокого уровня образования, даже здесь женщине, отбывшей срок в местах лишения свободы, трудоустроиться намного сложнее, чем лицам женского пола, не имеющим судимости [3, с. 6]. Согласно действующему российскому законодательству, наличие судимости является законным основанием для отказа в приеме на работу в сфере образования, медицины, соцзащиты и досуга, подразумевающую взаимодействие с несовершеннолетними детьми (ст. 351.1 ТК РФ), не говоря уже о педагогической деятельности (ч. 2 ст. 331 ТК РФ).

Период подготовки к освобождению начинается за шесть месяцев до окончания срока лишения свободы. В этот момент осужденные находятся как бы в «периоде ожидания». Перспектива ближайшего освобождения делает эмоциональное состояние нестабильным, сопровождающимся повышенной тревожностью, напряженностью, вспыльчивостью. Для решения этой проблемы целесообразно ввести ряд терапий, направленных на улучшение эмоционального фона заключенных, таких, например, как организация в стенах исправительного учреждения прослушивания классической музыки, проведение дыхательных гимнастик или групповых терапий.

Четвертый период — первые три года после освобождения из мест заключения. Это один из наиболее тяжелых периодов для женщин, вышедших на свободу. Попытки вернуться в общество не всегда могут быть успешными. Для оказания помощи женщинам, освобожденным из мест лишения свободы, необходимо создать определенные условия:

1) безвозмездно предоставлять социальное жилье на непродолжительный срок (30 календарных дней) для лиц, отбывших наказание и не имеющих жилья;

2) создавать центры адаптации и психологической помощи для лиц, вышедших на свободу, в рамках которых оказывать содействие в поиске жилья и трудоустройстве, правовую, медицинскую, социальную и психологическую помощь.

Таким образом, неподготовленность женщин к трудностям, с которыми они неизбежно сталкиваются после освобождения из мест лишения свободы, является серьезным препятствием для успешной ресоциализации. Представляется, что сформулированные выше предложения окажутся эффективными мерами предупреждения рецидивных преступлений, совершенных женщинами.

Список литературы

1. *Карпушина М. В.* Рецидивная преступность женщин, освобожденных из мест лишения свободы и ее предупреждение: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — Рязань, 2013. — 24 с.

2. *Клименко Л. В., Посухова О. Ю.* Гендерные аспекты прекариатизации труда в российском обществе // *Женщина в российском обществе.* — 2017. — № 1 (82). — С. 29–40.

3. *Кобец П. Н.* Совершенствование механизма института условного осуждения в современной России // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление* — 2009. — № 6. — С. 5–7.

4. *Кобец П. Н., Краснова К. А.* Криминологические проблемы взаимосвязи рецидивной преступности и бандитизма // *Научный портал МВД России.* — 2011. — № 3 (15). — С. 37–41.

5. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор. — М.: ВНИИ МВД России, 2019. — 86 с.

6. *Кунц Е. В.* Преступность среди женщин в современной России. — М.: Юрлитинформ, 2009.

7. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // <http://fsin.su> (дата обращения: 18.10.2019).

Шагина Ирина Игоревна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции»
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
shagina.irisha@inbox.ru

Личность преступника как объект изучения криминологии

В настоящее время личность преступника является главной и наиболее сложной проблемой наук криминального профиля, в первую очередь криминологии. История криминологии свидетельствует, что наиболее острые дискуссии ведутся по вопросу личности преступника, именно она является главным звеном механизма преступного поведения. Личность преступника как объект научного познания необходимо рассматривать в виде сформировавшейся на определенном этапе развития криминологии некоторой совокупности упорядоченных знаний, описывающих и объясняющих существование, развитие и особенности преступника [1, с. 5].

Личность преступника — это система социальных и психических черт, свойств и качеств субъекта общественных отношений [2, с. 4].

Согласно теории дифференцированной связи, разработанной Эдвином Сатерлендом (1883–1950 гг.), человек осваивает преступное поведение не потому, что имеет генетическую предрасположенность, а в результате того, что окружен большим количеством примеров криминального поведения. В соответствии с этой теорией преступному поведению учатся в процессе социализации.

Следовательно, личность преступника формируется в результате процесса усвоения антиобщественных взглядов.

В процессе формирования личности складывается индивидуальный облик, формируются ведущие мотивы поведения (защита, самоутверждение, игра).

Социализация личности происходит в определенные промежутки времени. Можно выделить три ее этапа:

- социализация ребенка (от 1 года до 13–15 лет);
- переход от юношества к зрелости (от 15–17 до 25 лет);
- период зрелости (от 25 до 60–70 лет) [3, с. 107–112].

В формировании личности преступника главную роль играет период социализации ребенка. Именно в детские годы индивид бессоз-

нательно усваивает манеру поведения родителей, их реакцию на те или иные проблемы. Психологические исследования показывают, что человек, будучи взрослым, часто воспроизводит в своем поведении то, что было запечатлено еще в раннем детстве. Например, разрешает незначительный конфликт с помощью грубой силы, именно так, как это делали его родители [4, с. 61]. Следовательно, семья является главным звеном в формировании преступного поведения ребенка.

Решающую роль в формировании личности преступника на ранней стадии социализации играет эмоциональный контакт родителя и ребенка. Он служит фундаментом семейных взаимоотношений, в результате которых происходит формирование личности. Лишение родительской ласки, избиение, издевательства способствуют становлению личности преступника.

У большинства преступников процесс формирования личности приходится на детские годы. Часто они рассказывают о своем трудном детстве, о травмах, которые им причинили родители. Однако у огромного числа осужденных было прекрасное детство и эмоциональное взаимопонимание в семье. Следовательно, существует множество факторов, оказывающих значительное влияние на процесс формирования личности преступника в процессе его жизнедеятельности. Для этого стоит углубиться в структуру личности преступника и выявить признаки, в совокупности влияющие на предрасположенность к совершению преступления.

Формированию личности преступника способствуют биофизиологические признаки, такие как физиологическое состояние нервной системы, текущее состояние здоровья. История преступного мира знает множество примеров, когда у человека появлялось желание совершить преступление в результате повреждения структуры головного мозга. Так, Бобби Лонг пережил черепно-мозговую травму, после чего он стал легко выходить из себя, проявлять жестокость, внезапные или громкие звуки вызывали у него ярость. Кроме того, у него появилась неукротимая тяга к насилию. В итоге на счету у Лонга пятьдесят совершенных изнасилований и девять убийств [5, с. 66].

Следующим немаловажным признаком является социально-демографический: пол, возраст, образование, семейное положение, уровень материальной обеспеченности. Так, интеллектуальный уровень определяет характер совершаемого преступления. А возрастная характеристика позволяет судить об особенностях преступного поведения представителей различных возрастных групп.

Важное место стоит отвести нравственно-психологическим признакам, позволяющим изучить мировоззренческие, нравственные установки и ценностные ориентиры преступника. Правовое сознание является одной из форм общественного, а отсюда и индивидуального сознания, показывает отношение людей к действующему законода-

тельству, отражает знание ими меры поведения с точки зрения прав и обязанностей, законности и правопорядка. Основу правосознания составляют: порядочность, чувство долга, внутренняя дисциплина, взаимное уважение и доверие граждан друг к другу, к власти, а власти — к гражданам. Правосознание — это способность уважать право и закон. Преступники, в свою очередь, вступают в конфликт с законом, допускают правовой нигилизм, ставят себя выше требуемых норм права, неспособны до конца осознать, что выполнение норм права является необходимым долгом. Лица, совершающие преступления, проявляют скрытое или явное неуважение к закону, считают, что закон можно обойти, нарушить ради своих интересов.

Изучение криминологией личности преступника позволяет определить разницу между преступником и законопослушным гражданином, установить факторы, влияющие на тягу к совершению преступлений.

Таким образом, формирование личности происходит в процессе социализации, поэтому к изучению личности преступника стоит подходить как к обладателю различных форм приобретенных нравственных и иных взглядов, ценностей, а также индивидуально-психологических особенностей. Для успешной профилактики преступлений необходимо досконально изучить индивидуальные особенности личности каждого преступника, в результате которых совершаются преступные действия. Полученные знания следует использовать при формировании курса воспитательного воздействия, а также для разработки основных направлений деятельности субъектов профилактики и предупреждения преступной деятельности. Стоит отметить, что личность и мотивы ее поступков станут понятны только в том случае, если будут известны особенности жизненного пути данного человека, а также вскрыты и интерпретированы его установки и жизненные принципы.

Список литературы

1. *Антонян Ю. М., Эминов В. Е.* Личность преступника: криминологическое психологическое исследование. — М.: Норма: Инфра-М, 2010. — 368 с.
2. *Кузнецова Н. Ф., Лунеев В. В.* Криминология: учебник. — М.: Волтерс Клувер, 2004. — 640 с.
3. *Эминов В. Е., Антонян Ю. М.* Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 1. — С. 107–112.
4. *Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н.* Личность преступника. — М.: Юрид. центр Пресс, 2004. — 470 с.
5. *Норрис Д.* Говорят серийные убийцы. — М.: Алгоритм, 2018. — 318 с.

Бибина Анастасия Владимировна,
студент Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
Россия, Санкт-Петербург,
polin8@yandex.ru

К вопросу о юридических лицах публичного права

В научной среде давно обсуждается необходимость введения правовой конструкции юридических лиц публичного права в российское законодательство. Правовой статус таких лиц является актуальной темой научных исследований, поскольку институт юридических лиц становится межотраслевым и уже не относится к категориям только частного права, хотя с этим согласны далеко не все юристы.

Многие правоведаы (в основном цивилисты) считают, что понятие «юридические лица» — конструкция моноцивилистическая и не может быть частью публичного права. «Корни» такой позиции лежат еще в советском периоде, когда исследованиями в данном направлении занимался А. В. Венедиктов. Профессор отмечал, что институт юридического лица должен обслуживать только отношения, регулируемые гражданским правом, и не может быть межотраслевым институтом [1]

В наше время в законодательстве Российской Федерации никаких юридических лиц публичного права также не появилось. В. Ф. Яковлев считает, что анализ текстов федеральных законов позволяет констатировать, что юридические лица трактуются с позиций частного права [3]. В то же время в отечественной доктрине высказывается мнение, что, в принципе, юридические лица публичного права существуют в нашей правовой действительности, но должны быть включены не в гражданско-правовое поле, а в другие отрасли российского права.

На практике получается следующее: частное по своей природе правовое средство (юридическое лицо) используется и в публично-правовых общественных отношениях. В качестве примера можно рассмотреть Российскую академию наук (РАН), которая осуществляет фундаментальные научные исследования в различных областях знаний, координирует весь научный процесс в государстве, а также Агентство страхования вкладов (АСВ) — государственную корпорацию, созданную для обеспечения страхования вкладов населения.

По существу, указанные субъекты созданы для решения публичных (государственных) задач. Однако РАН и АСВ участвуют и в гражданском обороте, но их участие не основано на извлечении прибыли и не вызвано только необходимостью материального обеспечения собственной деятельности. При этом данные юридические лица, будучи учрежденными Российской Федерацией, могут самостоятельно распоряжаться предоставленными им средствами для достижения государственных целей. Таким образом, в гражданский оборот они выходят полноправными участниками и тем самым становятся субъектами гражданского, а не публичного права. От юридических лиц частного права они отличаются тем, что возникли на основе и в сфере публично-правового регулирования. Признание за ними самостоятельной правосубъектности имеет целью прежде всего предоставить им возможность участия именно в частных правоотношениях, поскольку для признания их участниками публично-правовых отношений статус юридического лица публичного права не нужен.

В связи с этим возникает вопрос: можно ли говорить о межотраслевом характере юридического лица как правовой категории? Совершенно очевидно, что понятие «юридическое лицо» государствам необходимо лишь в качестве общего определения таких коллективных субъектов публичного права, как государство, субъекты Федерации, муниципальные образования, органы государства и муниципальных образований, некие территориальные публичные коллективы и т. д. [4] Заимствуя цивилистическую дефиницию «юридическое лицо», правоведы, исследующие публичные юридические лица, используют лишь его внешнюю структуру, а содержание наполняют совершенно иными признаками, свойственными субъектам публичного права. Так, деятельность российских некоммерческих организаций, зарегистрированных как юридические лица, регулируется нормами публичного права (конституционного, административного и др.), но не гражданским правом. Многие из этих субъектов учреждены на основании федерального закона или подзаконных нормативных актов. Например, в соответствии с постановлениями правительства учреждены федеральные министерства, агентства и службы, они, в свою очередь, создают свои территориальные органы на уровне субъектов Федерации, государственные корпорации, многие из которых имеют статус юридических лиц. Такой многоаспектный подход к указанному понятию, вызванный объективной реальностью, свидетельствует о необходимости трансформировать понятие «юридическое лицо» в межотраслевое, чтобы публичное право также могло полноценно использовать его в теории и на практике.

Придание правовой конструкции «юридическое лицо» универсального характера позволит использовать его в разных по своей правовой природе общественных отношениях: юридическое лицо как

правовое средство может использоваться как в правоотношениях, основанных на подчинении и неравенстве сторон, так и в общественных отношениях, регулируемых диспозитивными правовыми нормами, включая нормы административно-процессуального права [2]. Конструкция «юридического лица» проникает в различные сферы правовой жизни и требует именно такого общеправового подхода. В связи с этим объективно необходимы юридические лица публичного права, предназначенные для определения статуса публичных субъектов.

В российской доктрине имеются научные разработки концепции юридических лиц публичного права. Большой вклад в разработку теории юридических лиц публичного права внес В. Е. Чиркин. В монографии «Юридическое лицо публичного права» (2007 г.) ученый полноценно, научно обоснованно описал концепцию указанного института применительно к российскому праву, которая дала мощный импульс для дальнейших научных исследований правоведов в этом направлении. Поэтому отечественная юридическая наука может помочь законодателю с введением юридических лиц публичного права в российское законодательство.

Таким образом, концепция юридического лица публичного права имеет реальные предпосылки для ее легализации в российском законодательстве. Для осуществления этой задачи следует признать, что такое правовое средство, как юридическое лицо, является межотраслевым как для частных, так и для публичных правоотношений.

Список литературы

1. *Венедиктов А. В.* Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. / под ред. А. А. Иванова. — М.: Статут, 2004. — Т. 2. — 463 с.
2. *Зеленцов А. Б., Трофимов Е. В.* Юридические лица публичного права (административно-процессуальный аспект) // Государство и право. — 2014. — № 12. — С. 54–62.
3. *Чиркин В. Е.* Юридическое лицо публичного права: моногр. — М.: Инфра-М, 2007. — 352 с.
4. *Яковлев В. Ф., Талатина Э. В.* Юридические лица и субъекты публичного права: в поисках правового баланса // Журнал российского права. — 2016. — № 8. — С. 125–140.

ПРАВО. ОБЩЕСТВО. ГОСУДАРСТВО

Сборник научных трудов студентов и аспирантов

Том 9

Редактор: *И. И. Шефановская*

Верстка: *Е. А. Руднева*

Подписано в печать 25.11.2019. Формат 60×84/16. Печ. л. 12,4. Тираж 75 экз.
Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России).
199178, Санкт-Петербург, 10-я линия В.О., д. 19, лит. А.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России).